

Виталий Ерёмин

СУКИНО БОЛОТО

18+

Виталий Ерёмин

Сукино болото

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67621839

SelfPub; 2022

Аннотация

Сюжет взят из реальной жизни. Россия начала нового XXI-го века. В городе на Волге идет война между уличными бандами подростков. Подпольно «работает» цех по производству наркотиков. Городом руководит коррумпированный мэр. А его помощник по безопасности – глава наркокартеля... Безнадежную ситуацию пытаются переломить журналистка Ланцева и майор полиции (в то время милиции) Булькин. У них не получается. Тогда Ланцевой приходит безумная идея освободить из заключения бывшего главаря уличной банды Радаева, которого Булькин когда-то «сажал» за убийство и налет на банк. Теперь их трое... Но и втроем они едва справляются, подвергая себя смертельному риску, не подозревая, что свою задачу выполняет агент Наркоконтроля, которого они считают «оборотнем», человеком наркомафии. Эта киноповесть – сплошное действие, каким и должно быть настоящее кино. Злодеи из кожи лезут вон в своих черных делах, борцы со злом борются с ними, очертя голову. Читатель видит это кино, включив воображение.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	153
Глава третья	264

Виталий Ерёмин

Сукино болото

Глава первая

Юра Клюев осторожно выглянул в окно. Его мучитель плюгавый Свищ и другие грифы караулили возле выхода из школьного двора. Фиг проскочишь. Нет, можно, конечно, подойти к замдиректора по безопасности. Он здесь, в вестибюле, треплется с вахтером. Но пацанячьи разборки не в его компетенции. И вообще жаловаться, даже если тебя совсем загнобили, нехорошо.

– Ты чего? – спросил зам по безопасности, отставной во-яка с деловым лицом бездельника. – Какие-то проблемы?

Не отвечая, Юра закинул ранец за спину и побрел к дверям.

Гриффы понимали, что денег они на этот раз из него не вышибут. Но они просто обязаны были действовать по понятиям. Не платишь – отвечай. Порядок надо соблюдать.

– До чего ж ты, Клюв, жадный, – укоризненно сказал Свищ. – Ну, денег нет, а чай, сахар? Ты что, чай без сахара пьешь?

– По-моему, я приносил деньги, – с достоинством ответил Юра.

Однажды он принес столько, что они ошалели. Двенадцать тысяч. Все, что мать скопила на ремонт квартиры. Думал, разом отошьется. Но вышло наоборот. Грифы решили, что у его матери денег куры не клюют. Дуралей, он только разжег у них аппетит.

– Отойдем, пообщаемся, – Свищ стрельнул глазами по сторонам.

Зашли в дальний угол школьного двора, где росли большие кусты шиповника.

– Ну, что, Клюв, если не понимаешь человеческого языка, будем тебя опускать.

Они поставили его на колени и помочились по очереди. Это означало, что он теперь опущенный и его теперь будут долбать каждый день, проходу не дадут. Любой пацан может всячески обзывать его и бить, а он не смеет в ответ даже слово сказать.

Юра сидел в кустах шиповника, пока на нем не высохла одежда.

Лифт не работал. Юра поплелся на свой девятый этаж, открыл квартиру, зашел в кухоньку, где стоял старенький компьютер, сел перед ним.

Ну, вот и все. То, чего он боялся, произошло. Теперь осталось сделать то, что он давно собирался сделать, если это произойдет.

Юра включил компьютер, вошел в Word и настучал на клавиатуре: «Мам, я умер из-за того, что у меня вымогали

деньги. Прости за те 12 тысяч. Во всем виноваты грифы, они довели меня до этого. Мам, ты не плачь. Пока».

Он вышел на балкон и перелез через перила. Его увидели снизу. Кто-то из взрослых крикнул:

– Эй, пацан, ты чего задумал?

Он не отвечал – не хотел ничего слышать. Ему все надоело – он устал. Ему хотелось, чтобы все кончилось. Конечно, ему было страшно. Он дрожал всем телом. Но он сказал себе, что надо немного потерпеть. Несколько секунд, и все кончится.

Он сцепил на груди пальцы, это у него получилось непро-извольно, и шагнул с балкона, как парашютист из самолета. Он падал со стоном, будто знал, что за мгновение перед смертью ему будет очень больно. Он упал ничком, у него были сломаны шейные позвонки. Когда люди сбежались, он уже не дышал, только по телу его пробежала дрожь.

Анна Ланцева приехала во двор, где жил Юра, на другой день после его похорон. Вышла из своего старенького «Опеля», огляделась. Современные девятиэтажные жилые дома. Асфальтированные дорожки, детский городок. Хороший микрорайон. Отчего же у него такая дурная слава?

Звали микрорайон Сукиным болотом. Раньше здесь стояли очистные сооружения. Перед строительством сюда два года завозили самосвалами грунт и гравий. Не ставить же новые дома на отходах человеческой жизнедеятельности.

Теперь здесь жили выходцы из некогда элитного района, служащие и рабочие завода, строившего в советское время

ракеты, прозванные на Западе «Сатаной». Чтобы свести концы с концами, продали просторные квартиры и переселились с потерей жилплощади в этот микрорайон.

Мучить Юрину маму вопросами было неловко. Но работа есть работа.

– Вас что-то настораживало в поведении сына?

Женщина глубоко вздохнула, собирая силы для разговора:

– Бросил изостудию, ушел из баскетбольной секции. Значит, стало ненужно. Иногда видела его с ребятами постарше. Объяснял, будто это братья его девочки, с которой он дружил. Я видела, что он привирает, но не понимала, для чего. А на днях друг предложил ему записаться в «школу выживания» в ДЮЦе. Юра тогда как-то странно усмехнулся: «Это как раз то, что мне нужно».

Они заканчивали разговор, когда пришел сосед по лестничной площадке, Станислав Викторович Томилин, мужчина лет сорока пяти с грустным, доброжелательным взглядом.

– Я вас узнал, – сказал он Анне, давая понять, что видел ее по телевизору. – Как бы нам поговорить? У меня тоже проблемы с сыном. У Вани скоро выпускные экзамены. Потом, бог даст, институт. Но вы в курсе? Пирамиду поборов усовершенствовали: теперь она охватывает и студентов. Понимаете, за право жить в своем доме, учиться в школе или институте ребятам приходится платить. Идут за знаниями, а получают понятия. Деньги, чай, сахар, другие продук-

ты собирают якобы для кого-то из осужденных поволжских авторитетов. В каждой школе этим занимается свой «смотрящий». «Смотрящего» ставит «рулевой» – тот, кто смотрит за районом. Говорят, есть рулевой всего Поволжска. Его еще называют ночным мэром.

Томилин взглянул на часы и подошел к окну, будто ожидал что-то там увидеть.

– Ну, вот, толпа в сборе. Давайте сделаем так. Пойдем к нам, и Ваня сам все объяснит.

– У вас нет, случаем, бинокля? – спросила Ланцева.

Ваня принес отцовский бинокль, большой, тяжелый, мощный. Лица пацанов приблизились на расстояние вытянутой руки. Шрамы на головах, перебитые носы выбитые зубы, татуировки. У каждого модная прическа – коротко стриженный газон. Обычный для группировщиков прикид – черные куртки, на ногах «гробы» – черные ботинки с квадратными носами.

Ланцева разглядывала грифов, а Ваня – ее. Он видел эту женщину на экране телевизора. Гораздо симпатичнее телеведущих местной программы, хотя те моложе. Каштановые волосы до плеч, умные серые глаза, никакой краски. Ваня уважал женщин, не пользующихся косметикой, считал их честнее.

– В первых рядах – бригадиры, – словно экскурсовод, пояснял он, – За ними – молодые. Дальше – сопли, их еще мясом называют. В смысле, пушечное мясо: сами лезут в дра-

ки, хотят отличиться.

Пацаны лузгали семечки, сплевывая себе под ноги. Бригадиры и молодые пили пиво. Не допив до дна, передавали бутылки соплям. Те прикладывались, гордые, что им оказана такая честь. Стоявший на земле посредине толпы магнитофон гнал репертуар ансамбля «Руки вверх». Чуть в стороне, ближе к подъезду, дымила сигаретами стайка раскрашенных девчонок.

– Братанки, – обронил Ваня.

– Девочки тоже себя грифами называют? – спросила Анна.

Ваня молча кивнул.

– А где Гришка Федоров, что-то о нем не слышно? – спросил Станислав Викторович, имея в виду первого предводителя грифов.

– Гриф пропал, папа.

Гриша Федоров исчез, а его место занял Сережка Радаев. Но тогда группировщики еще не делили асфальт, и уличные бои не были еще такими жестокими. А они, Томилины, жили в спокойном районе города.

– Господи, почему мы не евреи? Уехала бы, не задумываясь, – подала голос из кухни Евдокия Тимофеевна Томилина.

– Дуняша, до чего ж непатриотично высказываешься! – упрекнул жену Станислав Викторович. – Кому мы там нужны?

– А мы и здесь никому не нужны, – отозвалась Евдокия Тимофеевна.

Анна продолжала разговор с Ваней:

– Ваня, откуда это безрассудство? Пацаны идут на бой со штырями, ножами, кастетами. Даже с самопалами и обрезками. Неужели не страшно?

– Никто не говорит «на бой». Говорят, «на баклан», – поправил Ваня, не дав конкретного ответа.

– Что привлекает ребят в толпе?

– Считается, что там настоящая дружба. Не то, что в школе.

– Пацаны верят в любовь?

– В любовь? – Ваня усмехнулся. – А как же, любовь у пацанов практически ежедневно. С этим проблем нет.

– Родители догадываются? Или ничего не знают про толпы?

– Если б узнали, толпы бы зашатались. Многие пацаны боятся и уважают родителей. За них всегда первый тост. Может, хватит?

– Ванечка, последний вопрос, – сказала Ланцева. – Ты как-то странно отреагировал, когда я заговорила о любви.

– Нельзя в это верить. Если предъявишь за свою девчонку... Короче, за это можно слететь с пацанов. Любовь презирается, – с горечью произнес Ваня.

«Наверно, его начали преследовать из-за девочки», – подумала Анна.

– Итак, пацан – это звание. А ты в толпе кто? Статус у тебя какой?

Тонкое лицо паренька покрылось красными пятнами.

– Про меня говорят, что я – шота непонятное. Не тяну на пацана.

– Тебя за это как-то наказывают?

– Наказывали. Я устоял, – скупое ответил Ваня.

Во двор с форсом, бухая музыкой, вкатил новенький «жигуленок» десятой модели. Чеснок (Руслан Чесноков) подрулил к толпе и лениво вышел из машины. Бригадиры и молодые потянули к нему. Он поздоровался с каждым за руку. Сопли смотрели на него, как на бога, не решаясь подойти. Руслан в самом деле был похож на греческого бога, каким его рисуют в учебниках истории. Короткие курчавые волосы, прямой нос в одну линию со лбом, большие глаза и слегка вывернутые губы.

Чеснок сам подошел к соплям, спросил о жизни, а потом сказал что-то вроде напутствия:

– Ну, что, идете к успеху. Скоро станете настоящими экстремалами. Проведем в ближайшее время еще одну акцию, и весь город будет наш.

От стоявших возле подъезда стайки братанок отделилась девчонка, лет семнадцати, это была Ленка по прозвищу Зажигалка. Она подошла к соплям и, посмеиваясь, выступила:

– Поздравляю! Вы овладели ненормативной лексикой. Вас уже не мучают угрызения совести. Вы не тратите деньги

на книги. Гораздо меньше уходит денег на стрижку. Учителя уже не требуют прилежной учебы. Соседи уже не просят сделать потише музыку. Прогулка по городу давно уже превратилась для вас в охоту. Вы мечтали стать суперменами, и вы станете ими. Руслан сделает из вас людей.

Толпа понимала, что Зажигалка издевается, мстит за Ваньку Томилина. Одно слово Руслана, и братанки сделали бы из нее котлету. Но все знали: Руслан любит Зажигалку. Вот и сейчас он слушал ее, не перебивая, с искрой в глазах.

– А бабы когда будут? – спросил Свищ.

– Между прочим, все мы дрович, – состригли в толпе просто так, для фольклора.

– Тебе сколько? – спросил Чеснок.

– Ему сегодня четырнадцать исполнилось, – нестройным хором подсказали сопли.

– Пора, – сказал Чеснок, посматривая на Ленку. – Пора предаться пороку. А триумфальный крик освоил?

Свищ состроил страшную гримасу и заорал:

– Уроем гадов!

– Не надо так орать, а то я испугаюсь. А девиз знаешь?

– На все насрать!

– А в бою какой девиз?

– Прикрой спину ближнего, и будешь прикрыт сам.

Чеснок положил тяжелую руку на хрупкое плечо пацана:

– Свищ, ты настоящий пацанюра. Будет тебе баба.

Чеснок нашел глазами Шурупа и Пикинеса. Те по взгляду

поняли, что требуется. Появились бутылки с вином и пластиковые стаканчики. Налили не только Свищу, но и другим соплям.

– Ну, что, мордобойцы, первый тост у нас за кого? – спросил Чеснок.

– За родителей, – сказали сопля.

Чеснок кивком головы показал, что теперь можно выпить. Выпили.

– А второй тост за кого?

– За пацанов, – сказали сопля.

Снова выпили.

– Ну, хватит, – сказал Руслан. – Не люблю пьяных. Но третий тост вообще-то знаете?

– За адреналин!

– Правильно. Адреналин не должен выскочить ни в коем разе. Кто там у нас поднимет рейтинг Свищу? Цуца, ну-ка топай сюда!

От братанок отделилась пятнадцатилетняя Цуца, белесая, кривоногая, с грудями четвертого размера, считавшаяся лучшей крестницей для соплей, мечтавших поскорее стать мужчинами. Цуца выполняла свою роль дисциплинированно и почти жертвенно. Она была тайно влюблена в Руслана, но понимала, что здесь ей ничего не светит.

Она подошла и корыстно поинтересовалась:

– А вещество будет?

Шуруп сунул ей что-то в руку.

Цуца обхватила Свища за шею и повела в подъезд, где в подвале, в заброшенной комнате сантехников, были все условия для крестин: старая, прожженная окурками софа и ржавая водопроводная вода.

Толпа заулюлюкала им вслед.

– Эй, Свищ, – крикнул Пикинес, – помни: лучше траха только сос.

– Потрясающе! – воскликнула Анна. – А что ей дали? Не наркотик, случаем?

Ваня молчал.

– Я же вам сказал: положение очень серьезное, – озабоченно проговорил Станислав Викторович.

Чеснок отозвал в сторонку своего врага-друга Славку Барминова. Угостил сигаретой и доверительно сообщил, что завтра на окраине Сукиного болота состоится рубка с кузинскими. Славка слушал, самолюбиво раздувая без того широкие ноздри. Ни фига себе заявочки! Он все-таки основной у бармалеев. Почему не сказать, из-за чего вдруг бой? Почему его не позвали на стрелу с Кузей?

– Так получилось, – примирительно произнес Чеснок. – Кузя неожиданно наехал. Нельзя было оставлять без ответа.

Он мог бы ничего не объяснять. После того как грифы окончательно поработили бармалеев, он мог просто приказать, и пусть бы Славка попробовал послушаться. Но Рулевой велел не наглеть. А слово Рулевого для Руслана было зако-

НОМ.

Славка не верил: Кузя не мог наехать. Бой ему ни к чему. У него пацанов вдвое меньше. Рубка для него – самоубийство. Просто грифы хотят окончательно раздавить последнего более-менее серьезного конкурента.

– После боя заберешь мою тачку, – посулил Чеснок.

Это был широкий жест. Руслан откатался на машине всего месяц. Славка не верил ушам. Значит, он очень нужен. Что ж, тогда он поднимет ставки.

– Тачка – это хорошо, но мало. Давай так – ты отстанешь от Зажигалки.

Ленка-Зажигалка была девочка что надо. Именно девочка, тут есть тонкость, а не девчонка. То есть не стопроцентно уличная. Но ее всеми правдами и неправдами пытались втянуть в толпу, сделать братанкой, особенно не обижая и не притесняя.

– Много хочешь, Бармалей, – с угрозой в голосе проговорил Руслан. – Соглашайся на тачку, пока я не передумал. А насчет Ленки ... Пусть сама решит, с кем ей быть.

Славка усмехнулся:

– Так ведь ты сам говорил, что баба – никто.

Глаза у Чеснока сузились:

– Бармалей, не приводи меня в аффект.

– Ладно, – сдался Славка.

Они обговорили детали. Кузя – автор крученный, наверняка устроит засаду. Но тут уж кто раньше и кто больше спря-

чет своих ребят. Короче, пусть Славкины бармалеи не дрейфят. Может, только первые пять-десять минут боя придется туго. А потом подспеют самые отборные грифы.

– Кузя не выиграет ни при каких раскладах, – твердо пообещал Чеснок, по скулам его забегали желваки.

Он хотел еще что-то сказать, но его отвлек въехавший во двор мотоциклист. Множество хромированных деталей и дуг указывали на то, что отечественный мотоцикл должен был выглядеть, как крутой «Харлей». Ездок остановился у подъезда, где жили Томилины, и снял огромный шлем. Это был Олег Лещев, сын мэра города. Красивый, статный парень, он картинным движением вынул из кармана мобильник и позвонил. Но Даша Томилина уже увидела его в окно

– Смени походку, трусики жуешь! – посоветовал ей Шуруп, когда она вышла из подъезда.

– Эй, – одернул его Олег, – фильтруй базар, ага?

Шуруп только того и ждал.

– А, Лещ! Фигли ты тут права качаешь? Езжай на свой асвалт, там клювом щелкай. (Как многие сегодня, он произносил слово асфальт именно так).

Все знали, что сын мэра живет с папой в элитном жилом комплексе «Калина» с видом на Волгу.

Олег не поддавался на провокацию, сделал вид, что не слышит.

– У него свои понятия, – поддержал кореша Пикинес. – Лучше быть живым трусом, чем мертвым героем. Я правиль-

но говорю, Лещ?

До сих пор Олега не задирали, и он от этого страдал. Стыдно, можно сказать, позорно, когда других бьют, а тебя не трогают. Ему это надоело. Он, не раздумывая, пошел к толпе. Даша попробовала его остановить, но парень был настроен решительно. Он был высок, накачан и уверен в себе.

– Ты, что ли, герой? – обратился он к Пикинесу. – Ну, давай!

Пикинес был для своих семнадцати лет крепкий молодой бизон с большим опытом уличных драк. Оттого нос проломлен и приплюснут. Он подошел к Олегу борцовской походкой, вразвалочку и прорычал:

– Мне пофиг, что ты сынок шишки. Щас ты у меня будешь искать пятый угол.

Олег принял боевую стойку. Сразу стало ясно, парень занимается каратэ.

– Ну, что, жентльмен хренов, давай! – снова прорычал Пикинес. – Или тебе про трусики повторить? Мы тут любим размножаться в коллективе. Давай, присоединяйся со своей умной машей. Бомбардир для нее всегда найдется.

Олег в высоком прыжке нанес удар ногой по носу-пуговке Пикинеса. Получилась увесистая оплеуха. Толпа заорала, подбадривая своего пацана. Пикинес бросился в атаку, но его руки только рассекали воздух. Олег уворачивался легко и красиво. Пикинес совсем рассвирепел и пошел на рожон, но тут же нарвался на удар в подбородок

Толпа накалялась:

– Пикинес, урой его!

Урыть не получалось. Олег забавлялся с Пикинесом, как с боксерской грушей. Спокойно наблюдать это издевательство было невыносимо. Толпа уже готова была наброситься на Олега. Помешал джип с темными стеклами. Дверца открылась, показался молодой мужик, негромко сказал:

– А ну, стоять!

Толпа растерянно смотрела на Руслана. Ждала его реакции. Увидев мужика, Чеснок заулыбался и пошел навстречу. Подойдя, протянул руку. Но мужик руки не принял. Сказал что-то. Чеснок неожиданно сник. Сделал пацанам знак. Мол, снимаемся и исчезаем.

Толпа повалила со двора.

– Погодите, ведь это Царьков! – воскликнула Анна, глядя в бинокль. – Ну, точно он!

Царьков был помощником мэра Лещева по безопасности. И вдобавок к тому местным олигархом. Хотя можно было бы сказать и в обратном порядке. Результат был бы тот же – Царькова знал весь Поволжск.

Ланцева предложила осмотреть подвал. В комнатке, где Цуца посвятила Свища в мужчины, интерес представляла бумажка, которой расплатились с братанкой. Бумажка, оказавшаяся пакетиком, лежала на тумбочке, рядом с закопченной ложкой.

Анна оглядывала комнатку: где-то должен быть и шприц.

Шприц нашел Ваня, под тахтой. Теперь все сходилось. Все-таки Макаров не совсем прав, утверждая, что в городе появляются только легкие наркотики, типа травки. Эх, Левка, Левка...

Анна инстинктивно оглянулась на дверь. Ей показалось, что сейчас кто-то войдет. Нужно быстро уходить. Тайный притон наркоманов не будет долго пустым.

Они увлеклись и не заметили, что за ними наблюдает Свищ. Цуца поделилась с ним веществом. После сладкого свидания малец задремал в нише, под грудой замусоленной спецодежды сантехников.

Прощаясь с Ланцевой, Ваня попросил свести его с наркополицейским, которому можно верить.

Это была очень странная просьба. Парнишка сам предлагал себя в осведомители и нисколько не стеснялся.

– Это опасно, – предупредила Анна.

– Нам надо. Мне и еще одному парню, Олегу Лещеву. Нам эти грифы вот где, – Ваня провел по горлу ребром ладони. – Мы хотим поступать на юрфак.

Теперь понятно. Ребята хотят, чтобы при поступлении им зачли добровольную помощь правоохранительным органам. Только сохранилась ли эта льгота с советских времен? Едва ли.

Анна пообещала: конечно, она сведет их с надежным наркополицейским. Однако не проще ли просто лучше подготовиться к поступлению в вуз?

Ваня усмехнулся:

– Сегодня поступает не тот, кто хорошо сдает экзамены.

Мне нечего дать, а Олег принципиально не хочет давать.

Наркополицейский Лев Макаров был холост, питался на работе. Подогревал в микроволновке все, что покупал в ближайшем супермаркете. Сегодня на ужин был винегрет, кусок вареной колбасы и пол-литра кефира.

Макаров включил телевизор. «Вести» рассказывали о непростой ситуации с наркоманией в России. Большие политики убеждали телезрителей в серьезности положения, называли страшные цифры. «Спохватились, будто с Луны упали», – подумал Макаров.

Поев, он сварил кофе, закурил и подошел к раскрытому окну. Ветер принес с Волги запах рыбьей чешуи. В эти дни шли на нерест косяки воблы. Чешуя у серебристой рыбы стоит сейчас дыбом, а икра крупная, ядреная и необыкновенно вкусная, особенно если поджарить. Полгорода сейчас на берегу и в лодках. Он тоже был бы сейчас там. Но – работа. Макаров ждал посетителей.

Через минуту он терпеливо выслушивал молодую, взвинченную женщину:

– Матери стыдно за то, что вырастила такого уroda. Поэтому пришла я. Я – старшая сестра этого уroda. Он колется второй год. Нигде не работает. Встает утром: «Все, мама, начинаю новую жизнь. Закодируюсь. Дай 500 рублей на обследование». Вечером приходит упоротый. Мать говорит: «Ты

ж, паршивец, укололся!» – «Что ты, мама! Весь день обследовался. Все нормально, велели только зубы подлечить. Подкинь на рентген зуба». Снова возвращается упоротый. «Это у меня анестезия еще не отошла. Завтра иду устраиваться на работу. Надо только купить брюки и туфли». Мать говорит: «Нет, мерзавец, ты меня больше не обманешь!» Сама идет с ним в магазин». Выбрали брюки, примерили туфли, подходят к кассе. «Мама, стыдно как-то, сама будешь платить, давай я». Берет деньги и бросается к дверям. Вечером возвращается упоротый: «Я подонок, мама. Я принес тебе столько горя».

Макаров нетерпеливо заерзал на стуле:

– Можно покороче?

– Сейчас, конец уже близко. Говорит матери: «Лучше будет, если я умру. Есть один способ – «золотой укол». Я сделаю передозировку и тихо уйду. А ты будешь приходить ко мне на могилку». Оба плачут. «Ладно, подонок, – говорит мать, сколько тебе надо на этот «золотой укол?» – «Ну, если обычно я колю два грамма, то здесь надо будет граммов восемь. Четыре тысячи». Мать готова вытащить заначку. Я останавливаю: «Мама, не сходи с ума! Кому ты веришь?» – «Поверю в последний раз». Обнимаются, прощаются. И что вы думаете? Подонок кайфует где-то целую неделю. Потом является: его, видите ли, передозировка не взяла.

Макаров с деланным сочувствием вздохнул. Столько он наслушался этих историй.

– Как зовут вашего брата?

– «Вирус».

– Почему «Вирус»? Он случаен не ВИЧ инфицированный?

– Нет! Просто его партнеры так зовут. И я привыкла так звать.

– Где же он берет чеки с наркотиком?

– Когда где. Сейчас уже не покупают с рук – устарело. Есть тайники. Положил деньги, позвонил барыге. Через какое-то время там, где положил деньги, взял чек. У шпионов переняли.

Макаров подошел к висевшей на стене карте города.

– Можете показать, где примерно закладываются тайники?

Женщина показала два дома. Чеки обычно лежат либо за батареей в подъезде, либо на первом этаже под лестничным маршем. Чаще всего чеки (пакетики с героином) кладут в пустые коробки из-под сигарет.

– Спасибо, – сказал Макаров.

– И все? – спросила женщина. – Надо же что-то делать.

– Будем работать.

Помимо Макарова в городе было еще трое наркополицейских. Но их временно отстранили от работы. Идиоты, взяли в заложники барыгу-цыганку, потребовали за ее освобождение сто пятьдесят тысяч рублей. Сообщники цыганки не дрогнули, заявили в милицию. Разразился скандал. Короче,

городской Наркоконтроль теперь сам отмывался без особой надежды на успех.

Женщина не уходила, хотела еще что-то сказать.

– Брат говорил кому-то по телефону, что скоро наркоту можно будет купить, как конфету.

– Что значит, как конфету?

– Понятия не имею. Мое дело сообщить.

Проводив посетительницу, Макаров задумался. Что-то упустил он в разговоре. Конфета, конфета... Если можно будет купить наркотик так же легко, как конфету, то, похоже, к тому идет. А если наркотик будет в конфете, то это что-то новенькое. Надо самому поговорить с «Вирусом». И узнать, кстати, откуда такая кличка. Ах, черт! Вот что упустил. Пользуясь правом анонимности, женщина не назвала фамилию и адрес. А он даже не попытался узнать. Вот олух!

Заиграл мобильник. Звонил друг, Никита Булыкин, начальник отдела по работе с уличными группировками.

– Если ты поужинал без меня, то я могу просто зайти.

– Заходи, – охотно согласился Макаров, сразу поняв, что у друга очередной конфликт с женой. Иначе был бы уже дома.

Они обменялись обычным шутливым приветствием.

– Аллах акбар!

– Воистину акбар.

Будь Булыкин актером, он бы с одинаковым успехом играл и сыщиков, и матерых преступников. Массивный, мрачно-новатый, вертикальная складка на переносице, крупный нос,

плотно сжатые твердые губы. Он был из тех мужиков, кого не портит даже лысина. А дело, если присмотреться, к тому шло.

Он достал из пакета две бутылки пива.

– Левчик, я тебе вот что скажу. Холостяцкая жизнь имеет смысл только в одном случае – если мужик меняет баб, как перчатки. Учти, женщины не любят робких мужчин. Есть у меня на примете две ласковые телочки: брюнеточка и блондиночка. Ты, естественно, возьмешь себе брюнеточку. А?

– Я лучше еще поработаю, – мягко отказался Макаров.

Никита свесил голову. Только сейчас стало видно, что он уже принял на грудь граммов триста, не меньше.

– Не бережешь ты нашу дружбу, Левчик. Боишься, что Ланцева узнает? Ну, если так, то я начинаю верить в любовь.

– Говорят, красота тоже надоедает, причем быстро, – Макаров вздохнул.

– Ну, тебе надо в методисты идти, – ехидно отозвался Булыкин.

– Слушай, а кто был ее муж?

Видно было, что этот вопрос давно не дает Макарову покоя.

– Вроде, пограниц. На брошенку она не похожа. Раз пограниц, значит, могли убить. Сколько она уже здесь? Года два. Срок вдовства по православным канонам уже прошел. Это католики два года вдовствуют. Православные быстрее утешаются. А может, католики дольше изображают скорбь.

Макаров с удивлением смотрел на Никиту: эка он сегодня так разболтался.

– Учти, Лева, – продолжал Булыкин. – Тот, кто не создал семью до 32 лет, нуждается в психиатре, а тебе уже 34.

– Знаешь, я не могу представить, как Анна стирает мои носки.

– Как все бабы – молча, – Булыкин налил пива, себе и другу. – Холостяк, Левчик, потому и холостяк, что должен себя любить. А ты себя не любишь. И в этом твоя беда.

Их разговор прервал мобильник Макарова. Звонила Ланцева, легка на помине. У нее срочное дело, сейчас подъедет.

Лева достал из стола электробритву и начал приводить себя в порядок. Он был белобрыс, но как раз русой своей, считай, рыжей щетины стеснялся. Булыкин молча наблюдал за ним: хорошо, наверно, чего-то ждать от общения с женщиной. Совсем плохо, когда уже ни на что не надеешься. Хотя... Разве бабе красота нужна? Ей нужно смотреть на мужика и думать, как ей с ним будет хорошо. Как она плакать на нем (или под ним) будет от своего бабьего счастья. Вот что ей нужно, а не выбритые щеки.

Булыкин не поздравил сегодня жену с днем рождения. Забыл, замотался. А она, вместо того, чтобы со смехом напомнить, мстительно молчала. И только вечером уличила в недостатке любви. Никита виновато отвел глаза, тягостно вздохнул и попросил прощения. Но жена на этот раз в помиловании отказала. Сколько можно? За двенадцать лет совмест-

ной жизни минимум шесть раз забывал поздравить. Разве это муж? Разве это любовь?

Жена Булыкина, маленькая, пухленькая, носик пуговкой, понравилась ему своей нестервозностью. Но уже через месяц совместной жизни, когда он что-то сделал в доме поперек, усталилась ему в переносицу и процедила: «Я, кажется, сказала!». В эту минуту она была похожа на гарпию, птицу типа ястреба, которая клевала печень у древнегреческих героев. А потом стала удивлять его разными мелкими хитростями и скоростью вранья. Быстротой, с которой находила оправдания своим женским хитростям.

Булыкин женился в мае. Ему говорили – плохая примета: будешь всю жизнь маяться. Так и вышло. Как разбежаться? Собственно, препятствий никаких. Детей нет. Пришел в загс, подал заявление и все дела. Но что-то останавливало. Наверное, отсутствие замены. Никто в него почему-то не влюблялся. А он... Он был влюблен в Ланцеву. Но маскировал свое чувство, боялся получить от ворот поворот. Так замаскировался, что со временем перегорел.

Выслушав рассказ Ланцевой, Булыкин ехидно проговорил:

– Спасибо, Аннушка, ты нам очень помогла. Только зачем так рисковать? Об этом можно писать и рассказывать, если ты приехала из Москвы и снова уехала. Но если ты живешь здесь, избави тебя бог лезть в такие дела. Тебя ж весь город

знает. Этот двор – известный гадюшник грифов, и ты там наверняка засветилась.

Ланцева ответила с возмущением:

– Ничего себе! Ты мне еще выговор устраиваешь. Ребята, мы теряем время. Надо ехать в этот подвал.

Никита успокаивающим жестом дотронулся до ее руки.

– Аннушка, расслабься. Я ж сказал: нельзя тебе светиться. И нам с Левкой ни к чему.

Макаров молчал. Он был согласен с Булыкиным: эмоции в таких случаях излишни. И горячку нечего пороть. Успеется.

Булыкин позвонил своему помощнику лейтенанту Гоше Тыцких, назвал адрес дома, поставил задачу. Вот это правильно. Это профессионально. Гошу в городе мало кто знает, хотя он здесь вырос.

Макаров вынул из ящика стола сухой торт. Он держал его на тот случай, если Анна вдруг придет по какому-нибудь делу. Ланцева достала из сумки бутылку «Хеннеси». Менты озадаченно притихли. Они знали, что, подрабатывая в «Вестях», она получает больше, чем они оба вместе взятые. Только зачем это демонстрировать?

– Ребята, – сказала им Ланцева, – вы знаете, у меня нет подруг. А иногда так хочется выпить. Ну, с кем еще, если не с вами?

– Давай! – Булыкин решительным движением свернул пробку.

Макаров только пригубливал. Анна стала его задирать:

– Знаешь, Левочка, по моим наблюдениям, по-настоящему интересные люди – только люди пьющие.

Булыкин вступился за друга:

– Аннушка не портить момент. Лева готов прервать свою счастливую холостяцкую жизнь и положить ее к твоим ногам.

Ланцева рассмеялась:

– Бог с тобой, Никита. Для него жениться – все равно, что повеситься.

Спустя час помощник доложил Булыкину, что осмотрел подвал, но никаких признаков употребления наркотиков не обнаружил. Голос Гоши звучал ровно, даже равнодушно. Неужели не выполнил распоряжение? А если все же побывал в подвале, почему ничего не увидел?

Ланцева напряженно ждала. Никита соврал:

– Аннушка, твоя информация в работе

Помощник был для него загадкой, а поручение – проверкой которую Гоша, похоже, не выдержал. Не мог он, побывав в наркопритоне, ничего там не увидеть. По определению не мог.

Ланцева вспомнила о просьбе Вани Томилина. Спросила Макарова, когда Булыкин вышел покурить в коридор:

– Лева, тебе нужны источники?

– Еще как.

– Тебе позвонят, я дала твой телефон. Ребята оканчивают школу, хотят поступать на юрфак.

Макаров покачал головой:

– Не имею права, они еще несовершеннолетние. Опасное это дело, если что случится, мне – вилы.

Он только изображал безразличие, а на самом деле был рад, что могут появиться помощники. После того, как коллеги вляпались с цыганами, он работал фактически в одиночку.

– Может, ты чего-то не знаешь... Ребята считают, что толпы капитально подсаживаются на наркотики. Этого нам только не хватало, – заметила Анна.

– Ладно, пусть выходят на меня.

Свищ сразу дозвонился до Чеснока, но тот был на другом конце города, и когда приехал, было уже поздно. Карауливший возле бытовки сантехников Свищ доложил, что какой-то мент уже там.

Чеснок сидел на скамейке возле входа в подъезд и сообщал, что же делать. Если бытовка засветится, Рулевой по головке не погладит.

Лейтенант Гоша Тыцких аккуратно сложил в полиэтиленовый пакет остатки белого порошка, закопченную ложку, шприц. Еще раз осмотрел комнату. По-хорошему бы капитальный шмон устроить. Может, тут тайник оборудован. Но сколько возни: железки, грязное тряпье... Нет, что ему сказано найти, то он и нашел. А на шмон пусть командир (так Гоша звал Булыкина) отдельное «добро» дает. С этой мыслью лейтенант вышел из подъезда.

То, что крепкий малый сидит на скамейке не случайно и имеет какое-то отношение к бытовке, стало ясно по первому взгляду. В каждом зрачке – по лазеру.

Чеснок смерил Гошу с ног до головы. Лениво-небрежно спросил:

– Ты чего тут забыл?

Гоша присел рядом и тем же тоном процедил:

– А ты что-то там оставил?

– Короче, сколько? – спросил Чеснок.

– Тридцатник.

– Ни хрена себе!

– Тогда я пошел, – Гоша сделал вид, что готов подняться и уйти.

– Держи, – Чеснок отсчитал ему тридцать тысячерублевок.

Дома Ланцева первым делом проверила шкатулку, где обычно лежали деньги. Снова не хватает ста рублей. Раньше пропадали мелочь. Потом Максим стал выуживать десятки. И вот теперь перешел на сотенные. На школьные обеды, кино и мороженное она ему дает. Значит, вымогает толпа.

Максим сидел за компьютером, играл в стрелялки.

– Почему не спишь? Нашел занятие!

– Имею право.

В дневнике одни пятерки и четверки, уроки выучены. Действительно, имеет право. Лучше стрелялки, чем телевизор. Обидно только, что ведет себя так, будто ему нечего сты-

диться. Что делать в таких случаях? Вызвать на откровенный разговор или перетерпеть? Все дети воруют у родителей. Она сама таскала сладости. Но ладно, если это временная детская kleптомания. А если... Мысли снова возвращались к толпам.

Можно поделиться с подругой. Тем более, что Оля педагог и живет с мужем и сыном Рустамом, ровесником Максима, в соседней комнате. Но как-то неловко, стыдно. Господи, может у Оли та же проблема? Может, и она стыдится за своего сына? Нет, надо поговорить. Но только не сегодня. Устала. Ужинать и спать.

Еда на столе. Оля приготовила, осталось только подогреть- Макс, ты сыт?

– Сыт.

Только сейчас Анна заметила, что постель у Максима постелена. Он бы уже спал. Ждал ее.

– Сын, у тебя все хорошо?

– Нормально.

– Никто тебя не обижает?

Молчит, сопит. Значит, обижают.

Зачем они выбрали этот город? Отчасти затем, что дальше, на запад от Волги, ехать было психологически трудно. До Волги – это как бы еще Азия.

Мы – мигранты. Эти слова Анна говорит себе каждый день. Находится для этого повод. И Оля ни на один день не забывает, кто она и откуда, и уж тем более муж ее Фархад.

Но они беженцы, которым повезло. Анне дали двухкомнатную квартиру, и она приютила у себя старых друзей.

– Мама, а папа скоро вернется? – спросил Максим.

Он каждый вечер, прежде чем заснуть, задавал этот вопрос.

– Папа на задании, – заученно ответила Анна.

– Как Штирлиц?

– Как Штирлиц.

– А с кем он воюет?

– С врагами, Максик, с врагами, спи, – сказала Анна.

Капитан Федеральной пограничной службы Михаил Ланцев пропал два года назад во время выполнения служебного задания. Ехал в переполненном поезде из Душанбе, следил за наркокурьерами. Те сошли с поезда в Астрахани, Ланцев – следом. И – потерялся, перестал выходить на связь. На другой день его нашли на скамейке в парке мертвым. Медэксперты нашли у молодого и совершенно здорового мужика отек легких. Анне тело мужа привезли в цинковом гробу. Сопровождавший гроб наркополицейский почему-то спросил, не кололся ли сам капитан Ланцев.

– Зачем вы об этом спрашиваете? – удивилась Анна.

– У него нашли следы от уколов.

– Кошмар! Этого не может быть! – закричала Анна. – Зачем вы мне это сказали?

Теперь я всю оставшуюся жизнь буду мучиться этим вопросом.

Наркополицейский посоветовал ей не распространяться о гибели мужа. Это может отразиться на ней и на ребенке. А лучше – сменить место жительства. Вручил под расписку конверт с деньгами и отдал честь.

Так она оказалась в тихом Поволжье.

Анна осмотрела у заснувшего Максима руки. Следов от укусов, слава богу, нет. Привычно ужаснулась, что вынуждена этим заниматься – проверять.

В кухню вошла Оля, маленькая блондинка, больше похожая на пионервожатую, чем на учительницу. Ученики называли ее Оля Петровна. Она не обижалась, не требовала к себе почтения, считая это глупостью. Что главное для классного руководителя? Контакт.

– Что, подружка, любовь сейчас презирается? – спросила Анна. – А дружба? Дружбы в школе уже нет?

Оля грустно улыбнулась:

– Всеобщей дружбы в классе и раньше не было. А любовь теперь для ребят это – секс. Знаешь, есть у меня ученик Руслан. Влюбился в одноклассницу Лену. Говорит: «вошел в сексуальный штопор». Но таких, как Руслан, слава богу, немного. Любите вы, журналисты, обобщать.

– Есть грех, – согласилась Анна. – А педагоги что любят? Скрывать изъяны учеников? Знаешь, как это называется?

Оля улыбнулась совсем грустно:

– Знаю: круговая порука. Но попробуй, не скрой. Руслан уже обещает мне голову отвернуть, если хоть один выпуск-

ной экзамен не сдаст. Я перед ним оправдываюсь: Руслан, не могу же я учителям приказать, чтобы тебе не ставили двойку. Можешь, говорит, ты – классуха, значит, можешь.

Анна проговорила задумчиво:

– Странное, совсем не русское имя Руслан. Как это Пушкин пропустил мимо ушей? А что, он с тобой на «ты», этот Руслан?!

– Я же мигрантка, почти не человек.

«Что же делать?» – раздумывала Анна. Надежды на местную власть – никакой. А что тут можно придумать, кроме как переехать в другой город, где нет этой напасти? Только где еще так же повезет, как здесь, с квартирой?

– Руслан обещает мне сто тысяч рублей, если оформлю ему аттестат зрелости, – продолжала Оля, – Ему, видите ли, некогда ходить на экзамены. У него, видите ли, бизнес. Он, видите ли, уже переговорил с другими учителями. Они якобы в принципе не против. Так что дело за мной. Что делать, подружка? Я боюсь за Рустамчика.

«Дети наши – как заложники, – подумала Анна. – И мы вместе с ними. Террор на бытовом уровне, но попробуй об этом напиши».

– Поговори с учителями. Может, этот Руслан тебя на испуг берет.

– Понимаешь, он на меня все замкнул, как бы ответственной назначил, – сказала Оля. – Дикое положение. Если я заведу с учителями этот разговор, они меня же в организаторы

этой аферы и запишут. Все считают, что мы привезли сюда азиатскую коррупцию.

«Это точно», – подумала Анна. Соседка ей в лицо бросила, что не просто так ей дали квартиру. Прет из людей негатив. Или сограждане всегда были такими, просто теперь нет нужды выглядеть хорошими.

– Как Максим ведет себя в школе? – поинтересовалась Анна.

– Я редко его вижу, – сказала Оля.

– Рустамчик не таскает у тебя деньги?

– Я не проверяла.

Анна случайно услышала однажды, как Фархад тихонько наставлял сына: «То, что *им* можно, *нам* – нельзя». Да, Рустамчик, пожалуй, не возьмет у родителей ни копейки, а деньги ему наверняка нужны больше, чем Максиму. «Господи! Пусть Максим платит эту чертову дань, только бы его не посадили на наркотики».

Два месяца назад в отделе Булыгина установили телефон доверия. Об этом сообщили местные газеты и муниципальное телевидение. Но подростки редко делились своими проблемами. Если и звонили, то чтобы покуражиться. А вот сегодняшний звонок был, похоже, серьезный.

– Это милиция? – говорил ломкий мальчишеский басок. – Сегодня будет большая рубка. У меня все.

– погоди, – придержал его Булыкин. – Ты не сказал, кто

с кем. И где?

– Грифы и бармалеи с кузинскими, а где – не знаю, – ответил басок.

Никита подошел к карте города. Разноцветными маркерами были обозначены места, где происходили сходняки и массовые драки. В глазах рябит. Гоша постарался по личному распоряжению полковника Шокина. Страсть как любит начальник пыль бросать в глаза проверяющим.

Другой звонок. Зловещий шепот:

– Сегодня пьяные ветераны поколотят скинхедов. – И с гоготом, – Скоро весь город будет наш, мусора позорные.

Еще позвонили, на этот раз по обычному телефону. Трубку снял Гоша. Дежурная «скорой» помощи сообщила, что звонил какой-то мальчишка, предупредил, чтобы запасались донорской кровью.

– И все? Больше ничего не сказал? – спросил Гоша.

– Ничего.

Булыкин нервно прошелся по кабинету, остановился перед помощником:

– Ну, где информация твоей агентуры? Звони, ставь в известность, перепроверяй

Мрачно глядя прямо перед собой, Гоша обиженно откатился в кресле от компьютера, где играл в покер. Подбородок зарос модной щетиной. Челюсти лениво перетирают жвачку.

Гошу рекомендовал в отдел сам полковник Шокин, начальник городского УВД. Мол, парень когда-то мотался, зна-

ет специфику группировщиков. Крови на нем нет, вовремя отшился, взялся за ум, а потом уехал, школу милиции закончил. Булыкин не удивлялся. Так уж повелось в их городе. Повзрослев, одна половина группировщиков уходила в криминал, другая – в милицию.

– Агентура молчит, – ответил, наконец, Гоша. – Значит, ничего не будет. И вообще, чуйка подсказывает, ложные это сигналы, командир. Дезуха.

Никита удивился богатству сегодняшней Гошиной лексики. Обычный его словарный запас ограничивался фразами «не понял юмора», «нормальный ход», «вот такие пироги», «к бабке не ходить». Нет, еще любит слово «корректно». Просит, когда Булыгин его отчитывает: «Командир, давайте будем корректны».

Заглянул Макаров, принес невские пряники. Гоша пошел в туалет за водой для электрочайника.

– Где ты откопал это чмо? – негромко поинтересовался Макаров.

Булыкин отправил в рот пряник, сладкое он любил в любом виде:

– Если чмо расшифровывать как Чрезвычайно Мудрая Особь, то у Гоши вся мудрость уходит на то, чтобы не работать. Ни за зарплату, ни за идею.

– А какая сейчас может быть идея?

– Идея, что впереди конец. Изворуемся, исподлимся, деградируем, и возьмут нас голыми руками, сами отдадимся.

– Кому мы нужны?

– Мы – нет. Территорию возьмут.

Они не успели допить чай, как позвонили из дежурной части:

– Ребята, у вас месиво на Сукином болоте.

Битва шла с соблюдением правил воинского искусства – строем с охватом по флангам. В центре месились старшаки, по флангам 15-16-летние пехотинцы. В ход шли арматурины, бейсбольные биты, заточки. Кузинские истошно матерились. Гифы рубились молча, только изредка кто-то вопил:

– Урою гадов!

Слышались вопли раненых. Метрах в ста от места, где шла драка, в цокольном этаже строящегося здания действовал лазарет. Девчонки, среди которых были Ленка и Цуца, перевязывали раненых пацанов. Для этой цели у них были заготовлены пакеты с йодом, пластырем, бинтами. Если бы за ними началась погоня, они бы бросились врассыпную по подвалам и теплотрассам. Шансов схватить кого-нибудь у милиционеров было немного.

Здесь же сидели тридцать старшаков под метр восемьдесят и сам Руслан Чесноков. Чего-то ждали. Наконец, появился гонец, это был Свищ. Глаза по полтиннику, голова в кровище.

– Пора, – сказал Руслан. – Яйца в узел и – вперед!

Старшаки натянули черные перчатки, надели на головы

капроновые чулки, высыпали из цокольного этажа и молча бросились на кузинских, наводя на них ужас и обращая в бегство. Убежать от гифов редко кому удавалось...

Гоша Тыцких, надо отдать ему должное, гнал, как заправский гонщик. Не сбрасывал газ даже на самых крутых поворотах. Рывкал в мегафон на обгонах: освободите полосу! Даже самые упрямые водители прижимались к бордюру.

Подъехав к Сукиному болоту, заглушил мотор и включил дальний свет. В сумерках металась фигуры, слышались стоны и ругань. Лица лежавших в крови подростков были белые, будто измазаны известью. Пахло испражнениями. Булыкин отметил про себя, как много на этот раз брошенного железа: металлических прутьев, кастетов, ножей.

От соседних домов подступили зеваки.

– Прикатили, миротворцы хреновы, – проворчал пьяный голос.

Гоша надвинулся на мужика:

– А ну, вали отсюда!

Булыкин сделал помощнику выговор:

– Ты опрашивать должен, а не гнать!

– Если хочешь знать, это я вызвал «скорую», – объявил

Гоше мужик.

– Ну, ладно, Давай, говори, что видел.

К Булыкину подбежал врач, мужчина с восточным лицом.

– Здесь куча тяжелых, Никита.

«Мне хана», – подумал Никита. Полковник Шокин мог

простить ему один труп, максимум, два. Здесь намечалось гораздо больше.

– Скажи санитарам, чтобы ни к чему не прикасались!

– То есть? – не понял Фархад.

– Что ты придуриваешься? Не трогать железо, орудия преступления.

Фархад оказывал услуги братве. Если проникающее ножевое ранение или пролом головы, или кто-то пулю схлопотал, делал операции в домашних условиях. Зная об этом, тем не менее Булыкин не трогал таджика. Понимал, что движет азиатом не корысть и даже не врачебный долг, а страх за жену и ребенка.

Уложив на носилки раненого подростка, медбратья бегом потащили его к санитарной машине.

Фархад сообщал по рации «скорой помощи»:

– Примерный возраст от 15 до 18 лет. Тяжелые черепно-мозговые травмы, проникающие ножевые ранения почек, печени, селезенки. Всех не довезем.

– Как это не довезете? – возмутился Булыкин. – Возьми мой «Жигуль».

Врач сказал тихо:

– У четырех ребят давление практически на нуле.

Они подошли к большому парню, санитары с трудом укладывали его на носилки. Это была городская знаменитость – телохранитель Кузина по кличке Пломбир.

На Пломбире не было живого места, весь изрезан и иско-

лот. Похоже, им отдельно занимались самые крутые грифы. Конечно, он не жилец. Весь в поту. Это предсмертный пот.

– А этому, наверно, еще пятнадцати нет, – санитар показал на лежавшего рядом пацана. Тот часто и прерывисто дышал, глаза блуждали.

Булыкин узнал: это был младший брат Пломбира.

– Давайте сначала его отвезем, – предложил Фархад.

Санитары вывалили наземь Пломбира и положили на носилки его брата.

Булыкин склонился к Пломбиру:

– А Кузин где?

Пломбир попытался произнести что-то, но язык у него уже не работал.

– Бросил тебя Кузя, – укоризненно произнес Булыкин.

Майор ошибался. Кузин бился вместе со своими бойцами. Но для него специально был припасен заряд картечи. Нарушил правило Кузя – автор не должен лезть в мясорубку баклана. Не посмотрел, что давно уже вышел из формы. Пузо выпирает, одышка. Эх, пива надо было меньше пить, Кузя, и меньше закусывать...

Пикинес и Шуруп завалили Кузина на заднее сидение и предъявили ультиматум. Или он признает власть грифов, или его поджарят прямо здесь, в его стареньком джипе. Чтобы услышать внятный ответ, сорвали со рта скоч.

Кузин сделал несколько глотков воздуха и закашлялся.

Тянул время.

– Ну! – сказал Пикинес. – Что, очко слиплось? Ну, понятно, очко не феррум. Попал ты, Кузя, в бидон.

– У меня последнее желание, – сказал Кузин. – Не может это творить Чеснок. Кто за ним стоит?

– Папа Римский, – загоготал Шуруп.

– Борзометра на вас нет, – Кузин ударил головой одного, попытался достать другого. Не вышло. Его закрыли в джипе.

Пикинес открыл крышку бензобака, засунул шланг, ртом откачал бензин и начал поливать машину...

К пустырю подкатил микроавтобус с надписью на боку «Информангентство». Первым выскочил юркий оператор с камерой и переносным юпитером. Потом показалась Анна Ланцева.

– Почему здесь посторонние? – повысил голос Булыкин.

– Никита, бог с тобой, какая я посторонняя?

– А ты уверена, что сможешь хоть слово сказать? – свистящим шепотом спросил Булыкин. – И неужели вы будете это снимать? Я своими руками расшибу камеру, ясно?

Его предупреждение было излишним. Разглядев поле битвы, оператор опустил камеру и зажал рот. Его затошнило. Анна, пошатываясь, вернулась в микроавтобус. Водитель достал из аптечки нашатырь...

Пламя осветило силуэт горящей машины, Булыкин понял, что это могло означать. Он окликнул Гошу. Подбежав, они попытались погасить огонь. Но было поздно. Они едва

успели отскочить в сторону, как тут же рвануло

Пришедший в себя оператор снимал эту картину. Анна, задыхаясь от волнения, говорила в микрофон:

– Так они расправляются с предводителями группировок. Избивают до полусмерти, связывают, закрывают в машине и поджигают. Человек сгорает заживо. Не исключено, что завтра утром пресс-служба УВД снова откажется сообщить подробности происшедшего. Снова нам будут внушать, мол, у нас есть молодежные группировки, но говорить о какой-то войне между ними якобы преждевременно. Ситуация очень напоминает ту, которая сложилась в 80-е годы в Казани. Тогда тоже не могли найти объяснения, почему с виду нормальные ребята время от времени превращаются в жестоких убийц. Почему ребятам интересна жесь, то есть жестокость? Почему они, вооружившись металлическими прутьями, кастетами и ножами, идут стенка на стенку? Нам не дают в этом разобраться.

Подошел мужик. Тот, что вызвал «скорую». Покачиваясь, заявил, что его тяготит желание дать интервью. Анна сунула ему под нос микрофон.

– Мы тоже сурово дрались, но эти же просто убивают друг друга. Наверно, такого нигде нет, как у нас. Город наш – это жопа цивилизации, – голос мужика зазвенел от гражданского гнева, – его стеной надо обнести, как зоопарк, и билеты продавать.

– Что делать-то с этим? – спросила Анна.

– Сталина надо поднять.

– А серьезно?

– Я – белая кость, токарь от бога, – мужик икнул. – Я ракеты делал. Я прихожу на работу, а мне говорят: работы нет, тебе пособие платят, вот и гуляй. В бутлегера превратили. Бутылки собираю. И таких, как я, знаешь сколько? А это внуки наши бьются, зло срывают. Я много не прошу, голуба моя, тридцатник, больше не надо.

Анна протянула сотенную. Прежде чем принять дар, токарь от бога несколько секунд поколебался, проявлял достоинство.

Подошел Булыкин. Спросил с тоской:

– Утром выдашь в эфир? В «Вестях»?

– Это моя работа, Никита, – тихо, как бы извиняясь, сказала Анна.

Мэр Поволжска Николай Федорович Лещев слушал сидящего рядом переводчика и удивлялся: какого хрена эти господа лыбятся? Участники совещания обсуждали серьезные проблемы, но при этом почему-то улыбались друг другу, шутили, остряли. Обстановка была, по мнению Лещева, совершенно не деловая. Он бы пресек этот цирк. Не хрена зубоскалить, когда обсуждаются животрепещущие вопросы.

Но пресечь Николай Федорович не мог. Совещание шло не в Поволжье и даже не в России, а в европейском городе, куда он приехал, так сказать, за опытом. Он мог только в по-

рядке протеста громко говорить с переводчиком, не обращая внимания на робко-осуждающие взгляды. Эти малохолльные господа даже возмущаться толком не умели.

В отличие от коллег, зарубежных чиновников, Лещев оставил мобильник включенным. И был очень доволен, когда телефон зазвонил, хотя момент был не очень подходящий, на трибуну как раз поднялся мэр, чьим гостеприимством он пользовался.

Лещев невозмутимо поднес аппарат к уху. Звонил сын Олег. Голос его срывался от волнения:

– Папа, у нас снова битва, есть убитые и раненные. Все спрашивают: где мэр?

Олег Лещев сидел в это время у Томилиных. Обсуждали драку на Сукином болоте. Город был в шоке. Всякое случилось, но чтобы сразу столько жертв... Все понимали, что это – край. Дальше так продолжаться не может. Родители подростков писали письма, но уже не губернатору (это уже было), а министру внутренних дел и самому президенту. Не просили, а требовали вмешаться, положить конец беспределу. Да что там, вся страна уже говорила о Поволжье. В Интернете появились многочисленные отклики. При чтении одного из писем Олег переменялся в лице. Анонимный корреспондент сообщал, что мэра города Лещева за глаза называют Колей-Бордюром, потому как имеет незаконный бизнес, небольшой завод, где производят бордюрный камень.

Асфальт на улицах города весь в ямах. Зато бордюры обновляются постоянно. Другой отклик предъявлял мэру обвинение в незаконной продаже земли.

– Не бери в голову, клепают, наверно, – сказал Ваня, чтобы поддержать друга.

– Не думаю, – помолчав, хмуро ответил Олег.

То, что отец живет не на одну зарплату, для него не было новостью. Вот и накануне поездки отца в Европу стал невольным свидетелем его разговора с помощником по безопасности Царьковым. Речь шла о выделении в аренду старинного двухэтажного особняка в центре города. Наверное, Царьков уговорил бы мэра по дешевке продать это здание, если бы оно не было памятником старины. Но аренда на 40 лет – тоже неплохая сделка. В благодарность Царьков вручил отцу пухлый конверт.

В аэропорту Лещева встречал помощник. Олег, чтобы лишний раз не общаться с ним, ждал в джипе на стоянке. Он терпеть не мог Царькова, считая, что тот вертит его отцом.

Вид у помощника подавленный. Мол, секи, начальник, повинную голову, не углядел.

– Как с похоронами? – спросил Лещев. Он был раздражен, что пришлось прервать поездку.

– Все будет на высшем уровне, Федорыч, пособия уже выдали, по пятьдесят тысяч.

Лещев нахмурился.

– Поговори со своими лавочниками. Пусть отстегнут еще. Все пожертвования предпринимателей шли через Царькова. Помощник взмолился:

– Федорыч, бог с тобой, родители и этим деньгам рады.

– Это ты о боге подумай, – проворчал Лещев.

Царьков обиженно промолчал: а кто часовню поставил? кто церковь отремонтировал? кто половину школ города спортивным инвентарем обеспечивает? А сколько на его счету другой благотворительности?

Лещев сам понимал, что не должен слишком строго отчитывать помощника. В конце концов, еще неизвестно, кто от кого больше зависит. Олегу поступать на юрфак. Кто поможет, если не Царьков?

На автостоянке они расстались.

– Как мама? – спросил сына Лещев, когда выехали на трассу.

Жена последние годы страдала тромбозом. От малоподвижного образа жизни стала быстро стареть. А Лещев после того, как избрался мэром, напротив, даже помолодел. Чиновницы, зная его ненасытность, сами зазывали в постель. С Василисой Шишовой у Лещева вспыхнула даже любовь. Он уже подумывал уйти от старой жены. Хотя для него, мужика с украинскими корнями, сделать это было не так просто. Чадолюбивые хохлы стыдятся детей. На всякий случай прозондировал почву – поделился с сыном. И нарвался на ультиматум. Олег поставил условие: никаких разводов, ни-

каких новых женитьб. Семья – святое, мать в обиду он не даст. Николай Федорович вскипел, но быстро остыл.

– Стоп! – неожиданно воскликнул Лещев, – разворачивайся, мы кое-что забыли.

Они вернулись в аэропорт и получили багаж. В багаже был новенький «Харлей Дэвидсон». На румянном лице Олега отразилась борьба чувств. Он любовался мотоциклом и в то же время морщился, как от зубной боли. «Харлей» был его давней мечтой. Но принять подарок, купленный на деньги ловкого помощника... Нет, он не может.

– Папа, твоя дружба с Царьковым выйдет боком, и тебе и мне.

Николай Федорович озадаченно прокашлялся. Сын не отчитывал его, он просто выражал свою озабоченность. Какой смысл возмущаться или затыкать рот. Надо отвечать по существу.

Лещев сам понимал, что с Царьковым надо как-то развязываться. Дело сделано, семья обеспечена. Но чувствовал, что коготок увяз. Царьков только входил во вкус. Его аппетит разгорался. Он подавал одну идею за другой. В основном это касалось приобретения разного рода недвижимости и участков земли. За осуществление каждой такой идеи мэру светила кругленькая сумма. То есть, чтобы развязаться, Лещев должен был бы умерить сначала свой собственный аппетит.

– Не волнуйся, – ответил он сыну, будто тот был его собеседником. – Ко мне комар носа не подточит.

– Папа, это может навредить мне, – сказал Олег.

Что ж, сын по-своему прав. Если он собирался стать юристом, ему уже сейчас нужно думать о своей репутации.

– Ты хочешь поступить? – спросил Лещев.

– Да, – коротко ответил сын.

– Тогда придется дать. Иначе не получится. Но дать лично я не могу.

– Здорово! – вырвалось у Олега. – Для того, чтобы стать слугой закона, нужно нарушить закон. Замечательно!

– Не ты дашь, а я, – терпеливо возразил Николай Федорович.

– Какая разница?! Я сам поступлю.

Джип стал заметно вилять. Кажется, Олег разнервничался, и руки его потеряли твердость. Лещев сам сел за руль. Так-то оно будет лучше.

Даша Томилина училась на фармацевта. Хотела работать в аптеке. Там платят неплохо. Бедность унижает. Девушка чувствовала это, когда ела утром бутерброд с дешевой колбасой, в которой одна соя. Когда тряслась в переполненном автобусе вместо того, чтобы быстро доехать в маршрутке. Когда не могла лишний раз позвонить по мобильнику. Когда, открыв платяной шкафчик, видела убожество своей одежды. Когда, наконец, не могла принять предложение подруг посидеть в кафе.

По причине материального положения у Даши бывало

плохое настроение. Но даже хмурое выражение лица ее не портило. Подружки считали ее красивой и подбивали принять участие в городском конкурсе. Но Даша отказывалась наотрез, за что подруги любили ее еще больше.

В это утро Даша выскочила из подъезда и побежала к автобусной остановке. Перед ней затормозил огромный джип. Темное стекло опустилось.

– Девушка, подвезти?

Еще чего! Даша продолжала бежать, изображая гордость.

– Девушка, нам по пути. Я – в сторону медучилища, – говорил мужской голос.

Даша заскочила в автобус и стала смотреть в заднее окно. Если знает, куда она едет, значит, видит ее не первый раз. Значит, караулил. Сердце у девушки сжалось.

Джип упорно ехал следом и останавливался вместе с автобусом все восемь остановок. Когда Даша показалась в дверях, владелец роскошной тачки уже протягивал ей руку. Теперь она могла увидеть его лицо. Прямо скажем, не красавец, но и не урод. Невысокий, но и не коротышка. Глаза умные, голос приятный. Правда, нос великоват, но Даша слышала, что большой нос для мужчины вовсе не недостаток, а скорее даже наоборот.

Это был Леонид Царьков.

Даше надоело быть среди подруг неудачницей. Она пода-ла руку владельцу джипа.

– Откуда вы знаете, что я учусь в медучилище?

– А у меня тут рядом офис. Я часто тебя вижу.

Его «ты» прозвучало не грубо, даже тепло.

– Знаешь, я когда-то тоже хотел стать фармацевтом. Отучился в меде один курс, и сейчас имею к лекарствам отношение. Я их продаю. Это очень выгодно. Хотя в моих аптеках самые недорогие лекарства.

«Я смогу у него работать», – мелькнуло у Даши.

– Обратно едем вместе? – спросил Леонид.

Даша не говорила ни да, ни нет. Колебалась.

Царьков ввел в память ее мобильного свой телефон. Попросил позвонить в конце занятий. Ему ничего не стоит оторваться от дел. Они где-нибудь немного посидят, потом он отвезет ее домой, а сам вернется на работу.

«Я где-то его видела», – подумала Даша. Если бы зрительная память у нее была получше, она бы вспомнила: по телевизору, рядом с мэром города.

В перерыве между лекциями ее мобильник издал характерный сигнал. На экране высветилось сообщение, что счет пополнился на тысячу рублей.

Кажется, ее ухажер неплохой психолог. Как после такого подарка ему не позвонить?

«Я верну эти деньги с первой получки», – подумала Даша.

Ваня и Олег позвонили Макарову. Встретились за городом, неподалеку от Топельника, так назывался заболоченный лесной массив сразу за городом.

Лев честно предупредил ребят:

– Запомните, я вас не вербую, вы – инициативники. Никаких расписок с вас не беру, никаких псевдонимов не даю. Вы работаете на свой страх и риск, проводите оперативно-розыскное мероприятие «Наблюдение» и передает мне полученную информацию.

Получалось, что ребята навязываются, а он как бы нехотя принимает от них услуги.

Ваня и Олег смотрели на него без особого почтения, и он понимал, что его поведение того стоит. Но вести себя иначе он не мог, не имел права.

Булыкин сидел в своем кабинете, смотрел телевизор. В «Вестях» шел репортаж Ланцевой. Анна объясняла случившееся непредсказуемой подростковой агрессией, которую ученые ставят на второе место среди бед, грозящих человечеству. Ни одного обвинения в адрес местной власти и милиции.

Никита заварил крепкий кофе, перед допросами надо было взбодриться. Свернул раскладушку, спрятал за шкаф. Поспать не пришлось. Всю ночь звонил в реанимацию, осточертел врачам. А когда узнал окончательную цифру – шесть трупов – сел за стол и написал на имя Шокина рапорт. Готов ответить по всей строгости, но группировками он больше не занимается. С него хватит.

Вошел криминалист, принес железо: кастеты, ножи, другие орудия вчерашней драки. Разложил на столе. Подготовил

мастику для снятия отпечатков пальцев и инструменты для взятия соскобов.

Пришла Анна. Лицо поблекшее, осунувшееся.

Никита по-новой заправил кофеварку: две большие ложки молотого кофе, четыре ложки сахара. Анна помыла в туалете чашки, достала из сумки бутерброды с сыром, бутылку йогурта.

– Сядь за Гошин компьютер и не высовывайся, – сказал Булыкин. – Если родители не придут, оформлю тебя свидетельницей. Подлог, конечно, но ты сама знаешь, милиция и законность – разные вещи.

Дверь открылась, нарисовался Гоша.

– Не идут Чесноки. Повестку требуют. Говорят, повестка должна вручаться лично, под расписку.

Булыкин скривился:

– Какая к черту повестка? Какая расписка? Ну-ка, набери мне Руслана!

У них в отделе был справочник с телефонами всех выдающихся пацанов города.

Гоша набрал номер старшего Чеснокова, передал трубку Булыкину.

– Ты чего-то боишься, Руслан? Тебя вроде по-человечески зовут.

Чеснок сказал, что на вызовы всяких шавок вроде Гоши не реагировал и реагировать не будет. А если сам майор Булыкин хочет его видеть, он всегда рад пообщаться.

Пацаны стояли в длинном коридоре УВД с широко расставленными ногами, положив руки на стену. Поза неудобная, конечности быстро затекают. Но шевелиться нельзя, ментяра с дубинкой тут же начинает орать. Вообще-то, держать пацанов в такой позе – произвол. Издевательство имеет только одно оправдание. Допросы все равно ничего не дают. В таком случае пусть хоть немного помучаются.

Начать решили с бармалеев, они не такие оголтелые, как грифы. Гоша ввел в кабинет Славку Барминова. Тот потянулся к козырьку бейсболки, но снимать не стал. Уселся на стул перед Булькиным. Лицо негодяйским не назовешь, только ноздри шибко раздувает и смотрит так, будто в гляделки играет. Что за поколение растет!

– А ну-ка быстро снял головной убор! – потребовал Никита.

Славка неохотно стянул с головы кепарик. Волосы в трех-четырех местах выстрижены, кровоподтеки в зеленке, огромная шишка.

– Красавец! Алиби есть? Нет у тебя алиби и быть не может. Потому как вот на одной железяке, – Булыкин показал глазами на арматуру, – твои пальчики.

– Какие пальчики? – возмутился Славка. – Не надо меня на понт брать, начальник! Я в перчатках хожу. И на болоте меня не было!

– А это откуда? – Булыкин показал на побитую голову. – Дома с печки упал?

Главный бармалей молчал. Он мог бы придумать другие оправдания, но боялся запутаться.

– По конституции имею право не давать показания против себя, – заученно сказал он.

Криминалист откатал ему пальцы, взял соскобы. Славка вел себя безропотно. Теперь осталось провести экспертизу, и с допросом можно было закругляться. Гоша держал в коридоре еще не меньше двадцати грифов и бармалеев.

– Слушай, а чего ради вы объединились с грифами и стали опускать кузинских? – спросил Булыкин.

– Братан с Серегой Радаевым скорешились на зоне. Нам как-то неудобняк стало враждовать.

– Логично, – согласился Никита. – А сколько Лешке осталось? Он, вроде, года на три загремел?

– На днях выходит. Мамка уже пироги готовит.

– Значит, сабантуй намечается, а я тут со своими бестактными вопросами. Передай Лешке привет, пусть заходит, расскажет о Радаеве. У меня к Радаеву масса вопросов осталось. Гришка Федоров куда пропал? Что ребята говорят?

Славка ответил с усмешкой:

– Говорят, ваша «Белая стрела» его в извести растворила.

– «Стрела», говоришь? Байки это, большие фантазии. А вот бойня на болоте – голимый факт. Ох, доиграешься ты, Барминов.

На этом беседу можно было закончить. Хотя, нет. Еще один вопросик на прощанье (Славка как раз расслабился)

самое время задать.

– А скажи мне, друг мой Бармалей, кто над тобой стоит? Ну, не самая же ты главная фигура в своем районе, – насмешливо произнес Никита. (Славка молчал, опустив голову и не поднимая глаз). – А кто стоит над Чесноком? Ведь кто-то же стоит!?

– Может, и стоит, но мне ничего об этом не известно.

– Ой, темнишь, Бармалей. Я ведь и без тебя знаю. Просто хочу проверить твою искренность.

– Искренность? – усмехнулся Славка. – Ну, вы даете! Я еще молодой, мне еще пожить охота. Жить, начальник, лучше, чем не жить.

Когда дверь за ним закрылась, Анна спросила:

– А кто такой Радаев?

– Основной грифов. Прославился – взял в музыкальной школе банк. Семь лет назад дело было, тогда все хотели как-то выжить, людям зарплату не платили. Вот директриса и сдала часть школы в аренду банку.

Булыкин посоветовал Анне полистать подшивку местной газеты. Там о Радаеве ее шеф Кодацкий не раз писал, изгалялся печатным словом.

Стул заскрипел под Чесноком. Рослый, массивный молодой мужик. Любому скажи, что десятиклассник, никто не поверит. Обе руки от плеч до запястий в цветных татуировках. Но наколки не уголовные, обычные.

Булькин начал с выговора:

– Ты мне эти фокусы прекрати. Тебя не лейтенант Тыцких вызывает, а закон и вся милиция государства.

Руслан пожал накачанными плечами:

– Если гражданин начальник психует – значит, у него на тебя ничего нет. Я и брат – мы тут ни при чем.

– Где был во время драки?

– Мы с братом напротив бакенщика воблу таскали. Бакенщик подъезжал, мы с ним немного побазарили, он может подтвердить.

– Бакенщик, говоришь? Конечно, вы с ним побазарили. Только в другое время. И предупредили, как себя вести, если вдруг его спросят. Попробуй вам отказать.

Чеснок закинул по-американски ногу на ногу и демонстративно отвернулся

– Имею право не давать показания против самого себя.

Булькин кивнул криминалисту, и тот принялся за свое дело – взял с пальцев соскобы. Чеснок не протестовал.

– Объясни мне, Руслан, откуда у тебя новая «десятка»? – спросил Никита. – Никто в семье не работает, откуда деньги?

Чеснок посмотрел холодными глазами:

– На этот вопрос я тоже имею право не отвечать. В лотерее выиграл, на улице нашел. Иду, смотрю, тачка валяется, взял и подобрал, ха-ха-ха!

Булькин поднялся со своего стула, подошел вплотную к Чесноку, взял за руку, чтобы поближе рассмотреть его часы.

– Ни хрена себе! «Формула – 1». Эти часики стоят примерно столько же, сколько подержанная тачка. Откуда они у тебя?

Чеснок промычал что-то нечленораздельное. В ушах у него звучало наставление Рулевого, выдавшего часы в качестве премии: «Если на допросе не знаешь, что сказать, лучше промолчи. Единственное, в чем человек не может рассказываться, это в том, что он чего-то не сказал».

Никита сверил часы Руслана со своими:

– Стоят почти сто тысяч, а идут, как ходики. Отстают на две минуты. – Продолжал, обращаясь к Анне. – Историки раньше считали, что неандертальцы вымерли лет на 30-50 тысяч лет раньше кроманьонцев, от которых произошли современные люди. Но теперь есть гипотеза, что какое-то время оба подвида существовали параллельно. Бывали даже смешанные браки. Лично я с этой гипотезой согласен. Скрещивание имело место, – закончил он, поглядывая на Чеснока и не скрывая, что именно в нем видит один из отдаленных продуктов этого скрещивания.

Чеснок изобразил оскорбленное достоинство.

Отпустив его, Никита глянул на орудия преступления. Хитрость не удалась. Ни Барминов, ни Чесноков на железо даже головы не повернули. А если б не сумели скрыть мандраж? Или, предположим, экспертиза показала бы, что на каком-то ноже есть отпечатки пальцев или микрочастицы пота того же Чеснока? Доказать, что именно этим ножом убит

кто-то из кузинских все равно невозможно.

Вообще-то, Булыкин мог провести допросы иначе. Хитрее, коварнее. Он это умел. Но расставлять ловушки пацанам считал ниже своего достоинства. Он вообще работал без азарта, словно отбывал наказание. Ему дали вместо четырех маленьких звездочек одну большую, повысили в должности. Но все равно, после работы в уголовном розыске это было понижение. Только не очень понятно, за что. Наверное, за то, что держался в коллективе особняком, ни с кем не кооперировался – ни в каких делах-делишках, ни в каком крышевании. Вот и отказали ему коллеги в доверии, а Шокин, как чуткий начальник, для которого важна слаженность работы, поддержал.

Сказал ему полковник почти душевно:

– Никита, ты устал. Психолог запрещает тебе работу, связанную с эмоциональным напряжением. Отдохни, наберись сил. Много с тебя требовать не буду.

И действительно, не требовал. Даже личного плана никакого не придумал, что совсем на него не похоже.

Анна решила поднять товарищу настроение – открыла йогурт. Она знала, что он любит йогурт.

– Никита, у них, как я понимаю, вся жизнь – война. А на войне, говорят, быстро взрослеют. Смотри, как они выглядят. Мужики. У них, наверное, и нарушения сна, и ночные кошмары. А если в драке кто-то погиб, то кого-то наверняка обвиняют: мол, не помог. А кто-то сам себя обвиняет.

И сердце у пацана трепещет, сжимается, колотится, выбивается из ритма. Я думаю, к старости у всех будут проблемы с сердцем. А с другой стороны, наверное, они привыкают к стрессам, как к наркотику, и уже не могут без них. Что молчишь-то? Ты ж был в Чечне. Расскажи, что происходит с человеком на войне.

«Ага, щас», – подумал Булыкин. В боевых действиях он впрямую не участвовал. Занимался своим делом – разминировал неразорвавшиеся боеприпасы. Но рассказов наслушался – свежих впечатлений, сразу после боев. И людей, только что вышедших из боя, насмотрелся. Этим людям срочно требовались психотерапевты. Как, наверное, и пацанам. Анна права. Это на голову больные ребята.

Но рассуждать на эту тему было некогда. Булыкин подвез Анну до информагентства, а сам помчался к бакенщику. От мужика пахло мокрыми сетями и самогоном. Не моргнув глазом, он подтвердил, что действительно кто-то из Чесноковых ловил воблу. То ли Руслан, то ли его близнец Антон. Он их не различает. Темнил, конечно, бакенщик. Но главное Никита понял: Антон, когда надо подменяет Руслана, и поймать их на этом очень трудно.

Губернатор Сапрыгин должен был лететь в Москву за заседание правительства. Области было обещано дополнительное финансирование. Но ЧП в Поволжье спутало все планы. И он ехал сейчас в этот город. Нет, ехал – не то слово. Летел

со скоростью 200 километров в час в сопровождении двух машин ГИБДД, злой на Лещева, на этих молокососов-отморозков, которым что друг друга мочить, что курицу зарезать – без разницы.

Помощник взял в машину кипу свежих газет, но губернатор к ним не притронулся. Эта типографская краска. Неохота пачкать руки. К тому же он знал, что журналисты перемыывают ему косточки, хотя кто еще из губернаторов так часто и раскованно общается с ними. Неблагодарные писаки, они окончательно испортят ему отношения с Кремлем.

Сапрыгин слыл либералом, водил дружбу с Гайдаром и Чубайсом, а когда Ельцин совсем сдал, метил даже в президенты. В Кремле Сапрыгина не любили, но тактично ждали, когда поскользнется, чтобы обоснованно заменить более надежным человеком. И вот – такой подходящий случай.

Личной своей вины губернатор не чувствовал. Но по деловому этикету должен был признать, что отчасти тоже виноват. А если виноват, то надо отвечать.

Нет, отвечать он не будет. Отвечать будет Лещев.

Губернатор знал, что мэр за границей. Что ж, тем хуже для него.

– Подводишь ты меня, Николай, причем капитально, – жестко выговаривал он Лещеву, недовольный, что тот умудрился вернуться. – Журналисты размазывают меня, а не тебя. – Для наглядности он потряс газетами. – Так что имей мужество, сделай вывод.

Лещев откинулся в кресле, сцепил толстые сильные пальцы. Сделать вывод... В отставку подать, что ли? Нет, брат, шалишь. Это вас, губернаторов, считай, назначают. А глав муниципалитетов пока что еще выбирают.

Лещев хорохорился, а душа была в пятках. Для него, сумевшего чудом достигнуть немыслимого для себя потолка, падение было смерти подобно.

– Что вы предлагаете? – хрипло спросил он. – У меня почти год до конца срока. И нас все-таки демократия. Население мне доверяет.

Сапрыгин по-бабьи всплеснул руками. Вот олух царя небесного. Ему надо еще подсказать.

– Не надо демагогии, Коля! Ты еще население Поволжска народом назови. Люди боятся выпускать детей из дома. За прошедший год двадцать с лишним тяжело раненых пацанов, а сколько убитых? Похороны чуть ли не каждый месяц.

Лещев прервал босса:

– Валерий Дмитриевич, заводы надо на полную мощь запускать, жизненный уровень поднимать, тогда не будет никаких банд. Это ведь от безделья, от унижения!

– Банды? Ты этого слова не говори! – воскликнул губернатор. – Не хрена журналистов повторять. Никакие это не банды.

Лещев рассмеялся:

– Ну, давайте шайками назовем. Вам от этого легче станет?

– Ты сам-то хоть понимаешь, что не ты в городе хозяин? – напирал губернатор.

– Думаете, придет на мое место другой, лучше станет? – не сдавался Лещев. – Пока войдет в силу, станет еще хуже. Оно вам надо? Давайте искать другое решение.

В конференц-зале, где собрался городской актив, куча корреспондентов, камеры, микрофоны, осветительные приборы. Журналисты обступили пресс-секретаря управления внутренних дел, пытаясь выведать какие-то подробности.

– На место разборки действительно выезжало восемь бригад «скорой помощи»?

– Правда, что хирурги оперировали, как в военном госпитале, сразу на четырех столах?

Пресс-секретарь, похожая на Монну Лизу (чересчур высокий лоб, по-старушечьи маленький рот, блудливо-кроткий взгляд), получившая от полковника Шокина установку держать информацию в секрете, неуместно улыбалась.

Журналисты переключились на редактора местного информагентства Игоря Кодацкого, похожего тусклым лицом на баптистского проповедника. Редактор охотно рассказывал то, что накануне рассказала ему Ланцева, изображая, что сам был на месте происшествия.

Анна в это время делилась информацией с зарубежными корреспондентами. С теми из них, кто недостаточно хорошо понимал русский, переходила на английский. Маленько рисовалась.

Сапрыгин сел посередине длинного стола, Лещев – справа. Стараясь выглядеть спокойным, он что-то рисовал на листке бумаги.

– Такого нигде нет, – сказал в коротком вступлении Сапрыгин, – ни у нас в области, ни в стране. Почему это произошло у вас?

– Ну, почему нигде? – ответил ему мужской голос из зала. – Зайдите в Интернет. Уличный банды есть в Архангельске, Южно-Сахалинске, в других городах, а раньше было в Казани и подмосковных Люберцах.

Реплику бросал Томилин. Вахтером в администрации работал бывший инженер его конструкторского бюро, и он этим воспользовался.

Губернатор сделал вид, что не расслышал, и повторил свой вопрос: прочему банды появились именно в Поволжье?

– Мы пока не знаем, из-за чего произошла драка, и кто ее возглавлял, – ответил полковник Шокин.

– Это не просто драка, – сказала Ланцева. – В городе сложилась система молодежной оргпреступности. Или вам удобней этого не признавать?

Полковник побагровел:

– То, что произошло, это пощечина правоохранительным органам. А вы, вместо того, чтобы помогать, наносите свою пощечину, только нагнетаете обстановку.

Губернатор был терпелив:

– Итак, отчего это происходит?

– Сегодня у пацанов все на конфликтах построено. Уровень тестостерона в крови у подростков в четыре раза выше, чем у взрослых, – глубокомысленно изрек Царьков. – Нужно гасить запредельными физическими нагрузками, спорт развивать, все виды единоборств.

Слово взял полковник Шокин:

– Раньше попался с кастетом или ножом – сразу, без разговоров – уголовная ответственность. А с 2003 года привлечь можно только за нападение с огнестрельным оружием. Хотя это уже бандитизм, а не хулиганство. Сегодня если вам плюнут в лицо или ударят арматурой, у вас даже заявление не примут. Вам скажут: идите в мировой суд. А там вам скажут: приведите того, кто вас ударил, тогда возбудим уголовное дело.

– Что вы хотите сказать? – спросил губернатор.

– Законы надо ужесточать.

Сапрыгин поморщился. Законы по всей стране едины. Только почему-то в других городах разгула молодежных банд не наблюдается. Значит, дело не только в мягких законах.

Он мрачно пошутил:

– Скоро, полковник, вы будет ездить, как некоторые ваши коллеги в Латинской Америке. В броневике.

Мясистый лоб у Шокина покрылся потом, редкие, гладко зачесанные набок волосы заблестели, будто смазанные брио-

лином:

– Группировщиков в городе – сотни, Валерий Дмитриевич. А в отделе по их нейтрализации всего два сотрудника, – ответил он. – Больше дать не можем, штатное расписание не позволяет. Не успеваем работать на опережение событий. Заводить информаторов среди группировщиков нам запрещено. А по своей инициативе подростки на контакт не идут. Фактически работа ведется вслепую.

– Кто здесь начальник отдела? – спросил губернатор. (Булыкин поднялся). – Вы что скажете?

Голос у Никиты был негромкий, но твердый:

– Что-то говорить на моем месте поздно. Я подал рапорт.

Сапрыгин повернулся к Шокину:

– Рапорт принят?

– Нет, не принят, – ответил полковник. – Личной вины майора я не вижу. Я бы только посоветовал ему активнее работать с главарями группировок.

– То есть? – спросил губернатор.

– Надо сделать так, чтобы хотя бы один из них повел свой дикий табун в сторону от пропасти.

– Думаете, это реально?

– Думаю, да.

Сапрыгин повернулся к Лещеву:

– А кто у вас за молодежь отвечает?

Мэр кивнул Василисе Шишовой, возглавлявшей комитет по делам молодежи.

Василиса была умная, энергичная и, что особенно важно для чиновницы, речистая. Если что-то не сделано или сделано не так, всегда могла исправить положение складными словами.

– Со времени предыдущего совещания на эту тему прошло два месяца, – она будто читала по бумажке. – За этот период улучшено освещение улиц и подъездов. Во всех школах установлена система раннего предупреждения. Достаточно директору или завучу нажать на кнопку – милиция тут как тут. Введен так называемый комендантский час. После десяти вечера подросткам до 18 лет запрещено находиться вне дома. Число спортивных секций в молодежном и досуговом центрах увеличено в полтора раза. За два месяца не было зафиксировано ни одной серьезной драки. Поэтому то, что произошло, нужно, по-моему, рассматривать не с той точки зрения, что мы не дорабатываем. Тут есть какие-то другие причины, в которых еще предстоит разобраться.

Сапрыгин обратился к Василисе:

– У вас есть какие-то контакты с группировщиками? Вы бываете там, где они собираются?

Шишова покачала головой. На ее холеном лице было написано: неужели губернатор не понимает, чем это чревато?

– Боимся улицы, не знаем, как к ней подступиться, работаем по старинке, – сделал вывод Сапрыгин. – Учтите, коллеги: в вашем распоряжении два, максимум три месяца. Не будет улучшения – придется делать оргвыводы.

Лещев сидел, опустив голову и не поднимая глаз. Всем было понятно: этот камешек в его огород.

Неожиданно поднялась Ланцева:

– Я не понимаю, почему никто не говорит о наркомании в городе. По-моему, банды и наркомания – это взаимосвязано. Как можно это не учитывать? А где наркомания, там СПИД. Хотим прославиться еще и СПИДом?

Странно, но ее никто не слушал. Губернатор еще раз заострил внимание на сроках, отведенных на решение проблемы группировок, и уже собирался объявить совещание закрытым.

– Погодите! – вскричала Ланцева. – Ну, погодите же! Куда вы торопитесь? Мы ж так ничего и не поняли, не уяснили, с чем имеем дело.

Уже вставшие со своих мест чиновники смотрели на губернатора. Сапрыгин недовольно поморщился и дал знак снова сесть. Анна вышла на трибуну.

– Последнее время я пыталась понять, чем объясняется жестокость ребят. Напрашивался вывод, что мы имеем дело с патологией, с влечением к насилию. Но по моим сведениям, насилия в семьях этих ребят не так много, как принято думать. Говорят, причина – в безработице и нехватке денег. Но и это не совсем так. Многие семьи сумели приспособиться к рыночной экономике, нашли себе работу. В чем же дело? А в том, на мой взгляд, что группировки приобрели черты постоянно воюющих мини-государств со своими во-

ждями и камарильями. Эти «государства» имеют свою экономику, дают работу, или то, что называется работой, взимают налоги, устанавливают систему вознаграждений и наказаний. Каждая группировка осуществляет захват новых территорий, распространяет свою власть на новых подданных. Быть в нашем городе вне группировки подростку практически невозможно. Или ты мотаешься, или тебя щемят, на тебя охотятся, отбирают деньги, избивают. Находясь в группировке, подросток чувствует себя комфортно, он защищен. Вне группировки подросток – изгой и лох.

– Хватит читать нам лекцию, – резко сказал Шокин. – Рассуждать на эту тему все горазды. Что вы предлагаете?

– Я предлагаю отнестись к этой проблеме очень серьезно. Административными мерами ее не решить, – сказала Ланцева. – Я была на допросах этих ребят. Они нас не слышат, понимаете вы это?! Они уважают и слушают только свою власть. Они вне нашего общества.

– Понятно, – сказал губернатор. – Мы вас услышали. Мы учтем ваше мнение.

– Еще раз погодите! – поднялся Томилин. – Здесь ни слова не сказано, какие будут приняты меры. А у меня есть план.

– Вы кто? – спросил Сапрыгин. – Представьтесь.

– Я – сторож на автостоянке. Группировщики считают, что мы отнимаем у них хлеб. Бросают с соседнего здания яйца. Брошенное с высоты яйцо разбивает лобовое стекло вдрызг. Могут матерное слово нацарапать.

– Зачем они это делают? – спросил губернатор.

– Как зачем? Они сами во дворах охраняют машины, в принудительном порядке. 20 рублей за ночь.

– Вы сказали, что у вас есть план, – напомнил Шокин.

– Нужно объявить Поволжск зоной социального бедствия. Это, во-первых. Во-вторых, создать родительские патрули, поскольку на милицию надежды уже нет. В-третьих...

Томилин не договорил, потому что его уже никто не слушал.

После совещания начальство собралось в узком кругу. Здесь-то и произошло по-настоящему деловое обсуждение ситуации. Было решено увеличить число нарядов ДПС, патрулировать улицы города силами курсантов милицейской школы. При малейшей угрозе возникновения массовой драки объявлять операцию «Лавина».

– Будем забирать всех подряд и потом разбираться с каждым, – решительным тоном заявил Шокин.

Сапрыгин не возражал.

Проводив губернатора до машины, мэр поднялся к себе. В приемной его ждали Царьков, Кодацкий и Ланцева. Прошли в кабинет. Сели за стол.

Лещев оглядел присутствующих. Каждый был ему лично обязан. Кодацкого он поставил во главе информагентства. Ланцевой дал квартиру, освободившуюся после смерти одинокой старушки. Царькову подарил должность помощника по безопасности. Каждый был заинтересован, чтобы Лещев

остался.

– Что будем делать? – спросил Лещев. – Меня как бы снимать собираются.

– Давайте соберемся у меня, – предложил Царьков.

Слухи, что в Поволжье есть «ночной мэр» по кличке Рулевой, ходили не напрасно. Был такой человек, но в лицо его знали единицы. И сидел он сейчас в своем джипе на набережной Волги. А Руслан Чесноков отчитывался перед ним о проделанной работе. Кузинским – хана. Еще один район, центральный, теперь под ними, грифами. Остальные толпы – не в счет. Они их легко раздавят, это только вопрос времени. Что делать дальше?

– Теперь нужно жить мирно и тихо заниматься своим делом, – сказал Рулевой. Профиль у него был сильный. Большие надбровные дуги, хищный нос.

– Тихо не получится, – сказал Руслан.

Он сообщил, что два уroda, Ванька Томилин и Олег Лещев, следят, фотографируют. Собрались на юрфак, хотят отличиться.

– Следят, говоришь? – задумчиво перепросил Рулевой. – Значит, не заметят, что за ними следят. Глаз с них не спускайте.

– И все? – удивился Чеснок.

– А чего ты еще хочешь? Кровожадный ты, однако, для своего возраста. Знаешь, что нас губит, Руслан? Жадность

и беспредел. Сынка мэра вообще нельзя трогать, в принципе. А Ваня Томилин, насколько я знаю, из того же дома, что и Юра Клюев. Не годится, когда бомба падает в одно место дважды. Жестокость в нашем деле должна быть дозированной.

Руслан сделал вид, что нотация дошла до его сознания. Хотя на самом деле не был согласен. Он бы этих двоих – к ногтю.

– А вот если бы ты с пацанами мента от души повертел, я бы тебе ничего не сказал, – задумчиво проговорил Рулевой. – Надо вывернуть на лицо этого благодетеля. Но учти – он нам нужен. Через него мы должны знать все, что говорят между собой Булыкин и Макаров, Булыкин и Ланцева.

Рулевой достал из бардачка антенну с микрофончиком и приемник.

– Пусть установит антенну в кабинете Булыкина. Как только кто-нибудь к нему придет, пусть дует к себе в машину и слушает. Старших тебе в помощь не даю. Сам проверишь мента, со своими отморозками. Но еще раз предупреждаю: не перегни палку. Мент нам нужен живой, здоровый и жизнерадостный. Методы воздействия – только психологические, понял?

Руслан кивнул. Хорошая собака заслуживает хорошую кость. Рулевой вынул из бардачка автомобильный ключ с брелком.

– А то, что весь город теперь будет наш, это хорошо. Дер-

жи!

Чеснок знал, что за акцию устрашения против кузинских будет премия. Скорее всего, иномарка. Но на такую крутизну он не рассчитывал. На брелке знак «Ауди».

Его распирало от восторга, преданности и желания свернуть горы, выполнить любой приказ. Но выражать свои чувства словами в их кругу принято не было.

– Запомни, Руслан, в нашем деле не бывает настоящего успеха, – сказал напоследок Рулевой. – Бывает только тупиковый – есть такое понятие – тупиковый успех. Денег навалом, но портится здоровье, убить могут, есть риск закончить жизнь в колонии, никто не любит, ненависть тех, кому мы причинили зло, неудовлетворенность собой... Вообще, трудная у нас с тобой жизнь, поэтому нам надо радовать друг друга. Ты и Антон радуете меня своей преданностью, я вас – чем могу. А если вдруг что не так, спасу от срока, а если не спасу, в колонии не брошу, помогу родителям, добьюсь, чтобы срок скостили.

Рулевой укатил, шурша широкими шинами, а Руслан сел в стоявшую рядом «Ауди», включил музыку и погрузился в кайф. Н-да, это не «жигуль». Улетная тачка. Братва обзавидуется. И с Ленкой теперь будет проще. Телка только делает вид, что для нее главное человек, а не то, чем он владеет. Посмотрим, что она теперь скажет.

Руслан нажал на тормоз и одновременно на газ. Машина с визгом рванула с места.

Чеснок переложил из багажника «Жигулей» в «Ауди» свои вещи. Славка появился минут через десять после звонка. Он догадывался, для чего вызван. Но вел себя, как положено в таких случаях, не выражая никакого восторга.

– Держи, – Чеснок царским жестом протянул ключи от «Жигулей». – Извини, не успел помыть.

– Сойдет, – с деланным равнодушием отмахнулся Славка, рука его с ключами, мелко дрожала.

– Надо бы обмыть, – покровительственно обронил Чеснок. – Я плачу. Давай только Ленку прихватим.

Это означало, что Славка должен пойти к Ленке и без нее не возвращаться. Что само по себе было почти невыполнимо. Ленке нравился Ваня Томилин. Только он, без вариантов.

– Скажи, если будет дуру валять, Ванек ее пострадает, – напутствовал Чеснок.

Руслан Чесноков и Славка Барминов основательно запали на Ленку. Но по-разному выражали свои чувства, когда она их отшивала. Славка, в отличие от Руслана, совсем не мог хамить этой девчонке. Но оба не понимали, что она нашла в Ване Томилине. И оба считали, что Ленка все же одумается и выберет кого-то из них.

Руслан все правильно рассчитал. Ленка приняла приглашение, потому что не хотела, чтобы у Вани из-за нее снова были неприятности.

Пришли в ресторан, где грифы чувствовали себя хозяевами положения. Руслан выбрал укромное место. Захлопотали официанты. Столик был накрыт в считанные минуты. Руслан сделал заказ на свой вкус. У Славки от обилия красиво приготовленных закусок глаза разбежались. Лена тоже была в легком шоке. Руслан наслаждался эффектом.

Он поднял бокал с шампанским:

– Сегодня у нас с Бармалеем праздник. Мы открыли свой бизнес. И у тебя, Ленка, тоже праздник. Потому что ты – с нами. Ты – своя в доску, и мы тебя любим. Пьем до дна.

Руслан был тертый калач по части жестких мужских отношений. Но испытывал неловкость, когда нужно было проявить человеческие чувства к девчонке. Мало сказать, что Ленка ему нравилась. Когда она была рядом, его словно било током. Он готов был сделать для нее все, что ни попросит. Но при этом сам хотел получить все и сразу. Грубый, развращенный властью над ребятами, он считал, что Ленка должна быть счастлива тем, что он ее хочет.

Девушка не стала пить до дна. Это не понравилось Руслану. Он начал настаивать, чтобы она осушила бокал. И чем больше настаивал, тем яснее становилось, для чего это ему нужно.

– Тебе не удастся напоить меня, – прямо сказала Ленка.

Славка сделал вид, что поглощен вкусной едой. На самом деле у него кошки на душе скребли. Как соперник, он желал, чтобы Руслан обломался на Ленке. Но он знал также,

что добром это не кончится.

– Не порти мне настроения, пей! – приказал Чеснок.

Ленка вскочила со стула. Она готова была тут же уйти. Чеснок попытался ее усадить, но она вырывалась. Она занималась гимнастикой, у нее было сильное тело. Чеснок поймал злорадный взгляд Славки и ударил девушку по щеке. Ленка бессильно опустилась на стул. Из глаз брызнули слезы.

... Однажды что-то подобное уже случилось. Чеснок заманил Лену в чью-то свободную квартиру и предложил посмотреть порнушку. Она поняла, что это хитрый заход, и что будет дальше.

– Не мылся, – сказала она Руслану, – ты же знаешь, я в этом отношении очень противная.

Чеснок тогда обозлился:

– А ты меня не провоцируй. Хорошо за девочку себя ставить. Хочешь сказать, что у тебя инстинктов нет?

Тогда она очень неосторожно, двусмысленно ответила:

– Все у меня есть, только не для тебя.

Он ударил ее по щеке тыльной стороной ладони, разбил губу, потекла кровь...

Тогда он не получил, чего хотел. И помирились они несколько. И вот – снова...

– За что ты меня опять ударил? – В голосе Лены слышалась ярость. – Объясни, за что ты меня ударил.

– Тебя как человека приглашают, а ты как себя ведешь?! – прорычал Чеснок.

– Я как раз веду себя, как нормальный человек. А тебе хочется, чтобы я выполняла все твои желания? Этого не будет, даже не мечтай! В братанку ты не превратишь. Отпусти руку!

Ленка не назвала Чеснока ни уродом, ни подонком. Не дала повода ударить ее снова.

Тиски на ее руке ослабли.

– Ладно, – примирительно произнес Чеснок. – Проехали.

Щека у Ленки горела. Девушка поднялась.

– Мне нужно в туалет. Или в туалет тоже нельзя?

Чеснок махнул рукой. Он понимал, что девушка уже не вернется к столику. Но теперь ему было все равно. Ну, не получилось, и ладно.

Девушка сказала на прощанье:

– Руслан, ты меня ударил второй раз. Причем ни за что. Теперь я видала твою толпу и тебя вместе с ней, понял?

Чеснок схватил ее за плечи:

– Давай в другом месте поговорим.

Ленка вырвалась и закричала:

– Отвяжись, сказала! Или я повешусь, зарежусь, отравлюсь!

Чеснок протянул ей выкидушку:

– Режься. Самурайка, блин.

Девушка нажала на кнопку, лезвие выскочило с характерным щелчком. Решительный замах, в глазах отчаянная решимость. Нет, она ничего не изображала. Она действительно

но была готова воткнуть лезвие себе в живот.

Чеснок перехватил ее руку:

– Э, ты чего? Совсем сбрендила?

Ленка швырнула нож ему под ноги.

– Не приближайся ко мне, понял?

Лена хорошо знала Руслана, все-таки проучились вместе десять лет. Он не остановится. Сколько уже девчонок перепортил – целый гарем себе устроил. Что же делать? Ваня Томилин ее не выручит, он сам висит на волоске. Сказать родителям? Тогда ее зачморят. Оля Петровна? Вдруг она что-нибудь подскажет?

В школе поговорить без свидетелей было трудно. Лена пришла к классной руководительнице домой. Оля предложила войти, но нехотя, робко. В Душанбе, где она имела свою квартиру, ученики бывали у нее почти ежедневно. Фархад, выросший в многодетной семье, не возражал, терпела же Оля его многочисленных родственников. Но тут, в Поволжье, другое дело. Тут они квартиранты.

Прошли на кухню. Оля согрела чай, открыла клубничное варенье.

– Руслан хочет меня изнасиловать, – без предисловий поделилась Лена. – Думаю, это произойдет со дня на день. Он знает, что после выпускного бала я уеду из города. Ему нельзя терять время.

Голос у девочки звучал ровно, почти бесстрастно. Волне-

ние выдавали только подрагивающие губы.

В Душанбе русских и таджикских учеников у Оли было примерно поровну, и все говорили с ней на любую тему. Дети там не совсем современные. К здешним, слишком уж современным, она никак не могла приспособиться. В том смысле, что она была им не нужна. С ней никто ничем не хотел делиться.

Лена была первой.

Оля решила ответить на откровенность откровенностью.

– Знаешь, Руслан меня тоже за горло держит. Требует аттестата без троек и без экзаменов. Ему, видите ли, некогда.

– Правильно, некогда, – Лена усмехнулась. – Раньше был в школе положенцем. Потом стал положенцем в районе. А теперь, после того, как грифы кузинских опустили, под ним, считай, уже весь город. Представляете, в таком возрасте такая власть! Он это бизнесом называет. Ну, как же, все ему отстегивают. Есть и другие источники доходов...

Лена умолкла. Что толку откровенничать с этой классной. Кто бы ей самой что-нибудь посоветовал. Мысли у девочки путались, но она вспомнила, зачем пришла.

– У вас подруга – журналистка. Я могу ей рассказать, как весело живет молодежь в нашем любимом городе, экологической жемчужине Поволжья. А что мне еще остается делать?

Оля позвонила Ланцевой:

– Анечка, ты скоро будешь?

Ланцева сидела в библиотеке, листала подшивку газет семилетней давности. Найти публикации об ограблении банка не составило труда.

Два материала Игоря Кодацкого об этом громком деле написаны были на удивление тупо и плоско. Хотя картина преступления была на редкость загадочной.

Степан Чесноков был убит выстрелом в горло из газового пистолета, переделанного для стрельбы боевыми патронами, Павел Радаев был тяжело ранен в грудь. Когда появилась опергруппа, оба неподвижно лежали на полу, один в агонии, другой без сознания. Рядом с ними охранник, убитый выстрелом в лоб.

Допрошенные по горячим следам бухгалтер и кассир рассказали, что произошло. В помещение банка зашли двое неизвестных, Один из них (Чесноков) закрыл дверь на засов, другой (Радаев) отнял у охранника пистолет. Тот от неожиданности не оказал сопротивления. Налетчики потребовали деньги. Они знали, что в банк только что привезли крупную сумму. Кассир открыла сейф, и Чесноков стал вынимать и складывать в сумку пачки денег. А Радаев подошел к окну. В этот момент охранник неожиданно выстрелил в Чеснокова в упор. Радаев закричал: «Ты что, урод, творишь?!» Охранник выстрелил и в него. Больше бухгалтер и кассир ничего не видели, потому что со страху забились под столы.

Но еще удивительней было то, что прибывшая через счи-

таннные минуты после преступления опергруппа не нашла в банке денег. Двенадцать миллионов словно испарились.

Непонятно было также, кто вызвал милицию. Бухгалтер и кассир не звонили.

Публикация Кодацкого не проясняла ситуацию, а только еще больше ее запутала. Весь свой пафос Игорь израсходовал на Павла Радаева. Без конца поражался его двуличности. Известный в городе аккордеонист, как он мог связаться с группировщиками, а потом переквалифицироваться в бандиты? И все такое прочее.

Наконец, Кодацкий даже не попытался выяснить, каким образом охранник мог выстрелить сначала в Чеснокова, а потом в Радаева, если у него только что отобрали пистолет.

Но установило ли это следствие? «Нужно почитать уголовное дело», – с этой мыслью Ланцева захлопнула подшивку.

Злые языки говорили про Кодацкого, что он работает от звонка до звонка. Действительно, он с утра до вечера обзванивал предпринимателей, предлагая услуги. В его рекламе никто не нуждался. Но разговаривали с ним вежливо, терпеливо и в конце концов сдавались. Все знали его любимую шутку: бойся быка спереди, лошадь – сзади, а журналиста – со всех сторон.

Еще говорили, что Кодацкий, как редактор, пирог ни с чем, только кукарекает, а яйца несет Ланцева. Опять правда:

все текущее руководство агентством лежало на ней.

Сегодняшний день не был исключением: Кодацкий висел на телефоне. Игнорируя протестующий жест секретарши Вики, Анна вошла в кабинет и села напротив начальника. Кодацкий положил трубку, посидел некоторое время в красивой задумчивости (наморщил ум, ехидно подумала Анна) и поднял холодный вопросительный взгляд.

– Я из библиотеки, читала твои материалы о Радаеве. Интересное дело. (Кодацкий горделиво встрепенулся). – Я только не поняла: ты встречался с ним? – спросила Ланцева.

Кодацкий забарабанил пальцами по столу.

– Как тебе сказать? Я добивался встречи, но мне под разными предложениями отказывали.

– Кто?

– Пресс-секретарь Шокина.

«Ясно, – подумала Анна. – Кому-то не нужно было, чтобы Радаев встретился с журналистом, и журналисту это было не нужно».

– Ясно, – сказала она.

– Что тебе ясно?

– Буду читать уголовное дело, встречаться с Радаевым.

– Зачем?

– Хочу услышать его мнение о бандах. Прошло семь лет.

Вдруг человек изменился?

Кодацкий вздохнул со стоном:

– Анюта, я сию, занимаюсь делами, ты врываешься и ста-

вишь меня в известность, что будешь читать дело, встречаться с Радаевым. А мое мнение тебе не интересно? Ты что, сама по себе уже работаешь? Не финти, тебе не мнение этого Радаева нужно. Ты сама понимаешь, что против банд, как против лома, нет приема, пока это явление само по себе не рассосется. У тебя какая-то идея появилась. Любишь ты создавать события. Давай колись, что у тебя там, в заднем уме?

«Ничего у нас само собой не рассасывается, задница ты говорящая», – подумала Анна. Выражение принес из школы Максим. Грубо, конечно, зато точно.

Вслух сказала:

– В голове не укладывается, как мог появиться банк в музыкальной школе? Кто разрешил?

Кодацкий отреагировал совсем нервно:

– Какое это имеет значение? Проехали, семь лет уже прошло. Чего ворошить? Тебе охота что-то раскопать? Копай в других местах.

«А может быть, ты и не добивался встречи с Радаевым? – подумала Анна. – Может, у тебя на него заказ был?»

Кодацкий отмахнулся:

– Иди, Анюта, иди. И успокойся. И без того Поволжск поливают все, кому не лень. Не хватало еще, чтобы мы сами на себя лепили черноту.

Выслушав Лену, Ланцева нервно закурила. Господи, что ж такое творится? Конечно, девочке надо помочь. Но разве

Кодацкий позволит хоть что-то опубликовать или хоть слово сказать в эфире? Можно, конечно, сделать сюжет для «Вестей». Но тогда обвинят в партизанщине, отсутствии местного патриотизма, в неблагодарности. Выставят с работы, предлог всегда найдется

Ну и что сказать девочке? Что журналистика ей не поможет? А может, обратиться в местную власть? Сам Лещев, конечно, не будет этим заниматься, отпишет Шишовой. О, только не это. Кому и когда помогла Шишова?

– Плохи мои дела? – спросила Лена.

Голос ее прозвучал спокойно, в глазах – отрешенность.

– Кто твои родители, Лена?

– Простые люди, на заводе работают. А какое это имеет значение?

– Прости, я неправильно поставила вопрос. Я хочу понять, могут ли родители тебя защитить?

Лена вымученно улыбнулась:

– Не будут же они меня за руку водить. А насилуют сейчас где угодно. В наше время постель для этого не нужна.

Анна переглянулась с Олей и спросила:

– Ты ничего с собой не натворишь?

– Я еще не решила, кого лучше убить: себя или этого ублюдка. Легче, конечно, себя. И в то же время – труднее. У меня мысли путаются.

Отпускать в таком состоянии девочку было нельзя было. Ланцева достала из сумки диктофон.

– Давай начнем не с самого главного. Насколько я понимаю, ты какое-то время была в толпе в доску своей девчонкой. Или я ошибаюсь?

– Конечно, я пыталась подделываться. Попробуй пойти против. Девчонки первые заклюют и даже насилие устроят. В толпе не любят, когда кто-то выделяется. Это как дедовщина в армии. Те, кто через нее прошел, считают, что другие тоже должны пройти.

– Но если ты подделывалась, значит, могла давать Руслану повод... Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Понимаю, братанки не должны отказывать ребятам. Но это не ко всем относится. Некоторые девчонки находятся на особом положении.

– Самые красивые?

– Ну, да. Они не могут принадлежать всем пацанам. Поэтому за них идет борьба.

– С кем за тебя борется Руслан?

– Со Славкой Барминовым. Но теперь, когда грифы поработили бармалеев, Славка уже не в силе. Он мне не поможет.

– Как ты оказалась в толпе? Добровольно или иначе было нельзя?

– Сначала мне казалось, что в толпе настоящая дружба, которой нет в школе. Это меня привлекло.

– Но в толпе почти все твои одноклассники, что вам мешало дружить в школе?

– Там другая атмосфера. Все уперто в учебу. А мы толь-

ко в девятом классе стали понимать, что дружбой сыт не будешь. Чтобы получить высшее образование и специальность, нужно учиться. Глупые были, а когда поумнели, было уже поздно. Нами уже распоряжались такие, как Руслан. Для них учеба как была, так и осталась фуфлю. Так у нас образовалась оппозиция: Ваня, Олег, другие позитивные ребята. Нам нравится московская мода. В Москве ребята хотят быть интересными. Нормально успевать по всем предметам, знать языки, быть эрудированными. Наркотики устаревают, в моду входит здоровый образ жизни. Но мы – провинция, сюда это придет не скоро. Короче, нашу оппозицию стали щемить, чтобы другим неповадно было. Все хотят остановиться.

Девочка говорила по-прежнему нервно, но чувствовалось, что после того, как выговорилась, ей стало легче.

– Мы тебя не оставим одну, – пообещала Ланцева.

Рулевой проводил производственное совещание. Присутствовали шестеро старших. (Слово это произносилось с ударением на втором слоге). Все – друзья детства и друзья друзей. Всем слегка за тридцать. Симпатичные, рослые, с приятной внешностью. Глаза, правда, мутноватые, от увлечения пивом. Если ничего о них не знать, можно было подумать, что ребята занимаются каким-то бизнесом. И это было бы почти правдой. Сами они так и считали, что занимаются удачным бизнесом.

Каждый из них в свое время мотал срок за продажу наркотиков. Единственный оставшийся на свободе, Рулевой с по-

мощью подкупленных сотрудников ФСИНа собрал их всех в одной колонии, ежемесячно привозил мешками жратву, курево. Грел до самого освобождения. Жены так не заботятся о мужьях-арестантах. Зато теперь он был для них царь и бог.

Ждали заместителя по кадрам Толю Гридасова. Бывший капитан запаздывал. Непростительно для недавнего офицера. Толя два года как уволился из армии после ЧП в его роту. Оборзевшие «деды» долго глумились над салагой, а под конец заставили его съесть собственное ухо. Чтобы избежать срока, свалили всю вину на капитана Гридасова. Мол, он поломал все людское в солдатском коллективе, ленился проводить воспитательную работу, поощрял неуставняк, беспредел был в его интересах.

Хитрым «дедам» все же намотали срока, а Гридасову предложили уволиться из армии. Надежды, что он извлечет из случившегося урок, у начальства не было.

Ждали Гридасова не молчком. Старшие были заядлыми рыболовами. Хвастали друг перед другом уловами, травили байки. Малость забылись, где находятся. Рулевой движением руки настроил тишину.

– Давайте начнем.

Один из старших приоткрыл дверь. В кабинет вошел Чеснок.

– Мир, как известно, создается войной, – глубокомысленно начал Рулевой. – Теперь в городе тишь да гладь да божья благодать. А почему? Потому что Руслан задавил Кузю. Спе-

циальную премию я ему уже вручил. (Рулевой имел в виду «Ауди»). Напомню еще об одной заслуге Руслана. Через него наши ряды пополнил мент, которого мы сейчас всесторонне проверяем. Но, несмотря на все заслуги, Руслан держится скромно, старших уважает. Короче, пора повысить его статус в нашей организации. Кто желает высказаться?

Реплики были в пользу Чеснока:

– Про Руслана не скажешь, что ему еще рано быть старшим.

– Барабан ему на шею.

Рулевой повернулся к Чесноку, который стоял с красным от волнения лицом.

– Руслан, у нас каждый говорит свое обязательство своими словами. Мы тебя слушаем.

Лицо у Чеснока стало совсем пунцовым. Мысли в его голове подвисли, речь забуксовала. Он не знал, что сказать.

Наконец, выдавил:

– Ну, я на все готов, вы же знаете, на меня всегда можно положиться.

– У нас обычно говорят так: готов к серьезной работе за грандиозное вознаграждение, – подсказал битюг с медвежьими глазками по фамилии Коротин.

– Теперь буду знать, – буркнул Руслан.

– Догадываешься, какие насчет тебя планы? – спросил Рулевой. – Нам нужен свой спецназ. По сигналу тревоги человек двести должны собираться за десять минут.

– Будет сделано, – пообещал Чеснок.

Рулевой пожал ему руку и жестом показал, что теперь можно сесть за общий стол. Парень послушно опустил на свободный стул и сцепил сильные пальцы.

Перешли к текущим вопросам. Старшие пожаловались, что тете Ханум снова плохо. Это означало, что барыги и рядовые – недавно принятые на работу – без зазрения совести вскрывают приготовленные мазлы, пятиграммовые пакетики с героином, и буторят, то есть смешивают их с мелом, сахаром мукой. А сэкономленный героин либо колят себе, либо продают в свою пользу. Какие только меры уже не принимали. Заставляли барыг и рядовых «ходить в баночку», а потом силами своих врачей проводили наркотест. Вывозили в лесной массив и били бейсбольными битами. По две-три биты ломали во время экзекуции. Ничего не помогает.

– Жадность косит наши ряды, – посетовал Кoryтин

Он только что вернулся из Чуйской долины с очередной крупной партии гречки. Так они между собой называли героин. Сделка была крайне выгодной. Кoryтин сэкономил для организации почти миллион долларов. Рулевой в присутствии других старших выдал ему огромную премию и ключи от джипа «Гранд Чероки». Гридасова теперь душила жаба. Считаясь правой рукой Рулевого, он ездил на менее престижной «Тойоте – Камри».

– Предлагаю сжигать крысятников живьем, – сказал Кoryтин.

Рулевой поморщился:

– Мне надоело жевать вам эту мысль. В наших делах губит жадность и беспредел. Жесть должна быть рациональной. Не надо умножать зла без особой на то нужды. Человека сегодня не жалко, себя должно быть жалко.

Они живьем сжигали в Топельнике своих нечистых на руку сподвижников. На какое-то время крысятничество прекращалось. Но потом возникало вновь. Будто не было оравших благим матом живых факелов.

– Есть сегодня проблемы поважнее, – задумчиво проговорил Рулевой. – Нами начали заниматься. Общаемся теперь только по рабочкам – рабочим мобильникам. СИМ-карты меняем раз в неделю. Каждую неделю назначаем новый пароль и новый отзыв. Свободные от работы экипажи теперь будут отслеживать все передвижения рабочих экипажей. (Экипажами назывались двое-трое членов организации, которые развозили по тайникам героин и забирали заложенные в тайниках барыгами деньги). Кроме того, начинаем вести разведку. Задача разведчика – стричь поляну. Вести каждого барыгу от дома до закладки мазлов. Особое внимание – лесу, Топельнику. Там дежурство разведчиков должно быть круглосуточным. Ответственный за все эти мероприятия Корытин. Все. Свободны. Корытину – остаться.

Участники совещания вышли. Рулевой взял из холодильника торт мороженое, разрезал на части.

Некоторое время лакомились молча. Корытин не решался

прервать молчание.

– Ну, что новенького? – спросил Рулевой.

– Ловят рыбу, жарят шашлыки, вспоминают прошлое, о деле – ни слова, – доложил Корятин. – Хотя, кто знает... Иногда о чем-то шепчутся.

Он говорил о Гридасове и Пичугине, который залетел в Поволжск на неделю, отвести душу на рыбалке, жил со своей подругой на их загородной базе, но как бы даже и не думал уезжать. То ли рыбалка понравилась, то ли отсиживался после акции.

Пичугин был ликвидатор. Его показали Рулевому в Москве, когда тот отказался отстегивать денежку. Тогда только начинающий наркоторговец, он еще не знал, что полностью отвязанных региональных наркобаронов не бывает. Все в этом бизнесе строго централизовано, а верхушка пирамиды – в столице нашей родины. Можно, конечно, послать эту верхушку куда подальше, но где гарантия, что это останется без последствий? Рулевому как бы невзначай шепнули, кивнув на Пичугина, что этот парень лишает жизни голыми руками, не оставляя никаких следов. Так что сообразай, дружище, стоит ли рисковать.

Рисковать Рулевой не хотел. Если в Москве действительно есть люди, которые координируют региональные наркокартели и оказывают им юридическую помощь, то зачем с этими людьми ссориться? С ними дружить надо, чтобы рано или поздно занять среди них свое достойное место.

И он дружил. Взносы в общак платил регулярно и в полном объеме. Зачем, в таком случае, к нему прислали ликвидатора? И чего ради этот убивец дружит с Гридасовым, а не с ним?

Червь сомнения точил душу Рулеву.

Гридасов появился, когда Рулевой и Кoryтин перетерли все вопросы и собирались разбежаться. Он, оказывается, был возле колонии, решал кадровые вопросы. Их организация расширяла свою дилерскую сеть, а для этого не хватало надежных людей. Решили искать среди освобождающихся зэков. Среди сотрудников колонии у них был свой человек, завербованный в свое время самим Рулевым. Человек работал в спецчасти, имел прямой доступ к личным делам заключенных. Готовил для Гридасова копии приговоров тех, кого готовили к освобождению. Гридасов внимательно изучал кандидатуры, затем передавал на утверждение Рулеву.

Чеснок купил в универсаме ящик пива, несколько килограммов шашлычного мяса и вывез самых лучших, с его точки зрения, грифов на берег Волги.

Бухала в машинах музыка, дымился мангал, по берегу разносился запах жареного шашлыка, пир шел горой.

– Все идет путем, пацаны, – выступал Руслан. Никогда еще грифы не видели своего предводителя таким важным и тор-

жественным. – На нас делается большая ставка. Главное теперь – не подгадить.

Грифы сдержанно загалдели: мол, они не подведут.

– Тогда ройте братскую могилу, – сказал Чеснок.

Пикинес и Шуруп первыми вынули из багажников лопаты.

Яму вырыли неглубокую, чисто символическую. Каждый ложился и складывал на груди руки, крест-накрест, изображал себя мертвым. Это была клятва без слов.

Когда-то Чеснок сам прошел этот обряд. Потом рассказал грифам. С тех пор ему не давали покоя:

– А когда мы будем копать себе могилы?

Подкатил Гоша. Открыл банку с пивом и стал попивать, закусывая чипсами. То, чем занимались грифы, его забавляло. Ну, детский сад, честное слово. Романтики, блин.

– А теперь твоя очередь, – неожиданно сказал Руслан.

Только теперь Гоша понял, для чего его сюда звали. Допил пиво, дожевал чипсы и, посмеиваясь, лег в могилу.

Руслан кивнул пацанам. Они взяли за лопаты и стали закидывать Гошу землей.

– Эй, вы чего? – забеспокоился мент, пытаясь выбраться из ямы.

Пикинес и Шуруп приставили острия лопат ему к горлу. Остальные продолжали забрасывать его землей.

– Вы чего, пацаны? Что за шутки, блин? – в голосе Гоши звучала паника.

– Так будет со всяким, кто пойдет против нас, – зловещим тоном проговорил Руслан.

Гоше велели вытянуть руки вдоль тела. В таком положении земля попадала ему в глаза, в рот. Он попытался встать, но грифы крепко держали остриями лопат.

Руслан склонился над ним:

– Кто тебя подослал? Скажешь – будешь жить.

– Какого хрена! – вопил Гоша. – Что ты гонишь? Никто меня не подсылал. Я сам раньше мотался. Поэтому Шокин и направил меня в этот отдел. Я ваш, пацаны, я для вас все, что хотите, сделаю.

– Наши ментовские погоны не носят. Кончайте его, – сказал Руслан, подмигнув грифам.

– Козлы! – Гоша вдруг перестал барахтаться, затих. Руслан дал грифам знак, чтобы прекратили бросать землю.

Гошу подняли из могилы. Положили рядом на траву лицом вниз. Он судорожно хватал воздух, кашлял, прочищал глаза.

– Извини за резкость, – со смешком сказал ему Руслан. – Вот теперь мы тебе верим. Но не до конца. Поимей это в виду.

Кодацкий выносил из дома деревянные складные кресла, открывал бутылки с напитками. Царьков нанизывал на шампуры куски томленного в шампанском мяса. Лещев тоже нашел себе занятие – разжигал мангал. Бездельничала только

Анна. Она бы с удовольствием помогла жене Царькова Тане, но та больно уж ревниво смотрела, просто обжигала своими черными глазами. Добрые люди подсказали Тане, будто бы «акула пера» встречается с ее Леонидом.

Анна жила в Поволжье уже третий год, но никак не могла вписаться в здешнее общество. Одевалась она беднее местных модниц, считая, что дорогие наряды только старят. Но при этом всегда выглядела на свой неповторимый манер. Косметикой, считай, не пользовалась. Разве что под давлением подруги Оли, совсем чуть-чуть, по большим праздникам. А выглядела так, что не могла незаметно пройти по городу.

Мужчины пытались знакомиться с ней на каждом шагу, и она знакомилась, и терпеливо выслушивала неуклюжие комплименты. И хотя никто из мужиков не мог похвастать, что уложил ее в постель, общественное мнение вынесло свой приговор – эта баба без комплексов.

«Вот дура-то», – думала Анна о Тане. Царьков даже близко был не в ее вкусе. Роста не хватает. Лысина уже пробивается. А мужчина без волос на голове – все равно, что без штанов.

Улучив момент, успокаивающе шепнула Тане:

– Наверно, вам что-то наговорили. Поверьте на слово, мне ваш муж не интересен.

Таня смягчилась и тут же полезла в чужое пространство:

– Сколько вам?

Обижаться на нее было бы глупо. Еще глупее было бы от-

читываться. Анна промолчала.

Таня расценила молчание как возрастную слабость. И пошла дальше – мысленно раздела Анну, как это делают женщины, завидев соперницу. Ничего хорошего из сравнения не получилось. «Зато я наверняка лучше трахаюсь», – подумала Таня.

– А вы не боитесь, что в один прекрасный день вам дадут больше? – приподняв острый подбородок, она ждала ответа.

– Видите ли, – сказала Анна, – я постоянно развиваюсь. Это отодвигает старость.

Дачу Царькова роскошной не назовешь. Построил он ее, когда только открыл свой торговый бизнес. Тогда она смотрелась. А сейчас, на фоне роскошных особняков, выглядела скромно. Не поражала богатством и обстановка.

Лещев бывал здесь не раз, но только сейчас дал оценку:

– Молодец, Леня, по-простому живешь.

– Мне нравится, как жили спартанцы, – довольный похвалой начальника, отозвался Царьков. – Лишку ни в чем: ни в условиях жизни, ни в еде, ни в разговоре.

– По-моему, спартанцы говорили коротко, чтобы не выдать себя, – вставила Анна. – Они ж неучи были, солдафоны, поэтому и боялись сказать какую-нибудь глупость.

Сказала и тут же пожалела: «Зачем я его задираю? Чтобы показать Тане, что между нами ничего нет? Как глупо».

На простом лице Царькова промелькнула обида. Но он спокойно возразил:

– Когда спартанцев обзывали неучами, они отвечали: правильно, мы не учимся ничему дурному. А знаешь, Аннушка, что ели спартанцы? Похлебку из чечевицы и бычьей крови. Очень невкусно, зато питательно. Какие воины вырастали! Ну, как поднять тебе настроение?

Царьков взбежал на второй этаж, выскочил на балкон и сделал стойку на перилах. Было видно, как подрагивают деревянные балясины Компания замерла. От страха Тане хотелось закричать, но она боялась, что как раз от крика Леонид и может упасть вниз на выложенное плиткой патио.

«Господи, что ж он так странно себя ведет для своего возраста? – думала Анна. – Каждый мужик сходит с ума по-своему, но он не должен быть смешным».

Наконец, сели за стол. Лещев поднял бокал с вином.

– За что пьем?

Царьков отреагировал мгновенно:

– За вашу поездку в Европу, Николай Федорович. Рассказали бы.

Выпили. Ланцева включил диктофон, Кодацкий расчехлил видеокамеру. Послезавтра интервью с мэром появится в местной программе теленовостей и свежем номере газеты.

– В городе 110 тысяч жителей, примерно столько же, сколько у нас, – начал Лещев. – Только в бюджете денег в сто раз больше. Местная власть львиную долю налогов оставляет у себя. А помимо того сама определяет, какие брать налоги, в каких целях, в каких размерах.

Мэр покосился на бутылки с напитками и строго наказал Кодацкому:

– Смотри, чтобы этого в кадре не было! А вообще, скажу не для печати – не люблю ездить за границу, возвращаешься и – трудно жить.

– Продолжайте, Николай Федорович, очень интересно! – лакейским тоном выпалил Кодацкий, не отрываясь от видеискателя.

– Заседания городского совета там проходят так, – продолжал Лещев. – Большой зал с высоченным потолком. Места для публики и прессы. На сцене полукруглый стол. За столом – мэр и члены городского совета, городской менеджер, городской прокурор. Результаты голосования фиксируются на табло. Обстановка в целом деловая, но каждый пытается сострить, вызвать смех.

– Пусть бы они попробовали у вас посмеяться, – незлобиво вставила Анна.

– Я, если хочешь знать, очень ценю юмор, – без обиды отозвался Лещев. – Но ведь там меру знают, не злоупотребляют. А нашим только дай волю, посмейся с ними – на голову сядут.

– Как там с преступностью борются? – спросила Ланцева.

– В муниципальной полиции города 370 человек. Почти в три раза больше, чем у нас. Плюс к этому родители патрулируют улицы и районы на своих машинах.

Царьков подхватил эту мысль:

– Может, нам тоже организовать родительские патрули?

Предприниматели могли бы купить пару «жигулей».

– Надо подумать, – отозвался мэр.

Ланцева посматривала на шашлык. Куски мяса на шампу-ре слишком большие. К этому трудно привыкнуть. Как и к шашлыку из свинины, а не из баранины. Вообще, все здесь не такое, как в Таджикистане: небо, воздух, дома, люди. И она для местных тоже не такая. Как бы даже не совсем русская.

– Леня, я отсюда вижу: уже подрумянился, пора, – сказала она Царькову.

Откусила кусочек шашлыка. М-м, когда свининка жир-ненькая, оказывается, вкусно.

– То-то же!

Царьков сиял. Ему хотелось, чтобы за столом было весело. Он зачем-то припомнил, что у человека и свиньи сходный состав крови, одинаковое пищеварение. И даже свойства ко-жи очень схожи: свинья тоже может загорать.

Анна вернулась к разговору:

– Николай Федорович, а на кой вам мэрство? Неблагодар-ная это работа. Шли бы в бизнес.

Лещев перестал жевать мясо, отложил шампур:

– Память о себе хочу оставить Аннушка. Чтобы люди и через десять, и через двадцать лет говорили: вот сквер. Вот фонтан. Вот торговый центр. Вот рынок. И все это сделано при Лещеве. А еще хочу, чтобы как можно больше горожан

помнили, что лично каждому сделал что-то хорошее. Правда, у добрых дел есть один существенный недостаток – они быстро забываются. – Мэр поднял бокал и сделал скорбное лицо. – Одного только не хотелось бы. Чтобы говорили: вот, мол, во времена Лещева банды пацанов терроризировали город. Давайте за то, чтобы больше ничего не случилось.

Выпили. Царьков осторожно предложил:

– Николай Федорович, давай откроем молодежный спортивный центр. Будем вовлекать туда конкретно группировщиков, только их. Я и название уже придумал – «Спартой» назовем. Все расходы возьму на себя. Вот увидишь, я наведу порядок. В городе будет тишина. Я все-таки твой помощник по безопасности, я просто обязан сделать это.

Лещев ответил задумчиво:

– Шокин правильно сказал – надо отвести этот дикий табун от пропасти. Валяй, Леня. Только работай в контакте с Шишовой, не отделяйся.

Сгустились сумерки, замерцали звезды. Разговор о делах увял, а другой темы не возникало. И песни петь не тянуло. Таня сварила кофе. Царьков плеснул по рюмкам коньяк, подсел к Анне поближе, сказал на ухо:

– Смотри, новый месяц с правой стороны. Знаешь, это к чему? Говорят, к счастью.

«Надо же, какая лирика, – цинично подумала Анна. – Этак дойдет до разговора о тайне Мироздания». У нее по этому глобальному вопросу мнение было очень приземлен-

ное: природа и эволюция – всего лишь цепь случайностей, а иные миры так далеко, что практически неважно, есть они или нет.

Таня не выдержала, под благовидным предлогом зазвала Леонида в дом, устроила сцену:

– Хватит клеиться. Перед людьми стыдно. Думаешь, никто не видит?

Царьков даже бровью не повел:

– Завидуешь, Танюха.

– Кому? – взвилась женщина. – Кому я должна завидовать? Ей? Или, может, тебе?

Царьков сочувственно вздохнул:

– Ревность – это зависть, Танюха, а верность – навязчивость. Говорят, ревнивые во втором кругу ада мучаются. И учти, подруга: от ревности до предательства – один шаг. Ревнивая баба – предательница по своей сути. Лучше бы скатерть сменила. Кто полиэтилен гостям стелит, деревня?!

Он вернулся к компании и стал жаловаться на свою нелегкую долю. Столько делает для людей, а что в ответ? Вспомнил Савву Морозова. Тот тоже жаловался, что богатеть в России легко, а жить трудно. Нет, до Саввы Морозова ему, конечно, далеко. Но он тоже умеет делать из денег деньги. В финансовых делах он, конечно, не гений, но на средний талант тянет. Есть такое понятие – средний талант. Это как раз про него.

Создавалось впечатление, что Леонид только прикидыва-

ется пьяненьким, а на самом деле ведет какую-то игру.

Анна сбила его с волны:

– Леня, почему тебя так боится Руслан Чесноков?

Улыбка застыла на лице Царькова.

– Какой Руслан? – пробормотал он. – А, эта шпана! Ну, так я кто? Если меня не будут бояться, грош мне цена.

– Леня, этот Чесноков угрожает моей подруге, она его классная руководительница. Требует аттестата без троек и без экзаменов. Ведет себя по-хамски.

Леонид брезгливо поморщился:

– Вот урод. Конечно, я поговорю с ним. Он у меня в секции единоборств раньше занимался. Снимем этот вопрос, даже не сомневайся.

– Леня, это не все. Чесноков домогается своей одноклассницы. Лена ее зовут. Пусть он от нее отстанет, а?

Царьков почесал в затылке.

– А может, эта Лена только для вида ломается.

– Она не ломается, Леня. Она руки на себя готова наложить.

– Хорошо, – пообещал Царьков. – Я все для тебя сделаю, ты же знаешь. Ты у нас особо ценный кадр, правильно, Николай Федорович?

Лещев движением руки велел помощнику налить водки. Наливать самому себе он не любил – плохая примета. Царьков налил – мэр выпил. Широкое, мясистое лицо его стало багровым. Приближенные совсем забыли, зачем собрались.

То ли не понимают серьезность момента, то ли совсем за него не переживают.

– Критические дни у нас, ребята, а мы тут балаболим целый вечер хрен знает о чем, – обиженно проговорил он. – Похоже, из меня хотят сделать козла отпущения. Как вам это нравится?

– Совсем нам это не нравится, – сказал Кодацкий, переглядываясь с Царьковым. – Говорите, Николай Федорович, что надо делать.

– Я вас хотел послушать. Чего молчишь? – мэр уставился на Царькова. – Безопасность моя под угрозой. Тебе первому соображать надо.

Леонид ответил осторожно:

– Я отвечаю за вашу физическую безопасность, Николай Федорович.

– А нахрена мне эта безопасность, если меня должности лишат? И на кой хрен ты мне тогда будешь нужен?

Царьков насупился. Никогда еще шеф не говорил с ним в таком тоне, тем более при людях. Но обижаться на начальника глупо. Леонид натянуто улыбнулся и сказал по-свойски:

– Федорыч, ну ты даешь! Это ты у нас политик, тебе и идеи подавать.

Лещев отмахнулся от помощника, как от назойливой мухи, посмотрел на Кодацкого, поморщился (что можно услышать от этого жука?) и повернулся к Ланцевой:

– Ну, ладно, наш спартанец боится глупость сказать, а ты

чего молчишь? У тебя же полно всяких идей.

Анна на все имела свое мнение, часто расходившееся с мнением тех, кого она, как журналист, обслуживала. Она довольно четко представляла, что помогло бы Лещеву не только усидеть в кресле мэра, но и стать одним из самых интересных градоначальников. Но для этого Лещеву потребовалось бы очень сильно измениться и окружить себя совсем другими людьми. К тому же не хотелось Ланцевой озвучивать свои предложения при Царькове и Кодацком.

Идиотское положение. Ничего не сказать – плохо. И сказать нельзя.

Ланцева нашла выход из положения:

– У меня есть кое-какие мысли, Николай Федорович. Только дайте время, дня два, я лучше напишу.

Лещев не возражал. Он знал, что за столом болтать всякий горазд. А попробуй дельные мысли на бумаге изложить. Ланцева изложит – в этом он не сомневался.

Булыкин ушел от жены и жил теперь в доме, оставшемся от родителей, в деревне, в шести километрах от города. Точнее, это была половина дома. Другую часть занимал алкаш, большой любитель шансона и попсы. Приняв дозу водки, алкаш включал магнитола, ложился на софу и погружался в кайф. Ему плевать, какое сейчас время суток. Он мог включить музыку в двенадцать ночи, а мог и в пять утра.

После нескольких нервных разборок Булыкину пришлось обратиться к участковому. Тот начал выяснять. Алкаш гру-

бит? Не грубит. Буянит? Не буянит. Что в таком случае ему предъявить?

– Давай напишу в протоколе, что у тебя случился сердечный приступ, – предложил участковый.

– Лучше я удавлю эту тварь, – прорычал Булыкин.

Разговор состоялся утром. Но Никиту до сих пор трясло. Что за времена? Если государство не может защитить нормального, работающего человека от тунеядца и пропойцы, то это о чем говорит? Хотя вопрос можно поставить иначе. О чем говорит тот факт, что алкаш ни во что не ставит соседа-милиционера?

Булыкин в глубине души давно уже ненавидел свою работу. Единственное, что удерживало его в милиции – привычка чувствовать себя асом своего дела. Если мужик в чем-то не ас, это не мужик.

– Был третий! – на пороге стояла Ланцева.

Никита мгновенно понял, что она хотела сказать. Эта фраза когда-то вертелась и в его голове: был третий! Конечно, был. Почему же не нашли? Потому что такие были годы. Полный разброд. Никто не хотел что-то делать хорошо, по совести, следуя долгу. Все делали свое дело абы как, потому что государство абы как платило зарплату. А потом, когда все более-менее устаканилось, никому не хотелось поднимать дело Радаева из архива, проверять обоснованность осуждения.

– Я только что из облсуда, – сообщила Анна.

Гоша услужливо наполнил свежей водой электрочайник и тактично исчез. Он теперь исчезал, когда к Булыкину приходил Макаров или Ланцева. И появлялся сразу же после окончания разговора.

Работа в милиции научила Никиту не верить до конца никому. Ни подчиненному, ни начальнику. Абсолютное доверие само по себе нерационально. Могут пострадать либо интересы дела, либо даже жизнь другого человека.

Никита подошел к окну. Гоша вышел из подъезда и сел в «жигули».

Что он там делает? Неужели сидит просто так, болтает с кем-то по мобильнику?

Гоша сидел не просто так. Он надел маленькие наушники и настроил радиоприемник на волну замаскированной в кабинете антенны с микрофоном. Слышимость была отличная.

Голос Ланцевой:

– Зря ты, Никита, поверил этим бухгалтерше и кассирше.

Голос Булыкина:

– Я поверил? Я душу вынимал из этих клюшек.

Голос Ланцевой:

– Клюшка была отчасти только бухгалтерша. Сорок лет – еще не старость для женщины.

Булыкин молчал. Конечно, он не дождал этих баб. Они уперлись, а он не дождал. О чем потом очень жалел.

– Почему ты допросил кассиршу всего один раз? – спросила Анна.

– Она утонула. Пошла на пляж, заплывла, говорят, недалеко и вдруг исчезла. Тело всплыло только через две недели. Признаков насилия не обнаружено.

– Считаешь, что это случайность?

Булыкин пожал плечами.

– А клюшка?

– Последний раз я видел ее во время суда. Не понимаю, чего ты хочешь, – сдержанно вскипел Булыкин. – Согласен, дело мутное. Но Радаев – налетчик, это факт, и сидит за дело.

– Я поеду к нему в колонию, – сказала Анна. – Если хочешь, поехали вместе.

– Чего я там не видел? И о чем нам говорить?

– Тебе не интересно узнать, куда исчезли деньги? Я думаю, Радаева это гложет. Поставь себя на его место.

– А может, так было задумано? Лежат где-нибудь денежки и ждут его. Короче, тебе интересно, ты и езжай, а для меня эта тема закрыта, – отрезал Никита.

Он уже жалел, что сказал Анне о Радаеве.

Размышляя, что бы предложить мэру, Ланцева вспомнила краткое выступление на активе Томилина. Кажется, он хотел высказать какие-то соображения, но его не захотели слушать.

Станислав Викторович был рад звонку. Сказал, что двери его дома для Анны всегда открыты.

Прямо из прихожей подвел ее к окну и спросил:

– Почему вы об этом не пишете? Кто разрешил строить

особняки на берегу Волги? Раньше я видел всю излучину, красота неопиcуемая. А теперь вижу крыши чьих-то дач. Спрашиваю у людей, чьи это хоромы. Никто не знает. Тайна, покрытая мраком. Вы тоже не знаете?

Анна рассмеялась: она тоже не знала.

– А чего вам так весело? – сдержанно возмутился Томилин. – Это, между прочим, ваше дело, бороться с этим безобразием.

– Считайте, что это нервный смех. – Ланцева горько вздохнула. – Уважаемый Станислав Викторович, бороться с такими вещами в наше время невозможно. Меня лично возмущают еще высокие заборы. Люди отгораживаются от людей. Заборы – это знак, что мы не вместе проживаем жизнь, хотя живем в одной стране, в одном городе. Скоро вся Россия будет в таких заборах. Как с этим бороться, ума не приложу. Думаю, власть должна показывать пример. Но власть первая спряталась за высокие заборы.

Даша сказала:

– Папа, не надо так переживать.

– А как надо?

– Вообще не надо. Подумаешь, вид тебе закрыли.

Томилин обиженно заморгал.

– Наверно, во мне бродит ненависть, это от безделья, – пробормотал он. – Но я никак не могу смириться с тем, что происходит. В Древней Греции человек, который не мог указать, на какие средства он живет, лишался гражданских

прав. Конечно, мое занудство от безделья. Разве можно назвать работу сторожа работой? Раньше мы иногда жаловались на рутину. А я сейчас вспоминаю эту рутину, как лучшее время жизни. Человеку нужна суета.

Ланцева поняла, что пора направить разговор в нужное для нее русло:

– Станислав Викторович, а что вы хотели предложить нашему высокому начальству? Вы что-то не договорили, как я поняла.

Томилин тяжело вздохнул:

– Анна, я хотел сказать страшную вещь. Банды подростков и то, чем они занимаются, это, конечно, сущее бедствие, но не самая большая беда. Банды, слава богу, только у нас в Поволжье. А большая беда – везде и всюду. Дети такие, какие они есть от природы, от папы с мамой, от их воспитания. А это самое худшее, что может быть в наше время, потому что сегодняшние родители по большей части ужасная дрянь. Дети должны быть такими, какими они должны быть для пользы страны. Но стране они не нужны. Молодежь любит, чтобы ее выращивали, чтобы с нее требовали, чтобы ее любили и уважали. Тогда она и горы свернет, и за свою страну жизнью не пожалеет. А если нет, то по закону взаимности такая страна им тоже не нужна. То, как мы сегодня обучаем и воспитываем детей и молодежь – это пищеварение без переваривания. Советская система воспитания утрачена, а новая не создана. Должна быть система, по-другому выра-

щивать детей в порядочных людей невозможно. Я знаю, как это можно сделать. Для этого должны объединиться лучшие люди города. И, прежде всего, неравнодушные родители. А власть должна их поддержать. Без поддержки мэра ничего не получится. Что такое система? Это воспитание в коллективе, в детской или юношеской организации, саморазвитие и самоотдача личности, труд и деятельность на благо общества. И не от случая к случаю, а ежедневно, начиная с девяти лет до самой армии.

– У вас это изложено на бумаге? – спросила Анна.

– Конечно, во всех деталях.

– Давайте покажем Лещеву.

– Вы серьезно? – удивился Томилин. – По-моему, он даже из-под палки не станет этим заниматься.

– Ну, предложить-то можно. Губернатор хочет, чтобы Лещев ушел. А Лещев хочет остаться. Чего не предложить? Это же ему только в плюс будет. Давайте ваши предложения.

Томилин принес из другой комнаты рукопись. Ланцева пробежала несколько страниц. Текст показался ей очень дельным.

Даша подала крепкий чай с малиновым вареньем и ушла в свою комнатку.

– Вы Павла Радаева случаем не знали? – спросила Анна.

– Ну, как же? – отозвался Томилин. – Наша Евдокия Тимофеевна работала в музыкальной школе, а Ваня и Даша учились у Ирины Ивановны Радаевой. Удивительная была

женщина, редкостная во всех отношениях. Ученики ее буквально обожали. Мы с Дуней одно время даже немного ревновали. Нам казалось, что дети ее любят больше, чем нас. Вся драма этой семьи на наших глазах происходила. А вот муж и сынок ее, похоже, не ценили. Муж ушел, потом вернулся, потом снова ушел. Павлик в это время и стал куролесить.

Даша, как только заговорили о Радаеве, вошла в комнату, заметно нервничая. Чтобы успокоиться, налила себе чаю. Отхлебнула из чашки и сказала:

– Ирина Ивановна умерла, когда Павлика посадили. Говорят, в этом виновата Цепнева, директор музыкальной школы, где был этот чертов банк.

– Как мог ученик музыкальной школы, лучший в городе аккордеонист стать бандитом? – спросила Анна.

Даша пошла в другую комнату. Вернулась с фотографией Радаева. Ланцева взгляделась в снимок. Смелое лицо, умные глаза.

– Вы должны разбираться в лицах, – сказала Даша. – Ну, скажите, какой это бандит?

Томилин возразил:

– Дочь, он же возглавлял банду. Его взяли прямо в банке.

– Он никогда не был бандитом, – упрямо возразила Даша. – Он был неформальным авторитетом. Но что вы в этом понимаете?

– То, что он не подлец, с этим я могу согласиться, – при-

знал Томилин.

Барак на сто двадцать коек в два яруса сопел и храпел на все лады. Пахло потной обувью и плохо вымытыми мужскими телами. Павел Радаев лежал навзничь на верхней шконке, запрокинув за голову руки. Лешка Барминов варганил тюрю. Налил в миски бутылку вина, накрошил пайку хлеба. У Лешки праздник: завтра на волю. А сегодня он устраивает кенту угощение. Если съесть тюрю медленно, можно словить ощутимый кайф.

Угощаться Радаеву не хотелось. Традиция – дело святое, но в данном случае может выйти боком. Если сейчас какой-нибудь стукачок не спит и все видит, то завтра Лешка пойдет на волю, а его, Радаева, отправят в штрафной изолятор. На кой хрен ему такое приключение? После семи лет отсидки хотелось побереечь себя. Мучила изжога, болел желудок.

– Готово, – прошептал Лешка.

Радаев бесшумно спрыгнул со шконки. Долговязый, длиннорукий, а движения ловкие, кошачьи. Ладно, вмажем слегка. Авось, никто не заметит. Если отказаться, можно обидеть кента.

Если бы раньше кто-то сказал ему, что он будет корешиться с Лешкой, он бы плюнул этому человеку в глаза. Возглавляемые ими группировки враждовали насмерть, как красные и белые. Однажды Лешка врезал Павлу по башке металлическим прутом. Тот в последний момент увернулся, удар при-

шелся вскользь. Все равно пришлось зашивать лоб и поваляться на больничной койке две недели. Зато в другой сшибке Павел порезал жилистому Лешке щеку.

А ведь когда-то ходили в один детский сад. Держась за руки, читали со сцены стишок про кровожадного и беспощадного разбойника Бармалея, которому не надо ни мармелада, ни шоколада, а только маленьких детей. Так и приклеилась к Лешке с тех пор эта кличка. Подошла к фамилии.

Лешка пришел с этапом четыре года назад, 31 декабря. Увидев друг друга, они напряглись, взъерошились, и еще неизвестно, во что вылилась бы встреча, если бы на Лешку не наехала местнота – местные зэки. Неопытный Лешка взял на тумбочке соседа журнал с голой бабой на обложке, чего делать без спросу категорически нельзя. Сосед, недолго думая, объявил, что в журнале у него лежал стольник. Скандал.

– Крыса приехала! – истерически визжал сосед.

Павел, видя такое дело, не раздумывая вступился за Лешку. Все-таки земляк.

Справляли тот Новый год точно так же. Только тогда вино раздобыл Радаев. Хорошо посидели, даже свечу зажгли. А назавтра, первого января, вышли работать в столярный цех. Павел уговорил нарядчика поставить Лешку напарником на циркулярную пилу.

Хлебали тюрю молча. О чем говорить? Лешка сам знает, что надо делать. Передать приветы общим знакомым, передачу организовать. Сигареты, чай, сахар, соленое сало, сухое

печенье. Павел любит печенье. Короче, с дачкой проблем не будет.

Лешка тоже будет теперь беречь себя. Пойдет работать, женится. Женатикам проще держаться подальше от соблазнов.

После пятой ложки пошел кайф. Пошли в курилку.

– Посмотреть, как там Танька? – спросил Лешка.

А чего смотреть? Павел и так знает. Живет Танька с дружкой его, Квасом. Спутавшись с ним, Радаевым, Танька предала Кваса. А потом они оба, Танька и Квас, предали его. Не пишут, не приезжают. Вычеркнули его из своей жизни. Если он вспоминает Таньку, то по единственной причине: другой девчонки в его жизни не было.

Павел часто витает в прошлом. Вот он с Танькой у нее дома. Они одни, родители на даче. Они ни о чем не говорят, рты у них все время заняты поцелуями. А в небольшие перерывы они курят одну сигарету на двоих. Странно, как мало они говорили, и как мало знали друг друга. Жили одним днем, им хотелось только трахаться. Магнитола выдавала шлягер. «Я готов целовать песок, по которому ходила».

– А ты готов? – спросила Танька.

Он тогда ничего не ответил. А зря, надо было сказать, что готов. Тогда, может быть, жизнь пошла бы по-другому.

Перебирая в памяти все, что было связано с налетом, Павел словно разгадывал ребус. По плану он и Степка Чесноков должны были войти в банк, когда там не будет посетите-

лей, внезапно напасть на охранника и отобрать у него ствол. А охранник не должен был сопротивляться. Квас матерью клялся, что охранник свой парень, с ним все договорено. А у него, урода, оказывается, был запасной ствол. Мог знать об этом Квас? Мог. Очень даже мог. Но как это подтвердить?

– Булыкину при встрече привет передать? – пошутил Лешка.

Они знали из газет, что майор теперь занимается уличными группировками. Только на новом месте не очень у него получается.

Булыкин брал Радаева на месте преступления. Хотя, что значит брал? Павел при всем желании не смог бы убежать. Кровища хлестала из груди, артерия была перебита. Банк на другой день не работал, отмывали.

– Пошел он!

Павел был зол на Булыкина. Когда допрашивал в тюремной больнице, слушал, вроде, с пониманием. Однажды даже яблоко принес. Но следователю о своих сомнениях ничего не сказал. Или тот не захотел прислушаться. Все они там, в милиции, одинаковы. Им бы, козлогвардейцам, только сажать.

– Мне работу предлагают за тридцать штук, не хило, да? – неожиданно поделился Лешка.

Кто предлагает? Какая работа? Радаев только подумал, но не спросил. У него уже в порых сидело – не задавать лишних вопросов. Никому и никогда. Кент поделился и – ладно. А дальше – пусть сам решает, подписываться ему на эту рабо-

ту или нет. Лешка не друг-закадыка. Их дружба временная, зонавская. На воле от нее и следа не останется.

Царьков сдержал слово. Собрал с предпринимателей деньги и подарил администрации города два новых «жигуленка» с большими надписями на капотах «родительский патруль». Положил ключи с документами мэру на стол и посоветовал подать личный пример.

Сегодня был первый выезд. Кодацкий взял наизготовку телекамеру, приготовился снимать. Анну мутило от этого мероприятия («Едем торговать мэрской мордой»), но она сделала над собой усилие, приготовила диктофон. Что делать, каждый шаг главы города надо освещать. Им за это бюджетные деньги платят.

У самого Лещева тоже не было настроения. Он знал, что увидит разбитые дороги, а это его больное место. Средств на ремонт Сапрыгин выделял так мало, что пришлось передать дороги в областную собственность. Но после этой передачи асфальт обновили только на центральных улицах. Остальные как были в выбоинах, так и остались.

Знал он также, что увидит повсюду мусор. С главным коммунальщиком Лещев не ладил. Долго обвинял его, что на улицах мало урн, поэтому много и мусора. Но вот поставили новые урны, причем в три раза больше, чем было. А что изменилось? Люди бросают мусор рядом с урнами. Ходят, что называется, под себя. Ну, что за народ?! Нет, ездить по улицам города, которым руководишь, одно расстройство.

Подъехали к Вечному Огню. А это что такое? И здесь окурки, бутылки, остатки еды.

Родители поясняли смущенно, будто сами виноваты:

– Подростки здесь сосиски жарят. Милицейский пост бы сюда, Николай Федорович.

Кто-то осторожно посоветовал:

– Вы бы, Николай Федорович, по задворкам прошлись.

– Что значит по задворкам? – не понял Лещев.

– По дворам, Николай Федорович, по подъездам.

Голоса родителей звучали подобострастно. И в то же время испытующе: пойдет или не пойдет?

Мэр пошел, куда деваться. На лестничных площадках окурки и бутылки из-под пива. Кто здесь топчется? Известно кто – алкаши и подростки. Почему жильцы не звонят в милицию? Потому, что не верят. Милиция сама же информаторов и сдаст. А потом расплачивайся за свою сознательность.

– Штрафовать надо, Николай Федорович, – подсказывали родители. – Вы ж только что из Европы. В Бельгии, пишут, за брошенный окурочек – 50 евро.

Нельзя сказать, что Лещев только ездил по городу на своем джипе. Регулярно раз в неделю, в субботу или воскресенье, надевал спортивный костюм «Адидас» и шел пешком на рынок. Шел и смотрел встречным в глаза. С кем встречался взглядом, здоровался первым. Почти раскланивался. Но к концу прогулки, на обратном пути, шел обычно, не поднимая глаз. Надоедало здороваться и не получать в ответ даже

кивка.

Ответ на вопрос, почему его не любят, можно было легко найти на страницах оппозиционной газеты. Была такая в городе. Существовала, можно сказать, на его грехах. В основном только о нем и писала. Только о незаконной продаже земли сигналила (велся подсчет) сорок раз. Но местная прокуратура Лещева не трогала, как священную корову. Не было отмашки сверху, из областного центра. А местное общественное мнение вело себя с мудрым простодушием. Как ни выводили Лещева на чистую воду конкуренты во время предыдущих выборов, жители Поволжска проголосовали в большинстве своем за него. Мол, знаем, что плут, но не верим, что другие на его месте останутся без пятнышка. Время такое: все берут и будут брать, никому нельзя верить. Потому как трудно устоять сегодня отцу города – само государство дразнит, создает возможности и само на шухере стоит.

... Проехали по всем главным улицам, кругом порядок. Идут прохожие, молодые мамы катят коляски, никаких сборищ.

Остановились у дискотеки. В дверях охрана, ребята под метр девяносто. Им неважно, что написано на капотах машин. И то, что перед ними градоначальник, тоже до фонаря. Им велено не пускать посторонних. Один пошел за администратором, другой загородил вход, широко расставив ноги.

Администратор – косая сажень, бритая голова, во рту жвачка – узнал мэра, велел пропустить.

В зале, где дискотека, почти темно. Гремит музыка. Диджей гонит веселуху. Медленно, совсем не в ритме музыки, колышется толпа подростков. На лицах отрешенность, глаза полужакрыты или закрыты совсем. Транс.

– Чего такой грохот? – спросил Лещев.

– Ребята сами ставят громкость, – гнусаво отвечал администратор. – Мы не касаемся.

Анна повела Лещева вокруг дискотеки, по всему периметру. И здесь бутылки из-под пива и спиртного, окурки и лужи, которые лучше обойти. Туалет не вмещает всех желающих. Да и привыкли уже подростки ходить, где попало.

Мэр выглядел подавленным:

– Ну, я Шишовой вставлю пистон.

Шишова с Царьковым ехали в другой машине по другому маршруту.

На обратном пути Лещев высадил Кодацкого у его дома. «Кажется, у нас настроение поговорить по душам», – мелькнуло у Анны.

Она остановила насмешливый взгляд на галстук мэра. Существует несколько десятков узлов. Но почему нужно повязывать этим примитивным треугольником? Лещев резким движением сдернул с шеи галстук и забросил его на заднее сидение.

– Ну что, Аннушка, подведем итоги экскурсии. Чего раньше не подсказала, что город загажен? Поехал смотреть одно, а увидел другое. Пойдешь ко мне замом? Займешься соци-

алкой, культурой. И мне полегче будет. Я серьезно.

Анна покачала головой:

– Не гожусь я в чиновники, Николай Федорович. Хладнокровия не хватит. У меня на все проблемы материнский сон. А настоящий чиновник должен спать спокойно, чтобы утром хорошо выглядеть. Кроме того, у меня профессиональное заболевание намечается – остеохондроз. В нужный момент изгибнуться не смогу.

Лещев с усилием рассмеялся:

– Изгибнуться, говоришь? Что-то я раньше не слышал такого слова. Ты так отказываешься, будто я тебе предлагаю в банду вступить.

Ланцева подумала и сказала:

– Николай Федорович, мне иногда кажется, что люди уже не знают, что такое жить в чистоте. Вот вы часто говорите, что служите людям. Почему же вы допускаете свинство на кладбище, на пляже, в подъездах, в местах отдыха? Скорость, с которой среда обитания загаживается, превосходит все возможности для ее очищения. Власть не поспевает за упадком культуры. Поэтому я считаю – надо поднимать население, работать вместе с людьми. Иначе зарастем грязью по уши и никогда уже не вылезем.

Лещев молчал. «Ему трудно связать грязь в городе с грязью в человеческих отношениях, – подумала Анна. – Господи, какие еще найти слова, чтобы расшевелить его? Нет у человека морального центра в мозгу. Хотя... помогает же лю-

дям. И мне помог. Что же сделать, чтобы начал смотреть на свою работу иначе?»

– Вы писали в школе сочинение о смысле жизни, Николай Федорович?

– Кажется, писал. Но что излагал, не помню.

– И я не помню. Но если бы писала сейчас, сформулировала бы примерно так. Смысл жизни в том, чтобы люди становились лучше. Вы так не думаете?

– Все это слова, Анна, – Лещев глубоко вздохнул. – А нам нужны дела. Причем срочно.

– А я вам предлагаю дела, но вы же меня не слышите. Или я не так свои мысли выражаю? Хорошо, приведу конкретный пример. Недавно по телевизору показывали уральскую деревушку. Со времени царя Гороха не было там нормальной дороги с твердым покрытием. Из поколения в поколение люди месили грязь, надеялись, что область поможет. Надоело надеяться, сбросились и сделали дорогу на свои деньги.

Мэр поморщился:

– Ну и что ты этим хочешь сказать?

Анна с досадой на него посмотрела. До чего ж непонятливый.

– А то, что даже в захудалой уральской деревушке, где живут одни старики, где пенсии с гулькин нос, у людей есть какие-то деньги. Национальная наша особенность – люди будут сидеть на макаронах, но на черный день отложат. И вот они на этот день уже накопили с избытком, и вложили избыток в

улучшение жизни, потому что знали, что государство им на это денег не даст. Проверено. Вложили, потому что верили: местная власть потратит их сбережения только на дорогу, и больше никуда. У нас в Поволжье, Николай Федорович, та же проблема – дороги. Да плюс к тому убитые подъезды. Не думаю, что и нам государство даст когда-нибудь на это деньги. Но попробуйте сагитировать жителей – доверят они вам свои сбережения?

Лещев молчал. То ли размышлял над ответом, то ли обижался – непонятно. «Ну и пусть обижается», – подумала Анна. – Хватит мне подстраиваться, а то я на своей благодарности себя потеряю».

Мэр прервал молчание:

– Значит, настоящая местная власть та, которой население готово доверить часть своих сбережений. За ней будущее. Я правильно тебя понял?

«Нет, все-таки он не безнадежен», – подумала Анна.

– А знаешь, я недавно еще одну вещь открыл, – добавил Лещев. – Я – мэр только в здании администрации. Ну, может быть, еще у вас в телестудии. А когда по городу иду и людям в глаза гляжу, эх... Согласись, за последние два года город очень сильно изменился, похорошел. Хвастать нехорошо, но есть ведь в этом и моя заслуга. Но все равно не уважают. Не могу понять. То ли люди такие неблагодарные, то ли я не так себя веду.

Ланцева не знала, что ответить, слишком непривычной

была для нее откровенность мэра. И поэтому сказала то, что давно вертелось на языке:

– Николай Федорович, я очень хочу, чтобы именно вы были мэром, и никто другой. Но давайте договоримся: я тоже буду с вами откровенна, даже если моя откровенность будет вас раздражать.

– С чего начнем? – спросил Лещев.

– С Царькова. Весь город говорит, что он вас купил.

– Ну, ты прямо, как мой Олег.

– Отодвиньте его от себя. Или это уже невозможно?

– Всему свое время, – туманно ответил Лещев.

Булыкин все же согласился съездить в колонию. Что-то беспокойно ему стало после предыдущего разговора с Анной. Хорошей хочет быть, правильной. А он, в таком случае, кто? Ему самому захотелось поговорить с Радаевым, попытаться расставить, как говорится, все точки над «и». Но признаваться в этом он Анне не стал. Соврал: сказал, что ему нужно в колонию совсем по другому делу.

Забор, вышки, колючая проволока, проходная... Встречал их замначальника по воспитательной работе казах Нуркенов. Сказал, что придется немного подождать, сейчас у осужденных обед.

– А можно попробовать их еду? – спросила Ланцева.

...Гвалт в столовой оборвался. Женщина в колонии – большая редкость. Нуркенов нашел глазами Радаева, пока-

зал его Anne. Павел сидел за общим столом, только все ели первое, а он, отодвинув миску со щами, сразу приступил к пшенной каше.

«Чувствительный» – подумала Анна. Разборчивость в еде – это прежде всего от чувствительности натуры.

– Можно попробовать?

Павел подал чистую ложку. Щи были жирными, только в них плавало что-то желтое. Оказалось, верблюжьи мозги. Колония закупала в соседнем Казахстане верблюжьи головы. Не слишком приятно для глаза, зато недорого и сытно. Но Радаев так не считал. Его выворачивало от этого пойла.

– Ну, как ты тут? – спросил Булыкин, будто они расстались вчера.

– Искупаю.

– Встал бы, Радаев, – сделал замечание Нуркенов.

Павел нехотя поднялся и согласился с гражданином начальником:

– Это правильно, а то засиделся.

– За двенадцать миллионов можно и посидеть, – поддел его Булыкин. – Разговор к тебе есть. Я могу не участвовать, если тебе так неприятно мое присутствие. Только я тебя все же спрошу. Семь лет псу под хвост – ради чего?

– Ну, как? – усмехнулся Радаев. – Ради миллионов.

– Настаиваешь, что не брал? А куда они могли исчезнуть?

– Это ваше дело – искать, а мое дело – сидеть.

Продолжили беседу в кабинете Нуркенова. На стене порт-

рет железного Феликса. Стол с зеленым сукном. Время в колонии в определенном смысле остановилось не только для зэков.

Анна передала привет от Томилиных. Выражение лица Радаева немного смягчилось. Потом прямо сказала, что ее волнует. Люди с наступлением темноты боятся выходить на улицу. Дети боятся ходить в школу. Натуральный террор.

– Что делать с толпами, Павел?

Радаев задумчиво потер переносицу, пожал плечами. Неужели они для этого приехали? Значит, приперло.

– Неужели не задумывался об этом? – спросила Анна.

Еще как задумывался, но ответа не нашел. Есть ли вообще ответ?

– Если бы ты встретился сейчас с ребятами из банд, что бы им сказал?

– Я бы сказал: берегите себя, ребята.

– Но беречь себя – это же по их понятиям – трусость!

– В бандах отчаянные ребята, – согласился Радаев.

– Отчаянные и жестокие.

– В драке – как на войне. Или ты, или тебя.

– Кого из ребят тебе особенно жалко? Не Федорова?

Павел ответил, не задумываясь:

– Гришка правильный был пацан. Если бы попал в горячую точку, вернулся бы героем.

– Что все-таки с ним случилось?

Анна задала вопрос доверительным тоном. Но глаза у Ра-

даева неожиданно стали холодными.

– Как что? Исчез.

– Ты кого-то подозреваешь?

Глаза Радаева стали совсем ледяными:

– Вы за этим приехали?

Ланцева переглянулась с Булыкиным и неожиданно сказала то, что ей пришло на ум только сейчас:

– Скажи, Павел, если бы тебя освободили раньше срока, поработал бы немного с нами? С администрацией города, в контакте с милицией.

На лице Радаева появилась гримаса отвращения:

– Как это вам вообще пришло в голову?

– Разве плохо выйти на свободу на три года раньше срока?

Радаев пожал плечами.

– Павел, что ж ты такой странный, – с укором сказала Ланцева. – Зачем сидеть еще три года, когда можно выйти через пару месяцев?

Радаев молчал. Лицо его наливалось злостью. Он встал и вышел из кабинета.

Ланцева его взбудоражила. Вот это женщина! Это не Таня с тремя извилинами и фигурой подростка-гимнастки. Тут в глазах такое светится, такое искрит. А тело! А как она на него смотрела! Какой сеанс!

А может, просто строила глазки? Зачем ей нужно знать про Гришку Федорова? На милицию работает? Он бы сам не прочь понять, куда девался Гриф. Кваса бы об этом спро-

силь. Вернувшись в столярку, Павел встал к циркулярной пиле, включил рубильник. И тут же допустил брак. Доска получилась неровной. Отключил рубильник. Надо успокоиться.

Нет, он не жалел, что отказался от заманчивого предложения. Ради свободы можно на многое пойти. Но только не на сотрудничество с ментами. Отвращение к милиции было у него в крови.

Толпы им не нравятся. Справиться хотят. Кишка тонка. Толпа ему не нравилась даже тогда, когда он ее возглавлял. Что-то мешало ему упиваться властью и творить жуть. Одно время он даже хотел уйти в сторону, уехать в другой город. Отчасти для этого и пошел на банк. Нужны были деньги. Это потом, уже здесь, в колонии, он понял, что толпы – термоядерный реактор без кнопки отключения. Пока топливо не выгорит, будут жить.

Лучше бы подумали, почему последнее время бакланы заканчиваются одинаково. Гибнут самые влиятельные пацаны. Те, которых толпа как раз должна беречь. Об этом его не спросили. Значит, не обратили внимания. За что им только деньги платят?

Вернулся к циркулярке. Рука снова обрела твердость. На этот раз глазомер не подвел. Доска получилась идеально ровной. Он снова в норме. Вот и хорошо. Но все равно что-то мешало. Он хотел о чем-то спросить Булькина и забыл. Ах, да. Хотел спросить, как он мог со своими ментами приехать в банк? Откуда они узнали про налет? Кто-то позвонил?

Он задавал себе этот вопрос все семь лет. А когда представилась такая возможность, забыл.

Анна попросила у Нуркенова лагерное дело Радаева. Пошли в спецчасть. За первые три года – два выговора и две отсидки в штрафном изоляторе. За последние четыре года – ни одного замечания.

Нуркенов неожиданно заявил: будь его воля, он бы, не задумываясь, выпустил Радаева.

– А чего вы удивляетесь? Каждый приличный тюремщик хочет выпустить хотя бы одного приличного зэка.

– Вы считаете, что Радаев не вернется? – спросила Анна. – Что ж не освободите, если вам видней? Право такое у вас есть. Обратились бы с ходатайством о помиловании. За чем дело стало?

Пошли к начальнику колонии. Тот внимательно оглядел Ланцеву.

– Он вам кто?

В таких случаях Ланцева была циничной:

– Знаете, добродетель выгодна. Книгу напишу.

Объяснила ситуацию в городе. Сказала про идею полковника Шокина. Кто уведет табун от пропасти? Радаев – единственная кандидатура.

Начальник скупно улыбнулся:

– Погодите, а сам-то он согласен?

– Согласится, – обтекаемо, чтобы не врать, ответила Анна.

– Поддержим, если с аналогичным ходатайством высту-

пит администрация области, – сказал начальник колонии. – Но прежде я бы вам советовал еще раз встретиться с Радаевым. Нельзя так с бухты-барухты. Присмотритесь к нему.

– Хорошо, – согласилась Анна, удивляясь тонкости тюремщиков.

На обратном пути в Поволжск Булыкин размышлял, зачем ей это нужно. Внезапно вспыхнувшая симпатия? Нет, похоже, идея пришла Ланцевой в голову до приезда в колонию. Она с этой идеей ехала. Но она же реальная баба. Неужели не понимает, что один в поле не воин? Может, действительно создает ситуацию, чтобы потом ее описать?

Как ни старался Никита, не мог придумать ни одного позитивного объяснения. Вздохнул: «Благородства не хватает».

Анна размышляла о том же самом. «Куда меня тащит? Зачем мне это нужно?» И отвечала самой себе: «Это можно сделать. Администрация колонии – за. Сапрыгина и Лещева уговорю. А если можно сделать доброе дело, почему не сделать? Нет, лучше сформулировать так: если *можно* сделать, я *должна* сделать! Но прежде, тут начальник колонии прав, прежде надо еще раз встретиться с Радаевым».

– Никита, ты сейчас наверняка думаешь, зачем ей это надо, так? – сказала Анна. – А ведь это надо не только мне, но и тебе. Настоящий убийца остался на свободе. Он же, наверное, и организатор налета. Разве тебе не интересно узнать, кто он? Гуляет себе и радуется жизни, а невиновный парень

сидит.

– Радаев – активный участник налета, – возразил Булыкин.

– Но он не убийца. Он не убивал охранника. Просто не мог. Физически не мог. Я консультировалась с хирургами. Человек со сквозным ранением в грудь может найти в себе силы выстрелить, но не прицельно. То, что он мог попасть в голову охраннику, практически нереально. И ты это понимаешь. И с этим сомнением живешь. Ты же не уверен, что охранника убил именно Радаев. И уж тем более не уверен, что он куда-то девал двенадцать миллионов. Ты тоже считаешь, что был третий. Так давай найдем его, Никита.

Нуркенов снова предоставил для беседы свой кабинет, а сам вышел. Женщина опытная, Анна знала, что будет минута неловкости. Достала из сумки маленький термос с крепким кофе, пирожные «Мокко», хорошие сигареты. Невелика роскошь, но Павел, судя по выражению глаз, был доволен.

На этот раз Анна лучше подготовилась к разговору. Побеседовала с начальником отряда, в котором находился Радаев, другими сотрудниками. Короче, собрала недостающую информацию.

С первых дней пребывания в колонии Павел получил кличку Студент. Так обычно на зоне называют тех немногих, кто читает серьезные книги, занимается самообразованием.

Друзей у него нет, но есть «семья» – Алексей Барминов,

полная противоположность. Что может их связывать? Оба из Поволжска. Оба возглавляли банды. Враждовавшие банды, если точнее. Но на зоне вдруг скентовались. Отчасти это понятно: надо с кем-то кушать. Неловко на зоне кушать одному. Хотя каждый мог бы найти для себя другую «семью». В колонии полно ребят из Поволжска.

Нарушения режима, которые раньше допускал Радаев, были незначительными: опоздал на развод, не снял шапку перед начальником, замечен в курилке после отбоя. Исключение – драка с тремя заключенными кавказской национальности. Драка произошла в санчасти. Из-за чего, стало известно оперативным путем, через свидетелей инцидента. Джигиты оскорбили молодую медсестру, за что Радаев обидел джигитов. Против троих устоял. Уже в штрафном изоляторе получил от противников пачку сигарет. Кавказцы признали, что были не правы.

– Его могли зарезать во время драки? – спросила Анна. – Ведь, насколько мне известно, у заключенных есть заточки.

– Легко, – коротко ответил Нуркенов. – Но это своеобразный парень. Если бы он не вступился за медсестру, он бы перестал себя уважать.

– Почему вы, будь ваша воля, освободили бы именно его?

– Потому что его наказание страшнее его преступления, – отвечал Нуркенов. – Вы понимаете, о чем я говорю? Первые три года срока сделали свое дело. Он стал совершенно нормальным человеком. Его надо было выпустить еще четыре

года назад, а может даже раньше. Но он сидит, и еще будет сидеть. Наказание уже не исправляет, а только калечит, и потому лишено всякого смысла.

«И это говорит тюремщик!» – в который раз удивилась Анна.

– Хозяин кабинета очень высокого мнения о тебе, – сказала она Павлу, наливая кофе.

– Редкий мент, – согласился Радаев.

– Он только недоволен, что ты ни разу не захотел поговорить с ним по душам.

Павел пожал плечами:

– Мне этот разговор ни к чему.

– Для тебя главное то, что ты сам о себе думаешь, так?

– Ну, почему? Не учитывать мнения окружающих тоже нельзя. Я вас прошу, не надо ничего придумывать. Я ничем не лучше других. На моей совести не только банк. Я очень сильно бил людей.

– Хочешь сказать, что после этого кто-то мог умереть?

– В групповой драке трудно понять, чей удар оказался смертельным, – нехотя отвечал Радаев. – Давайте о чем-нибудь другом, а? Вы, как я понимаю, хотите, чтобы я согласился? Зря. Освободить меня вам все равно не удастся. Но даже если освободите, я не оправдаю ваших надежд. То, что вы предлагаете, мне просто не интересно. Получится, что старались вы зря.

Рассуждал Радаев логично, наверное, все уже продумал. Возражать ему было трудно. Анна поникла, ее главная надежда рушилась. Она нервно закурила.

– Как ты, наверное, уже понял, у меня к этой проблеме личное отношение. Я очень боюсь за сына, Павел. Раньше Максим таскал у меня из кошелька десятки, сейчас перешел на сотенные. Что будет дальше, когда подрастет, предугадать нетрудно. Тут, по-моему, два варианта. Либо будет воровать, либо ему будут платить. Поместить Максима в безвоздушное пространство я не могу. Значит, выход только один – попытаться изменить среду. Не думаю, что это невозможно. Людям, которым не нравятся банды, должны объединиться. И тогда банды, как говорит Ваня Томилин, зашатаются. Кстати, Ваня – это третий вариант. Он не захотел платить и не захотел мотаться. Он прямо сказал, что будет сам по себе. И – устоял.

По лицу Радаева было видно, что он одобряет поведение Вани Томилина.

– Ладно, – согласилась Анна. – Нет, значит, нет. Ты мне просто интересен. Немногие тут меняются в лучшую сторону. Как тебе это удалось? Или это разговор по душам?

Павел улыбнулся:

– Я сам во всем виноват. Только не надо думать, что я тут один такой. Все или почти все понимают, что сами были не правы. Просто об этом не принято говорить, каяться при всех.

– Но эти «почти все» потом выходят отсюда и снова совершают, – возразила Анна.

– Так люди вели себя всегда – грешили, каялись и снова грешили, – ответил Радаев.

– Погоди, по этой логике ты тоже можешь снова совершить.

– Все может быть. У меня неустойчивая психика. Я живу и, наверное, жить буду по понятиям зоны. Здесь, например, нельзя безнаказанно оскорбить человека. Если тебя оскорбляют, нужно ответить очень жестко, иначе в тебе не будут видеть человека. А оскорбить на воле – два пальца... Я должен буду ответить. Значит, почти наверняка снова сяду. Или, например, нельзя доносить. А по вашим законам, доноительство – преступление. Ну и так далее. Мы как бы в разных измерениях.

– Как же ты собираешься жить, когда выйдешь? – тихо спросила Анна.

– Мне надо уехать.

«Ну, правильно, – подумала Ланцева, – для того, чтобы стать таким, как все, ему надо быть подальше от той среды, в которой он вращался. А я, дура, что делаю?»

– Хорошо, – согласилась она. – Но позволь мне все-таки сделать это. Хватит, насиделся.

– Вкусные пирожные, – отметил Павел.

Ланцева подошла к Сапрыгину после пресс-конференции.

Губернатор пространно отвечал на вопросы, давал возможность толковать его слова на все лады и потом никогда не обижался на дилетантские комментарии журналистов. К тому же Анна чувствовала, что он выделяет ее из общей массы.

Губернатор пригласил ее к себе в кабинет. Ему давно хотелось поближе познакомиться с этой женщиной, но проявлять инициативу было не в его правилах. Он только банально пошутил:

– Жаль. Когда-то я был красив и молод, а теперь только красив.

Ланцева решила расставить все по своим местам:

– К людям власти я испытываю только возвышенные чувства, – предупредила она.

Ей бросился в глаза портрет Путина. Очень уж маленький. И не над столом висит, а на другой стене.

– Вообще-то, портрет президента не должен превышать размер почтовой марки, – весело сказал Сапрыгин.

Он открыл бутылку французского вина, плеснул в бокалы, усадил Анну в мягкое кресло, уселся напротив. И продолжал балагурить:

– Люди, которым доверена большая власть, должны с первого взгляда угадывать человека. Любого, будь он ниже или выше их. И с первого взгляда определять, как с ним разговаривать. Что значит «руководить»? Это значит – знать слабости души человеческой. Кто сказал?

Он был, конечно, мастером намека и подтекста, этот Са-

прыгин.

– Пушкин сказал. Поэтому я не предлагаю вам должность своего пресс-секретаря и никогда не предложу. Ладно, зачем я вам понадобился?

Ланцева в двух словах объяснила суть дела.

– Знаете, Анна, о чем чаще всего думает губернатор? Что делать? Вот и я сейчас думаю. Что делать с вашей идеей? Вы, однако, фанатичка. Ну да, без фанатизма разве чего добьешься? Вам мало банд? Хотите еще с этим зэком провалиться?

– Хуже того, что уже есть, не будет, – ответила Анна.

– Конечно, вами движет не корысть. Тщеславие?

– Это надо для самоуважения, Валерий Дмитриевич.

Сапрыгин пригладил красивыми пальцами белоснежные волосы и согласился:

– Это правильно, только понимают это немногие. А Лещев в курсе?

– Он еще не знает.

– Ну, так не делается.

Анна часто видела, какими глазами губернатор смотрит на Лещева. И поэтому смело спросила:

– А вам так важно его согласие?

Сапрыгин насмешливо посмотрел на нее. Еще не хватало, чтобы кто-то играл на его отношениях с подчиненными.

– Вам трудно отказать, Анна. Вы вызываете безотчетное ощущение, что вы правы и все равно добьетесь своего, даже

если будет действовать без поддержки. Я желаю вам успеха. Но вопрос решайте с Лещевым, только без оговорки, что были у меня.

Выслушав Анну, Лещев беззвучно матюгнулся, хотя был в хорошем настроении.

– У тебя что, крыша поехала? Зэка на молодежь поставить! Над нами вся страна будет смеяться. Как ты могла до такого додуматься?

– Николай Федорович, ситуация у нас нестандартная, значит, и методы должны быть нестандартными.

Они спорили, когда зашел Царьков. Помощник быстро сообразил, о чем речь, и принял сторону мэра. Привел самый неотразимый довод – Рогов будет против освобождения Радаева.

Ни одно серьезное дело не делалось в городе без одобрения банкира Рогова. А Радаев ограбил его банк. Какие дела могут быть с этим негодяем?

Анна молчала. Действительно, куда она ломится? Эту стену не прошибешь.

– Слушай, – неожиданно спросил Царьков, – неужели это сам Радаев предложил?

– Ты его знаешь? – спросила Анна.

– Знал. У нас, как в деревне, все знают друг друга.

Мэр смотрел на Анну сочувственно. Другим уличные банды до лампочки, а она переживает. Но ссориться с Роговым

ему ни к чему.

– Я все же поговорю с Роговым, – туманно пообещал Лещев. – Может, он как раз не держит на этого Радаева зла. Но что-либо обещать, сама понимаешь, не могу.

– Знаете, Николай Федорович, – сказала Ланцева, – женщины, как известно, живут чувствами. Так вот, интуиция подсказывает мне, что Радаев очень нам поможет. А какая у нас альтернатива?

– «Спарта», – сказал Царьков. – Ремонт помещения идет полным ходом, штат подбирается. Я обещал тишину в городе – я это сделаю безо всякого Радаева.

Макаров шел на встречу с Ваней Томилиным. Накануне паренек сообщил по телефону, что оперативно-розыскное мероприятие «Наблюдение» закончено, фотографии и видеоматериалы собраны и перекачаны на флэшку.

– Это целая организация, – с гордостью в голосе сказал Ваня.

– С чего ты взял? – спросил Макаров.

– Сами увидите.

Вся организация Рулевого была предупреждена, что на нее собирается фото и видеоматериал. И все в организации знали Ваню и Олега в лицо. И, тем не менее, ребятам удалось заснять, как одни закладывают тайники с наркотой, а другие их изымают. В объективы попала как минимум треть организации. Правда, в основном шелупонь, но через эту шелу-

понь серьезный сыск мог без труда выйти на более серьезные фигуры.

Ваня боялся, как бы рискованная работа не пропала даром, и предлагал переслать материалы на E-mail Наркоконтроля. Но Макаров отказался: после скандального случая с цыганами он совершенно не доверял своим коллегам.

Договорились встретиться там, где они пару раз уже встречались. На заднем дворе школы, где учился Ваня, в зарослях шиповника. Место во всех отношениях удобное. Зайти в заросли можно через проем в заборе. И точно так же выйти. Забор выходил на малолюдную улицу.

Макаров не знал, что уже допустил непростительную ошибку. Осматривая в первый раз будущее место встреч с «источником», он не углубился в заросли шиповника. Если бы он это сделал, он бы увидел, что это притон на свежем воздухе. Об этом говорили валявшиеся шприцы, закопченные ложки и пакетики, в которых раньше хранился порошок героина. Ничего не знал об этом притоне и Ваня...

Короче, более опасного места для явки трудно было найти.

Рулевой, против кого они работали, был прав: тот, кто ведет слежку или даже простое наблюдение, увлекшись этим делом, в какой-то момент теряет бдительность. Это происходит даже с профессионалами. Что же говорить о семнадцатилетнем пареньке.

Макаров должен был подстраховать Ваню, придти на ме-

сто встречи хотя бы на полчаса раньше. Тогда бы он увидел «хвост» и засаду в зарослях шиповника. Но он этого не сделал...

В информагентстве шла летучка. Обсуждалась работа за последний месяц. Обзор делала Ланцева. Сосредоточилась на безграмотности местной газеты и телевидения. Сколько можно говорить, что *диспансер* произносится с ударением на последнем слоге, а *феномен* – на втором. Происшествие может быть только *чрезвычайным*, но никак не *чрезвычайным*. В объявлениях о продаже пишем слово *не дорого* отдельно, когда нужно слитно. *Сотни человек* – это не по-русски. По-русски – *сотни людей*. *Психическая* экспертиза установила...» А может, все-таки *психиатрическая* экспертиза? Или: На *заработанные грабежом* деньги они отправились в гастроном. Или: «Уже седьмое десятилетие *разменяла* наша Победа над фашизмом. Мрак. Или: интервьюер спрашивает: «Вы *давно* его знаете?» Ну и какой-то гнусавый стал у нас русский язык. Люди читают, слушают и думают, что так и надо писать, говорить, произносить.

– Центральная пресса и телевидение в этом отношении нисколько не лучше, – заметил Кодацкий.

Коллектив одобрительно загалдел. Анна старалась не смотреть коллегам в глаза. Что там можно хорошего прочесть?

Она окончила журфак МГУ, практику проходила в известной столичной молодежи (там болтать о профессиона-

лизме было не принято), а потом еще четыре года отработала в этой газете, пока муж учился в академии. У нее школа. К тому же она не мелкая и беспокойная. А это часто важнее, чем владение пером.

После столичной молодежи ей трудно работалось везде.

К тому же она сегодня плохо себя чувствовала. Долго не могла заснуть, а под утро ей приснился нехороший сон. На ее глазах душили мальчика, а она ничего не могла сделать. У нее были связаны руки. Нет, это был не Максим, но все равно она старалась освободить руки. А когда освободилась, то было уже поздно... Проснулась в холодном поту...

Заработал вибратор мобильника. Это была Оля. Голос подруги срывался от волнения:

– Анечка, они Ваню убили, Томилина.

– Как убили? Кто – они?

– Приезжай в школу.

Школьный двор быстро наполняли ученики и зеваки. Анна протиснулась сквозь толпу.

На асфальте лежал Ваня Томилин. Никаких ранений, следов побоев, крови. Только неестественно вывернутая голова и чуть вывалившийся язык. Врач «скорой помощи» (это был Фархад) даже не пытался помочь пареньку. Только беспомощно развел руками.

В гнетущей тишине послышался переходящий в причитание женский крик:

– Какой ужас! Какой ужас!

Приехал Царьков. Пояснил, что был недалеко. Из милиции позвонили. Его обязаны извещать в таких случаях. Только почему до сих пор не видно самой милиции?

Олег Лещев стоял в толпе. Не мог подойти, не слушались ноги. Такого страха до дрожи во всем теле он еще не испытывал. Он понимал, что остался жив по чистой случайности. Он должен был пойти вместе с другом, но помешала Даша. Ее снова подхватил возле музучилища Царьков. Олег поехал за ними на мотоцикле. Он следил за своей девушкой и своим более удачливым соперником, понимая, что выглядит жалко и смешно. Если честно, он просто забыл, что должен был идти на встречу с наркополицейским. Это спасло ему жизнь.

Появился Булыкин. Он стоял над телом мальчика тяжело дыша, на щеках неестественный румянец.

Анна подошла:

– Никита, что с тобой? Давление?

Нашла Олю. Подруга сбегала в школу, принесла таблетку и воды.

Гоша Тыцких теснил толпу учеников и учителей за протянутую ленту.

Приехали Лещев, Шокин, прокурор города Иванов. Ланцева подошла к ним в тот момент, когда Шокин громко заинтересовался, почему нет Булыкина.

– У него давление скакнуло, – сообщила Ланцева.

– Давление? Ну-ну. У нас, между прочим, запрещено работать гипертоникам, – пробасил Шокин.

Булькин пришел в себя и подошел к начальнику:

– Надо смотреть кусты на заднем дворе, товарищ полковник.

– Ты мне отдаешь распоряжение? – удивился Шокин.

Прокурор Иванов шепнул что-то своим сотрудникам. Те направились к кустам шиповника. Через минуту один из них опрометью прибежал обратно:

– Там еще одно тело. Макаров из Наркоконтроля.

Ланцева подошла к Булькину:

– Что скажешь?

А что тут сказать? Никита знал о добровольных помощниках Макарова. Знал и о предстоящей встрече с Ваней. Поэтому сразу догадался, кого можно обнаружить в кустах на заднем дворе школы.

Флэшки в карманах Вани не нашли. Значит, он передал ее Макарову. Но и в карманах Макарова флэшки не было. Значит... Эх, Левка, Левка!

Все оказалось гораздо серьезнее, чем они предполагали до сих пор. Их не должна больше обманывать тишина в городе. Это зловещая тишина.

Что тут говорить? Они оба это понимали.

Главарь грифов на этот раз вел себя на допросе, как ненормальный. Часто кивал головой, одергивал на себе одежду, подмигивал присутствовавшим на допросе педагогам, шмыгал носом, щелкал языком, кашлял, чихал, икал,

зевал, почесывался.

Косить под долбанутого Руслана научил Рулевой. Рулевой не был уверен, что Чеснок на этот раз правильно поведет себя на допросе. Одно дело участие, пусть и руководящее, в жестокой драке. И совсем другое дело соучастие в двойном убийстве. Правда, Макарова и Ваню убивал Пичугин, но Чеснок был рядом и существенно помог, обхватил Макарова сзади, лишил возможности защищаться, дал возможность Пичугину нанести смертельный удар.

– Может, психиатра позвать? – теряя терпение, спросил Никита.

Чеснок взгромоздился на спинку стула и начал изображать лихого наездника

Если он раскручивал майора на вспышку, то это ему удалось. Булыкин ударом ноги вышиб из-под него стул. Еще мгновение, и он бы набросился на предводителя грифов. Вмешался Гоша. Одним прыжком он оказался рядом, и сильным ударом отправил Чеснока на пол. После чего невозмутимо сунул в рот жвачку и снова сел за компьютер.

Чеснок поднялся, потирая ушибленную нижнюю челюсть.
– Убирайся! – прорычал Булыкин

Ланцева с тяжелым сердцем шла к Томилиным. Она чувствовала себя виноватой. Все началось с ее предложения зайти в подвал. Если бы не она, все могло бы сложиться иначе, и все были бы живы.

Анна взяла на себя организацию похорон Вани. Поехала

на кладбище, Станислав Викторович попросил купить сразу четыре места.

Кладбище поразило Анну. Кругом полиэтиленовые бутылки, окурки, другой мусор. Целые горы мусора. Куда смотрит мэрия? Она позвонила Лещеву. Тот возмутился и сказал, что к завтрашнему дню все будет убрано. На другой день Ланцева снова приехала на кладбище. К горам мусора никто не прикасался.

Еще больше поразило ее родное учреждение. Вечером текст некролога, посвященный мальчику и наркополицейскому, стали показывать на фоне разухабистой музыки вместе с рекламными объявлениями. Анна позвонила в телестудию:

– Вы что там с ума посходили? Отключите хотя бы музыку!

Коллеги ей в ответ:

– А что за реклама без музыкального сопровождения?

Анна позвонила Кодацкому. Тот даже не понял, что ее так возмущает.

День похорон Вани и Макарова совпал с юбилеем Лещева. Николай Федорович готовился отпраздновать свое пятидесятилетие с размахом. Местные предприниматели продавали водку с его портретом на этикетках. Готовились серьезные подношения. Время от времени Лещева пробирала дрожь возбуждения. Он страсть как любил получать подар-

ки, не обязательно материального свойства. В прошлом году Царьков купил ему звание «Лучший менеджер года». А сейчас собирался преподнести удостоверение члена-корреспондента какой-то Академии.

– Отец, отмени свой юбилей или перенеси хотя бы на неделю, – просил Олег.

Николай Федорович даже слушать не хотел. Кто передвигает дни рождения?

– Папа, никто к тебе не придет! – горячился Олег.

Ага, не придут. Желающих засвидетельствовать мэру свое уважение набралось человек триста. Такую ораву не мог вместить ни один ресторан. Решили накрыть столы в новом спортивном комплексе. Тоже не совсем удобно. Но где еще? Негде!

– Но я, папа, точно не приду.

Лещев отреагировал бурно. Как это – сын не придет? Что скажут люди?

– Не позорь меня, Олег!

– Это ты себя, отец, не позорь! Мы уже не можем смотреть друг другу в глаза. Скажешь, нет?

Снова сын читал нотацию, а он, отец, вынужден был выслушивать. Вообще-то, Лещеву полагалось иметь блудного сына. А получилось, что сын нормальный парень, а блудный он, отец

Но Лещев надеялся, нет, был уверен, что разногласия с сыном – дело временное. Возраст такой. Год-другой, и ха-

раक्टर войдет в берега.

– Не хочешь ты хорошо жить, – с горечью произнес Лещев

– Ошибаешься, отец. Я как раз хочу хорошо жить, – запальчиво отвечал Олег.

Узнав о смерти Вани Томилина из вечерних новостей, Радаев почувствовал то, что обычно чувствовал, когда очень сильно злился. В голову словно ударила молния. Кому стал неуютен этот светлый, чистый паренек? У какой твари поднялась на него рука?

Убийцу, скорее всего, не найдут. А если и найдут, то максимум, что он получит, это пожизненное заключение. Несправедливо, или как говорят на зоне, подляк. Радаев читал в Ветхом завете: «Если кто убьет человека, то убийцу должно убить». Прочтя первый раз эти слова, Павел тут же примерил их на себя, потому что часто думал, что и от его руки, вполне вероятно, кто-то погиб. Примерил и согласился – если он виноват, то тоже достоин смерти.

В тот вечер он долго ходил вокруг барака. Пытался успокоиться и – не мог. Ваня Томилин, каким он знал его семь лет назад, стоял перед глазами. Павел представил, что происходит сейчас в семье Томилиных – крушение жизни. «Анна права, мне нужно освободиться», – неожиданно для самого себя подумал он.

Отвращение к зоне он ощущал физически, каждой клеткой, каждой фиброй. Сюда он больше не вернется. Это была не клятва самому себе. Это было что-то большее, чем клят-

ва. Но он найдет убийцу со всеми вытекающими последствиями. Как для убийцы, так и для него самого.

Он понимал, что освобождение теперь для него равносильно самоубийству. Но решение было принято.

На похороны Вани Томилина вышло полмикрорайона. Царьков сказал на могиле короткую речь. Пообещал от имени мэра найти убийц. Люди обменивались мрачными усмешками.

На поминках Царьков выразил Томилиным соболезнование и преподнес пухлый конверт. И тут произошел конфуз. Станислав Викторович наотрез отказался взять деньги.

Помощник мэра многозначительно посмотрел на Дашу. Мол, подействуй на отца. Но девушка смотрела отрешенно. Казалось, она не понимала, что происходит.

Анна прислушалась к разговорам. Люди подвыпили, и дали волю эмоциям. Это была живая народная речь. Смачная и очень конкретная.

– Жалко, гибнут правильные мальчики. А всякая шушера процветает, и ее уже не вернуть к нормальной жизни. Эта быдлятина или перебьет сама себя, или будет плодить себе подобных.

– Светлый был мальчик. Даже фильмы современные не смотрел, любил советские. Все-таки социализм для воспитания лучше приспособлен.

– Власть только для виду переживает, будто Россия уми-

рает от демографии, а на деле ей плевать на детей. События набирают обороты, а нашей хваленой милиции наплевать. Органы прогнили совершенно.

– Эти группировки были и двадцать лет назад. Только тогда казалось, что это болячка советской власти. Власть сменилась, а стирание морали продолжается. Дети сейчас рождаются с сигаретой во рту. Матерятся с детского сада. А возраст с 12 лет совсем беспредельный стал. Бухло во всем виновато. Им напиться в свинью и послать родителей на три буквы уже ничего не стоит. Раньше дети боялись родителей, а теперь все наоборот. Родители стали рабами своих детей. А в школе что творится? Об учителей ноги вытирают.

– Но там теперь и отметки продаются, как товары на рынке.

– А мне кажется, эти группировки – проплаченные кем-то структуры.

– Сначала положат на своих детей, а потом – глаза по пять рублей, жалуются, что кто-то их детей испортил. Правительство одно, а подонками становятся пока еще далеко не каждый. Если я увижу своего сына с бритым затылком и битой в руке, я не буду думать, что мне правительство виновато. Я буду думать, что я – хреновая мать, раз вырастила такого отморозка.

Глотая слезы, Лена рассказала Ланцевой, сколько унижений пришлось перетерпеть из-за нее Ване.

– Люди правильно говорят. Он был как бы не из нашего

времени, – сказала она.

Олег Лещев все время молчал, ничего не пил и не ел, только гладил Дашу по голове. В глазах парня стояли слезы.

Он сказал Лене:

– У вас с Ванькой была бы хорошая семья.

Приехал Булыкин. Хотел забрать Ланцеву, отвезти ее домой. Его усадили за стол, заставили пригубить рюмку. Он был голоден. Анна подкладывала ему в тарелку. А он не мог есть. Выпил поминальную рюмку, отправил в рот ложку ку-тьи и замер, о чем-то думал.

– Знаешь, – сказала ему Анна, – Маркс утверждал, что у русских нет перегородок в мозгу. Как думаешь, что он имел в виду? – И продолжала, не услышав ответа. – У нас размыты границы между хорошим и плохим, допустимом и недопустимом. Мы на все одинаково способны. Я раньше, когда жила там, гордилась, что я русская. А знаешь, почему? Мы там не ставили себя выше местных. Местные делали это сами, своим подчеркнутым уважением и приветливостью. А когда приехала сюда, сначала очень удивилась, как ведут себя русские. Как писают на дороге, не отходя от машин. Здесь не стесняются, не перед кем вести себя прилично. Я даже, знаешь, что предполагаю? Русские могут быть чистыми и внутренне красивыми, когда власть превращает их в наивных детей. При диктатуре. А при демократии у нас на хорошее возникает перегородка. Держава – это, наверное, держать себя. Но мы теперь – не держава, а значит, держать себя ни к чему.

А значит, мы неизбежно рассыплемся. Это я тебе, как очень большая патриотка говорю. Все, кто живет на окраине страны, самые большие патриоты. А у меня и отец и даже дед были пограничниками.

– Тебе жалко себя, – утвердительно произнес Никита.

Анна горько усмехнулась:

– Конечно, жалко. Я помню, бабушка часто повторяла, что не видела жизни, потом мать... А я? Разве это жизнь? Хотя мне трудно себя жалеть. Это меня унижает. Я только хочу себя жалеть. И – ненавижу себя за это. Но знаешь, я сейчас поняла – я пойду до конца, и будь что будет, и со мной, и с Максимом, – прошептала Анна, из глаз ее покатались слезы.

– Мы, – поправил ее Булыкин. – Мы пойдем до конца.

После поминок Анна заехала в редакцию. Нужно было посмотреть электронную почту. Ее ждало сообщение из колонии от Нуркенова: «Радаев просил передать, что он согласен».

Лещев согласился подписать ходатайство о досрочном освобождении Радаева. А следом согласился и Сапрыгин.

Ланцева повезла бумаги в Москву.

Верховный Суд рассмотрел дело Павла Радаева. Выступая представителем администрации области, Ланцева привела три фундаментальных довода, хорошо понятных людям с юридическим мышлением.

Довод первый, касающийся совершенного Радаевым преступления: *недоказанная виновность (имелось в виду убий-*

ство охранника) равняется доказанной невиновности.

Довод второй, касающийся возможного освобождения Радаева и его участия в нейтрализации группировок: что необходимо, то и справедливо.

Третий довод – неформальный:

– Уважаемые судьи! – сказала Ланцева, – Подростковые банды душат Поволжск. Люди устали бояться за своих детей. Чего вам стоит освободить одного ради того, чтобы жили другие?

Глава вторая

Радаев каждый вечер проводил в клубе-столовой. Там лучше дышится. Один недостаток – пахнет кислой капустой. Зато если взять аккордеон и сесть в сторонке, можно получить иллюзию одиночества. А одиночество в колонии – что-то вроде свободы.

Павел играл свой любимый чардаш Монти. В целом получалось неплохо. Огрубевшие пальцы слушались нормально. Выручала природная беглость.

Здесь же репетировали юмористы. Читали какую-то похабень – лагерные менты, как и зэки, обожают пошлость. Парни из драмкружка снова спорили, не выкинуть ли из пьесы женскую роль. Играть ее по понятной причине никто не хотел. Но и без бабы – какая драма?

Появился Нуркенов. Сегодня он смотрел сегодня на Радаева своими узкими хитрыми глазами как-то особенно. Хотел сказать что-то важное, но что-то тянул, томил самого себя. Завел разговор о международном положении. Считал, что это его конек. Дождался, когда их окружат зэки из самодеятельности, и многозначительно сказал.

– Сегодня, Радаев, ты едва ли заснешь.

Сердце у Павла сладко заныло. Неужели?

– Собирайся, помиловка пришла, – объявил Нуркенов. – Завтра обходной лист в зубы и – на волю.

Радаев слышал байку, как одна преступница проспала судебное заседание. И только в тюремной машине узнала от подельниц, сколько ей припаяли. Хотя, возможно, это никакая не байка.

А он, несмотря на офигительную новость, уснул сразу после отбоя. Проспал, правда, недолго, часа четыре. Проснувшись, будто кто-то на ухо шепнул: эй, поднимайся, свобода ждет! Было радостно и страшно.

Раньше он часто грезил о воле, красивых женщинах, красивой жизни. А потом, после трех лет отсидки, как отрезало. Устал, выдохлась фантазия. Вообще, стала безразлична жизнь.

В первые дни неволи один старый арестант сказал ему:
– Знаешь, парень, невзгоды могут быть полезны.

Это правильно, из всего надо извлекать пользу, даже из эковской жизни.

Люди не просто так придумали тюрьму. Чтобы себя пересмотреть и измениться, преступнику требуется унижение. В определенных дозах.

В неволе унижает все: одежда, еда, постель, обращение персонала, подневольный труд, половая голодуха. Радаев принадлежал к немногочисленной категории заключенных, которые не привыкают к унижениям. Именно это заметил в нем Нуркенов.

Павел понимал, что должен стать другим человеком. Но каким? Таким, как мать? Нет, не сможет. Таким, как отец?

Избави Бог. Когда отец уходил от них, мать по-мужски разделила с ним нажитое имущество. Поровну. А он, уходя, выпил все компоты и прихватил не принадлежавший ему стул. Павлу на всю жизнь врезалось, как папочка вытянул из-под него стул, когда он сидел за уроками.

Отец был образованный, интеллигентный человек, но его подводила мелкость и большие запросы. Он хотел иметь больше, чем мог заработать. Его, Павла, тоже подвели запросы. Короче, пользу из неволи он начал извлекать с того, что сказал себе: хватит мечтать о больших деньгах и красивой жизни. Он как бы отрезал у себя это желание. Отрезал и выбросил.

Нуркенов знал, какие надежды возлагаются на Радаева, и чем он рискует. Если работать на результат, то на этом можно голову сложить.

Спросил на прощанье, когда проводил до вахты:
– У тебя есть какие-нибудь соображения?

Павел покачал головой. В том-то и дело, что никакого плана действий у него не было. А если бы даже был, он бы не стал ничего говорить. Лучше делать, чем говорить – это правило он усвоил давно.

Он гулял по областному центру, теряясь в избытке пространства. Удивлялся переменам: сколько новых иномарок, раньше ездили больше на подержанных. Сколько рекламных щитов, красивых фасадов домов! А какой воздух! Он устал от запахов неволи: пота, кислой капусты, нечистого дыхания

окружающих.

Купил себе джинсы, рубашку, туфли. Волосы ему на всякий случай Нуркенов разрешил отрастить. (Сказал, совсем как парикмахерша Таня: «Обрастай»). Теперь он ничем не отличался от вольняшек. В салоне сотовой связи выбрал крутой мобильник. Только с этого момента почувствовал, что включается в жизнь.

Теперь не мешало бы отвести душу – хорошо поесть. Заказал в кафе лангет с картошкой фри. Пока блюдо готовили, выпил бутылку пива. С непривычки закружилась голова. Нет, первое время лучше вообще не пить. Мало ли какая может возникнуть ситуация. Он иногда слабо контролирует себя. Природное патологическое опьянение. Слабая печень плохо выводит яды из организма.

Полез в карман, пересчитал на всякий случай деньги.глянул в прейскурант – глаза сошлись в пучок: 500 рублей! А ему еще торт покупать. Не идти же к Томилиным с пустыми руками.

А официантка, клюшка лет сорока, уже несет лангет.

– Нельзя заменить на котлету?

Клюшка мгновенно просекла, с кем имеет дело. Зазывно посмотрела в глаза.

– Можно, заменить на сосиски, но не здесь. У меня сейчас перерыв.

Жила она за углом. Оставляла ночевать, другого такого голодного мужика у нее еще не было. Неожиданно распла-

калась, положив голову ему на грудь.

– Ты чего? – удивился Павел, мыслями он был далеко, не здесь.

Клюшке хотелось сказать, что ей никогда еще не было так хорошо. Но что-то ее удерживало.

Радаев понял, что сейчас начнется лирика бальзаковского возраста, и заторопился на автобус.

Его родной Поволжск был в сорока минутах от областного центра. Здесь он, как ни странно, почувствовал себя совсем неуютно. Почему-то стало страшно встретить знакомых. Купил солнцезащитные очки, насадил на нос, замаскировался.

Но в какой-то момент стало не до смеха. Впереди мелькнула милицейская фуражка. Рядом другая. Менты шли прямо на него. И смотрели прямо на него. Е-мое, он вроде ничего не натворил.

Менты смотрели сквозь него на двух пацанов, которые шли за ним следом. (Это были Шуруп и Свищ). Остановили их, спросили, чего зрачки расширены. Пацаны сказали, что у них линзы. Линзы у обоих? Менты, конечно, не поверили, ошмонали ребят. Ничего не нашли и отпустили, предупредив, что до комендантского часа осталось пятнадцать минут.

Пацаны остановились возле дискотеки, где грохотала музыка. Менты возле входа посматривали на часы. Музыка смолкла. Из клуба вывалила толпа возмущенных подростков. Это долбаный комендантский час ломал им кайф. Они подошли к припаркованной неподалеку «Оке» и стали ее

раскачивать. Они бы перевернули окушку, но милицейский патруль был уже рядом. Пацаны бросились врассыпную.

Дверь открыла Даша, вся в черном. Если бы встретил на улице, не сразу бы узнал. Сколько ей было, когда он сел? Двенадцать. Семь лет – большой срок.

В квартире Томилиных пахло ладаном. На стене большой портрет Вани (вот кого совсем не узнать), рядом икона, горит лампадка. Похоже, траур здесь не кончится никогда.

Евдокия Тимофеевна не вышла из своей комнаты. После гибели сына ее хватил инсульт, парализовало правую часть тела. Станислав Викторович выглядел стариком.

Томилина не удивило, что Павел освободился раньше срока. Он вообще потерял всякий интерес к людям. Спросил, думая о чем-то своем:

– Ну, как ты? Выплываешь из мрака?

Даша разогрела борщ. Павел еще не проголодался, но на всякий случай сел за стол. Когда-то в другой раз придется.

Томилин стоял лицом к окну, смотрел во двор. Тихо проговорил:

– А как нам выплыть из мрака?

Помолчав, спросил:

– Где жить-то будешь?

Томилин знал, что отец Павла обменял квартиру на другой город и переписал на себя.

Павел ответил, что как-нибудь перебьется.

– Переночуй у нас.

Павел не успел ответить. В дверь позвонили. Даша открыла. Это был Олег Лещев. В руках два мотошлема. Вращает на пальцах брелок с ключами. Парень с форсом.

Павел почувствовал себя лишним.

Даша вышла с ним на лестничную площадку. Горе в глазах. Тонкий аромат волос. Красивые плечи, гордая шея.

– Может, все-таки останешься?

– Здесь гостиница рядом.

– А ты знаешь, какие там цены?

– Узнаю.

– Давай не терять друг друга из виду, – предложила Даша.

Они обменялись номерами телефонов, и теперь просто стояли, смотрели друг на друга. Даше нужно было еще что-то сказать. Павел ждал.

– Ваня не верил, – сказала Даша. – И я не верила.

Они не верили, что Павел убил охранника банка.

– Ваня знал, на что шел, – добавила Даша.

Она хотела сказать, что брат всегда хотел стать смелым.

Десятилетний Ваня видел в семнадцатилетнем Павле только лучшие стороны. А Павел видел в Ване себя. В его годы он занимался сольфеджио и читал книжки.

– Я ничего не обещаю... – начал было Павел.

Даша поняла, что он хочет сказать.

– Не надо ничего делать! – тихо воскликнула она.

Они долго смотрели в глаза друг другу.

– Хорошо, – уступил Павел.

Но Даша понимала, что его обещание всего лишь успокоительный укол. Не из тех он, кто сидит на берегу и ждет, когда проплывет труп врага.

У подъезда рядом с мотоциклом Олега «Ауди». Внутри бухает музыка. Лицо того, кто за рулем, Павел узнал с первого взгляда. Руслан Чесноков.

Главарь грифов поманил Павла пальцем.

Павел приостановился. Сказал насмешливо:

– Руслан, ты вроде не в инвалидке сидишь. Мог бы и выйти.

Чеснок снизошел: ленивым движением открыл дверцу, шагнул навстречу. Надменный взгляд. Во рту жвачка. Руки в карманах.

О Степке, старшем брате, ни слова. Неужели не интересно узнать, как он погиб? Значит, не интересно.

Пересмотреть Радаева Чесноку не удалось. Он сказал сквозь зубы:

– Сваливай из города. Тут как бы изжога кое у кого на тебя.

– Ты мне как бы угрожаешь? – спросил Павел.

Руслан перестал жевать резинку:

– Я как бы сказал.

– Ладно, я как бы услышал, – ответил Павел.

Руслан подумал и сказал:

– Это теперь наш город, понял? Повторяю для тупых: это теперь наш город.

Щелчок жвачкой, стук дверцей и – по газам. Ну, крутой вырос пацан.

Во дворе, где Павел когда-то жил, что-то происходило. Мужик припарковал свой старенький «жигуленок», к нему подвалили двое пацанов (Шуруп и Свищ) и что-то потребовали.

– Не надо обо мне беспокоиться, – резко ответил мужик.

– Не надо шуметь, – проговорил сквозь зубы Свищ.

Пацаны исчезли.

– Чего они хотели? – спросил Радаев.

– Плати, говорят, за охрану. Они тут присматривают, чтобы никто не угнал. Кому нужна моя колымага? Вымогатели хреновы! Не заплатишь – стекло могут побить. Или номера снимут. Но у меня нет такой статьи расходов – на стоянку! На бензин не хватает.

Мужик, конечно, прибеднялся. Деньги у него, бомбилы, были. Сам на эту мысль навел, когда стал рассказывать, как нападают пацаны на частных извозчиков с электрошокерами, отбирают выручку.

Павел дал мужику свой номер, чтобы позвонил, если вдруг с его машиной что стряслется.

– А ты кто? – спросил мужик.

– Робин Гуд, – пошутил Радаев.

Он глянул на окна квартиры, где когда-то жил. Там висели совсем другие шторы, горели другие светильники. И жили там теперь другие люди.

Даша была права. У него не хватило денег даже на место в четырехкочном номере. Администратор с глазами психолога-аналитика вошла в положение. Предложила раскладушку в подсобке кастаньянш.

Радаев думал, что уснет, как только коснется головой подушки. Но что-то не спалось. Мешали запахи. Белье пахло не прожаркой, как на зоне, а дезодорантом. Как же долго был он там, где все пахнет иначе. Сколько хорошей еды не съедено, сколько женщин не полюблено. Всю жизнь теперь он будет догонять своих сверстников. И едва ли когда догонит.

А Дашка-то какая стала! Трудно ей, наверное. Наглые взгляды, непристойные предложения. Чеснок не случайно отирается возле подъезда. Надо Дашке помочь. Только как? Если действовать уличными методами, можно снова загреть.

Кажется, кончилась для него спокойная жизнь: подъем, развод, отбой...

Да, кончилась. Он это чувствовал.

Среди ночи позвонил владелец старых «жигулей».

– Эй, робингуд. Полыхает моя таратайка.

Машина горит не дольше шести минут. Когда Радаев прибежал, все было кончено. Бензобак взорвался, «жигуленок» догорал. В воздухе стоял отвратительный запах горелой резины. Приехали пожарные, залили пеной черный остов машины. Милиционеры стали выявлять свидетелей. Жильцов, прервавших сон, оказалось немного.

Приехал Булыкин. От него ни на шаг не отходил небритый малый. Радаев присмотрелся. Где он мог его видеть? Точно видел, только давно, лет двенадцать-тринадцать назад. Павел не стал близко подходить к месту происшествия. К чему светиться? Стоял в сторонке. Но почувствовал, что на него тоже давят косяка. Только кто? Лиц в темноте не разглядеть.

В подсобке его ждал сюрприз. На подушке лежала пачка тысячерублевков, тридцать штук. И листок со словами – *это тебе надарогу щасливый путь*.

Значит, ему не показалось. Его ведут. Знают, для чего освободили? Или включены какие-то старые счета? Если счета, с ним бы не церемонились. С теми, на ком есть хоть какая-то малость вины, братва не валандается. А если еще и деньги подсовывают, значит, ничего за ним не числится, но он здесь нежелателен. И если он на этот маяк не отреагирует, вот тогда это уже будет его вина, и тогда ему несдобровать. Но до утра можно спать спокойно. И завтрашний день до вечера у него в запасе. Но не больше. Следующую ночь ему лучше здесь уже не ночевать.

Увидев Радаева в дверях, Ланцева откинулась на спинку кресла. Ее глаза осветились торжеством

Через минуту Павел уже сидел в соседнем кресле, ел бутерброды, запивая кофе со сгущенкой, и осматривался. Кругом книги, папки, стопки рукописей.

– С тобой хочет поговорить Лещев, – сказала Анна. – Тебя возьмут в администрацию города специалистом по делам мо-

лодежи. У администрации есть небольшая гостиница, жить пока будешь там.

Павел вспомнил: мэрию они называли *дэрекцией*, а мэра – *торчилой*. Уже в те годы не было у них никакого уважения к власти.

– Главное – дело, – продолжала Анна. – Поэтому мой тебе совет – постарайся сработаться с Булыкиным, смотри на него, как на человека. Тогда и он будет смотреть на тебя соответственно.

Булыкин ехал по звонку Анны в информагентство. Все-таки вытащила Радаева. Что ж, если учесть, что от Гоши никакого толку, этот парень может быть очень кстати. Только есть одно «но». Трудно верить вчерашнему бандиту. А без доверия какая работа?

Следствие по убийству Вани и Макарова застопорилось. Якобы невозможно установить мотив. Два с лишним месяца прошли впустую. Булыкин все чаще подумывал, не заняться ли самому частным расследованием. Конечно, это будет нарушением служебного порядка. Могут уволить. Можно даже под статью попасть. Незаконный частный сыск – до трех лет условно.

И все же он сделал первый шаг. Взял бутылку коньяка и пошел к эксперту, с которым был знаком не один год. Посидели. Оказывается, вскрытие обнаружило у Вани и Макаров сильное внутреннее кровотечение. Судя по всему, оба были убиты приемом, который отрабатывают на курсах специаль-

ной подготовки.

Булыкин сделал запрос в компьютерную базу данных МВД. Где еще преступления совершались подобным образом? В ответе значились Москва и Санкт-Петербург.

Поставил уточняющий вопрос: кто конкретно находится под подозрением? Обозначился некий Пичугин, 1969 года рождения. Предположительно, ликвидатор наркоторговцев, либо засветившихся, либо пошедших на сотрудничество с органами.

В базе данных находился фоторобот Пичугина. Натянутая до бровей бейсболка, подбородок упрятан в ворот свитера, темные очки. Лица практически не видно.

Что-то мелькало об этом типе в прессе. Булыкин пошел в библиотеку, полистал подшивки: когда писали о Пичугине, всегда упоминали его пассию, фотомодель по фамилии Заварзина.

Не густо. Но Никита чувствовал, что выбрал правильное направление. А это в работе сыщика самое главное – направление поиска.

Булыкин первым протянул руку, Радаев поднялся для рукопожатия. Первый рабочий контакт крестника и крестного состоялся без осложнений.

– С чего начнем? – спросила Анна, наливая в чашки кофе. – Может, вернемся к апрельской драке? Что, по-твоему, может означать убийство Кузина? – она обращалась к Павлу.

«Ясен пень – грифы делят асфальт в городе, избавляются

от последних конкурентов. Массовая драка – самый подходящий момент. Попробуй, установи, кто нанес смертельный удар. Можно всех подряд подозревать», – думал Радаев.

– Наша главная задача – установить, кто стоит за Чесноком. Все остальное – детали, – Никита сказал это устало, безо всякого выражения.

Павел понимал, как тяжело Булькину разговаривать с ним на равных и видеть в нем соратника. Не стал тянуть, вынул из кармана пачку денег и записку.

– Что это? – спросила Анна.

Радаев рассказал о том, что случилось ночью.

«Если он не отступит, его уберут, как убрали Кузина, Ваню Томилина и майора Макарова. В этом можно не сомневаться. Что я наделала! Уж лучше бы он остался сидеть», – подумала Анна.

– Ну и что теперь делать с этими деньгами? – спросила она.

– Вообще-то, я обязан составить акт добровольной выдачи, – сказал Булькин.

Поступок Радаева удивил его, но он не спешил проникаться к нему доверием, вдруг это какая-то хитрость вчерашнего зэка.

Павел покачал головой:

– Деньги я должен вернуть.

– Кому? – спросил Никита.

– Тем, кто их подсунул.

– Лучше купи себе билет, – посоветовал Булыкин.

– За что могли убить Ваньку Томилина? Есть какие-то версии? – Радаев обращался к Анне.

– Он сотрудничал с наркополицейским Макаровым.

– Ясно. А можно осмотреть место?

Радаев не смотрел на Булыкина. И правильно делал, что не смотрел. На лице майора играла снисходительная усмешка. Бандит корчит из себя сыщика. Ну-ну.

Ланцева и Радаев сидели в приемной Лещева. Назначенное время вышло, а мэр все еще был занят. Секретарша, молоденькая блондинка, второй раз приготовила кофе.

– Кто у него? – спросила Анна.

– Царьков.

Фамилия прозвучала для Радаева резко, как удар хлыста. Он встал и подошел к окну. «А чего ты так дергаешься? – сказал он себе. – Рано или поздно мы должны были встретиться».

Мэр забыл про время, потому что решал с Царьковым непростой вопрос. Помощник просил отдать ему в долгосрочную аренду большой торговый центр.

– Леня, сделай перерыв. Перевари то, что я тебе уже дал, – устало отвечал Лещев.

В городе давно уже шли разговоры, что Царьков вместе со своим другом, банкиром Роговым скупил самые лучшие торговые точки. Естественно, с его, мэра, помощью. Если снова

идти на выборы, конкуренты наверняка поднимут этот вопрос. А что он ответит? Но Лещев знал также, что будет еще хуже, если Рогов и Царьков от него отвернутся. Тогда он совсем пропал.

– Давай так, Леня, переизберусь, потом вернемся к этому разговору.

– Я буду тебе помогать. Сколько понадобится денег, столько и вложу, – в голосе Царькова слышалась интонация: мол, не лишай меня настроения помогать тебе.

– Нет, давай после выборов, – не сдавался мэр.

Царьков сыграл оскорбленное самолюбие:

– Федорыч, почеси мне спину, тогда я твою почешу. Я к тебе всей душой, а ты все поперек делаешь. На кой хрен берешь на работу этого зэка? Он тебе наработает! Я обещал тебе тишину – уже есть тишина.

– Ну да, если не считать сгоревшей сегодня ночью машины.

– Это баловство – мелкое хулиганье развлекается.

– Ничего себе, баловство! Ладно, Леня, хватит меня уламывать, – Лещев взглянул на часы, поднялся из-за стола и подошел к окну, прибавил мощности кондиционеру. – Извини, у меня сейчас собеседование. Впрочем, если хочешь, можешь поприсутствовать.

– Присутствую.

Здороваясь, Радаев посмотрел Царькову в глаза. Взгляд спокойный, держится уверенно. Только ладонь влажная.

– Ну, вот и познакомились, – сказал Лещев. – Или вы знакомы?

– В нашем городе все друг с другом знакомы, – обронил Леонид.

– Ну, вот и хорошо. Осталось только не особенно соперничать, чтобы не страдало общее дело.

– Здоровая конкуренция никогда не повредит, – обронил Царьков, стараясь держаться на высоте положения.

Секретарша принесла чай, печенье. Сели за журнальным столиком. Мэр присматривался к Радаеву. Никаких татуировок. Взгляд прямой, твердый, не отчужденный, но и не заискивающий. Только к чаю почему-то не притрагивается. Может, заварить покрепче? Нет, крепкий, оказывается, не любит. А чефир разве не пил?

– Зачем? Только сердце сажать, – пояснил Радаев.

Лещев вызвал Василису Шишову, познакомил. Напутствовал:

– Сразу договоритесь, с чего начнете.

– Пусть напишет план работы, – строго сказала Василиса.

Радаеву стало тошно. Еще не хватало, чтобы он страдал такой фигней – планы писал.

«Парню будет трудно работать под началом Шишовой», – сообразил Лещев.

– Погоди со своими планами, – осадил он подругу-чиновницу.

Когда у подчиненных начинались разногласия, Лещев не

пытался их помирить, не выкручивал никому руки, требовал только результата, веля докладывать о ходе дел ему лично. То же самое сделал и сейчас

Ланцева привела Павла в школьный двор, где убили Ваню и Макарова. Остановились перед кустами шиповника, где лежали увядшие и совсем свежие поминальные цветы. Радаев вспомнил: здесь они, несмотря на колючки, любили собираться. Только сейчас шиповник разросся, а трава еще больше усыпана пивными бутылками, банками из-под колы, пакетами, окурками. Натуральная свалка.

Вот крыло соседней музыкальной школы. Недалеко от входа они со Степкой Чесноковым заняли наблюдательную позицию. И молили бога, чтобы в течение ближайших десяти минут никто не пришел. «Ну, с богом!», – сказал Степка, когда из банка вышел последний клиент. И они напялили на головы капроновые чулки...

А вот здесь, в кустах, должна быть дыра в заборе.

Павел залез в кусты шиповника. Точно, вот она, дыра. За семь лет забор так и не отремонтировали.

Сидел он здесь как-то с пацанами, уже начало темнеть. Видел, как педагоги, домрист и хоровик, тащат из школы телевизор. И директриса Цепнева с ними. А на другой день директриса школу на уши поставила. Выясняла, кто украл телевизор, подаренный какой-то организацией. Вызывала педагогов, допрашивала. А потом телефон из учительской про-

пал. Опять следствие устраивала. Только раз попалась с поличным. Залезла к соседу по даче, начала рассаду клубники выкапывать. Застукал ее сосед, и курткой – по морде, по морде.

– Здесь, – сказала Ланцева.

«Макаров – олух, нашел где встречаться», – подумал Павел

Поднял спичечный коробок. Понюхал. Пахло травкой. Этот запах не спутаешь ни с чем. Уж он-то перепробовал все легкие наркотики.

Павел пролез в дыру. Анна – следом. Выбрались во двор музыкальной школы. Безлюдно, только из окон доносились звуки пианино и скрипки.

В этой части школы, вспомнил Радаев, уроки не проводились. Цепнева сдавала ее в аренду. В выходные дни проводили занятия пятидесятники, корейская секта, здесь же играли свадьбы. Если в субботу или воскресенье преподаватели хотели с кем-то из учеников позаниматься, вахтеры не пускали. Мол, будете только мешать своей музыкой арендаторам. В подвале у директрисы хранилась картошка, там же стояли клетки с кроликами, оттуда всегда несло квашеной капустой.

– Эй, а что вы тут делаете? – неожиданно послышался начальственный женский голос. – Ну-ка, подойдите сюда!

Директриса стояла в окне первого этажа. Когда-то она была красива. Густые, белокурые волосы, правильные славянские черты. Только ярко-голубые в молодости глаза сильно

поблекли, вылиняли, стали почти белыми. А на лбу и висках уже высыпали старушечьи бляшки.

– Сколько можно говорить – школа не проходной двор. Хоть кол на голове чеши. Кто такие? Чего тут вынюхиваете? – тон у директрисы был грубый, скандальный.

– Вообще-то кол тешут, а не чешут, – поправила Анна. – А вы будто меня не знаете?

Они встречались раз в неделю на планерках в администрации и даже здоровались.

У директрисы был красивый голос. Наверное, она когда-то хорошо пела. Но сейчас взяла слишком высокую октаву и сбилась на визг.

– Все беды от прессы. Только разрушаете общество. Не злоупотребляйте своим служебным положением, милочка. Где направление от редакции? Нет? Значит, ваше пребывание здесь неправомерно. Если через минуту не освободите двор, вахтер вызовет милицию.

Неожиданно Цепнева смолкла, будто только что сейчас увидела стоявшего рядом с Ланцевой молодого человека:

– Ой, Радаев! Не признала, богатым будешь. Никак освободили? Как это мимо меня прошло? А долг как же? Ты сколько в банке взял? Если мне не изменяет память, двенадцать миллионов. Неужели простили? А Рогов, думаешь, простит?

Цепневу понесло. Она говорила гадости, не переводя дыхания. Если специально выводила Радаева из равновесия, то

это ей удалось. Губы у Павла побелели. Анна взяла его за руку и увлекла за собой.

Они вышли из двора музыкальной школы. Здесь Ланцева спросила:

– У вас какие-то старые счеты?

У Павла дрогнули губы:

– Не будем об этом. Как-нибудь в другой раз. Извините, мне надо на кладбище.

Он сразу нашел могилы пацанов, с которыми мотался. Массивные плиты, железные ограды, все чин чинарем. Пожелтевшая на солнце, размытая дождем фотография Степки Чеснокова в пластиковой рамке. Нормальная еще улыбка. И глаза еще нормальные, не бандитские. Что же они, уроды, сами с собой сделали?

Интересно, сохранилась бы их дружба, если бы Степка уцелел? Понимали бы они друг друга? Поддержал бы его сейчас Степка, будь он рядом? Едва ли... Стоп! Сегодня же 14 июня, день рождения Степки!

Послышались шаги. Радаев обернулся. Перед ним стоял Антон Чесноков. У Антона нос горбинкой. Руслану, когда он еще в сопляках ходил, нос спрямили в драке ударом какого-то железа.

Антон положил на могилу брата Степки две гвоздики, вынул из сумки бутылку водки, отвинтил крышку, протянул Радаеву. Павел отпил глоток. Антон выдул треть бутылки. Ик-

нул – не пошло. Достал из сумки бутерброд, разломил пополам. Прожевали.

– Еще?

Радаев помотал головой: хватит. Чесноков посоветовал:

– Уезжай. У Рулевого на тебя зуб.

«Что за Рулевой?» – едва не вырвалось у Павла. Нет, хватит того, что он теперь знает, кому сейчас неуютен. Знать его кликуху (а это, естественно, кличка) – не так уж мало.

– Крутые вы тут стали, Антоха.

– Время такое. Отморозок – звучит гордо.

Антон изображал равнодушие, а на самом деле относился к Радаеву с большим уважением. Он помнил, кто первый сказал перед большим месивом: «Прикрой спину ближнего, и будешь прикрыт сам».

Перед смертью мать велела поставить на ее могиле обычный деревянный крест. Хотя никогда не была верующей. Не хотела, чтобы после смерти на нее давила плита.

По кресту найти ее могилу было трудно. Надпись на табличке стерлась.

Но Павел все-таки нашел, присел на корточки у заросшего бурьяном холмика. Эх, мамочка, как же рано ты ушла. А Цепнева живет, и никакая зараза ее не берет. Если на небе есть Бог, куда же он смотрит, как он мог такое допустить?

Винил Цепневу, хотя хорошо понимал, что сам губил мать, наверное, не меньше. Не приходил домой до позднего вечера, иногда до утра, и она отважно искала его по под-

валам и чердакам, нарываясь на пьяных, злобных бомжей. Мать правильно говорила – сегодня у детей нет ни чувства вины, ни благодарности. Она любила его, а он безжалостно истощал ее любовь. Храня верность толпе, предавал ее любовь к нему.

Перед глазами всплыло: пришел Булыгин, тогда еще опер по работе с подростками, сказал матери с искренним сочувствием, не переступая порога:

– Беда пришла в ваш дом.

Натуральная беда! А он, дурак, считал первый привод в милицию боевым крещением...

С матерью он расходился в принципиальных вещах. Она ценила себя за свое отношение к работе. За то, что учила не только играть, но и чувствовать то, что хотел сказать музыкой композитор. И гордилась, когда добивалась своего. И старалась не замечать, как ведут себя ее ученики, победители разных конкурсов. Как не уважают ее и самих себя. Особенно однажды впечатлила Павла ученица Луиза Костюк. Отыграв возвышенную вещь, способная детка стала есть вареную курицу, кладя объедки в тот же пакет, где было мясо...

– Вырастет – поймет, что нехорошо, – оправдывала ее мать.

– Ничего эта дрянь уже не поймет! – горячился он. – А значит, твоя работа – псу под хвост! Никто сегодня не уважает труд. Никакой! Ни свой, ни чужой! Всем на всех насрать.

Никто никому не нужен. Каждый думает только о себе, как он выглядит, что он имеет, чем он лучше других. Все! Ничего другого нет: ни в голове, нигде.

Мать хотела, чтобы он был хорошим. А он кипятился, хотел ей втолковать, что в этом нет смысла. Зачем быть хорошим, если все люди – твари?

– Получается, что я тоже тварь? – спрашивала мать.

– Ты просто ненормальная. Все такие, как ты, давно вымерли. Ты одна осталась.

Как все исправить? Почему мы бываем пацанами такими идиотами? Предусмотрено Богом? Тогда в этом идиотизме должен быть хоть какой-то смысл. Но какой в нем смысл? Никакого!

В квартиру Лешка не пустил. Вышли во двор, сели по-зэковски на корточки под чахлой ивой. Разговор не вязался. Барминов был не в духе. Сказочной жизни после освобождения не получилось. Работал на той же автостоянке, что и Томилин, в той же должности – сторожем. Трезором, как сам себя называл.

Облом-иваныч получился как-то незатейливо. Лешка позвонил по телефону, который ему дали перед освобождением, встретился с мужиком (это был Гридасов) и согласился, не раздумывая. Сразу получить «Жигули», перевозить какие-то пакеты и получать за это тридцать штук в месяц – где еще отвалится такая лафа?

Зашли с мужиком (Гридасовым) в компьютерный салон, сделали копию справки об освобождении. Мужик взял копию и исчез. И телефон его теперь не отвечал.

Нет, найти его, наверное, можно. Подъехать к колонии, там покараулить. Только зачем? Если сразу не взяли, значит кто-то отклонил его кандидатуру.

Так и было. Услышав фамилию Барминова, Рулевой велел Гридасову забыть ее и впредь обращать внимание не только на обычную информацию, которой они пользуются. Важно также, с кем кентовался на зоне человек.

– Это Бармалей. Слышал о таком? Ну, это только тебя извиняет, – сдержанно выговаривал Гридасову Рулевой, хотя внутри у него все кипело и плавилось. – И о Радаеве, конечно, не слышал. Короче, ты очень сильно засветился.

Ничего этого Лешка Барминов, естественно, не знал. Но нашлись люди, которые подсказали ему, что именно дружба с Радаевым вышла ему боком.

– Шустро ты оформил досрочку, Павлуха, – сказал Лешка, сплевывая себе под ноги. – Как тебе могли сделать снисхождение? На тебе столько бабок висит?! Нет, брат, с таким иском просто так не милуют.

Как помоями плеснул.

– Леха, – по-доброму сказал Павел. – Мы с тобой кенты или уже не кенты?

– Как бы еще кенты, – согласился Бармалей.

Радаев рассказал, как оказался на свободе, и с чего все

началось. На особое понимание не рассчитывал. И оказался прав.

– Ну, и на какой хрен мне это знать? – грубо спросил Лешка. – Куда мне это теперь засунуть? Не получится у тебя, Павлуха, нанести пользу. Банды, как мафия, бессмертны. Пацаны как травились зельем, так и травятся. Как рубили бабки с лохов, так и рубят. Как мочили друг друга, так и мочат. Сейчас только притихли. Отмашка такая.

– Чья отмашка? – спросил Радаев.

– Как чья? Кто рулит.

– А кто рулит?

Лешка взбычился, лицо налилось кровью:

– Павлуха! – заревел он, выпучив глаза. – Ты соображаешь, какие вопросы задаешь? Уезжай, пока тебе не переломали щупальца. Они тебе еще пригодятся. И шея тебе еще пригодится, и позвоночник. И вообще, Павлуха, запомни: жить – лучше, чем не жить.

Радаев стиснул зубы. Что ни скажи Бармалею, все равно не поймет. Для него банды – не уродство, а естественная вещь. Рассчитывать на его помощь бессмысленно. И никто из бывших пацанов не поддержит его. Кому это надо, даже остепенившимся? Никто не пойдет против своих ребят. То есть опереться вообще не на кого. А если совсем туго станет, никто ему реально не поможет. Ни Булыкин, ни Ланцева. Короче, жизнь его ничего не стоит.

– Не любишь ты братву, Павлуха, свысока на нее погля-

дываешь, – принялся обобщать Бармалей. – Я давно это заметил. И не только я.

Павел молчал, он мог бы, конечно, возразить, потребовать доказательств, потому как обвинение было серьезное. Но зачем? Он действительно не мог балаболить часами ни о чем, ржать над тем, что не смешно, крыть через слово, пить по поводу и без. В самой гуще братвы он всегда был сам по себе. Это невозможно скрыть. Что ж, наверное, это его судьба – не быть ни с кем вместе.

Радаев пошел куда глаза глядят. Ноги сами привели его к строящемуся дому, напротив гостиницы, где он снял номер. Возле забора валялся кусок кабеля. Хорошая, между прочим, штука. Раньше они такими кусками кабеля дрались.

Павел подобрал, вдруг пригодится.

Анна стала реже бывать у Томилиных. Чувствовала себя виноватой. Если бы не потащила Ваню и Олега в подвал, если бы не свела их с Макаровым, все были бы живы.

Но сегодня Ланцевой нужен был совет Томилина. Какую позицию занять в отношении Лещева? Поддержать его или отойти в сторону?

Они сидели на кухне, пили чай с малиновым вареньем.

– Как вам живется? – спросил Томилин.

– Мы здесь чужие.

Станислав Викторович ответил философски:

– Ваня тоже чувствовал себя чужим. И мне иногда кажется, что я не живу, а только присутствую в жизни.

– Странно, почему небольшие города считаются оплотом нравственности, – обронила Анна.

– Вы, журналисты, об этом и пишете, – донесся из маленькой комнатки слабый голос Евдокии Тимофеевны. – Выдайте желаемое за действительное. Какая к чертям нравственность? Одна Цепнева чего стоит. Я ведь у нее секретарем работала. Первая обнаружила мертвые души в ведомости на зарплату. Я прямо сказала: я не хочу сидеть вместе с вами. Или вы прекратите нарушения, или я заявлю в мэрию. Она – мне: ты о сыне своем подумай, если хочешь, чтобы он получил музыкальное образование. Я – к Радаевой, Ванечка у нее учился: так и так. Радаева за меня вступилась. Но как ее после этого Цепнева топтала! Как топтала! До ямки.

– Какие были нарушения, Евдокия Тимофеевна? – спросила Анна.

– Ой, сколько она из школы вынесла! А мертвые души! В школе до сих пор числятся человек десять, которых никто в глаза не видел, зарплата и даже премиальные на них выписывается. Цепнева как-то сказала: «Я здесь нитки не взяла». А у Радаевой язычок был, как бритва. Ну, правильно, говорит, у нас же не ткацкая фабрика. После нашего прошлого разговора я обзвонила преподавателей. Коснулась смерти Радаевой. Представьте, все без исключения считают, что виновата Цепнева. Как только земля под ней не проваливается прямо в ад!

После смерти Вани Олег остался один. Даша избегала встреч с ним: не выходила из комнаты, когда он приезжал, находила причины, чтобы не общаться, когда встречал ее возле училища. Олег не требовал объяснений. Он понимал, что слишком живо напоминает Даше о брате. Возможно, она думает, что если бы он был в тот день рядом с Ваней, все бы обошлось. Для того, чтобы девушка пришла в себя, требовалось время.

Олег приезжал теперь к училищу исключительно для того, чтобы увидеть выражение лица Даши: можно подойти или еще нельзя?

То, что он сегодня увидел, было для него страшным ударом. Царьков открыл перед Дашей дверцу джипа, и они покатали. Олег поехал следом, руль в его руках вибрировал.

Джип выехал за город. Олег отстал. Следить дальше он не мог. Даша могла его увидеть. Он остановил мотоцикл и стал наблюдать издали. Джип въехал на холм и остановился возле высокого забора, за которым виднелась крыша большого особняка.

«Хороша Даша, но уже не наша», – невесело подумал Олег.

После похорон Вани Царьков общался с Дашей только по телефону.

Сегодня Даша, наконец, согласилась прокатиться за город. Она устала горевать по брату. Жизнь брала свое.

С холма открывался шикарный вид на город и пойму Вол-

ги. На холме строились дачи, одна краше другой. Каждая тянула не меньше, чем на полмиллиона долларов. Одна из этих дач принадлежала Царькову.

Леонид дал Даше бинокль, девушка стала осматривать окрестности. Панорама поймы Волги была удивительной. Десятки проток и узкоков – маленьких озер. Ничто так не магнетизирует человека, как огонь и вода.

В окуляры попал город, Даша нашла свой дом. И только сейчас поняла, что именно дача Царькова заслонила им вид на Волгу. Странно, как все оборачивается в жизни. Наверно, не случайно эта дача никак не раздражала Дашу. Как многие современные девушки, она хотела всего и сразу. Поэтому богатство ухажера подействовало на нее гипнотически. Но она по-прежнему держалась с ним настороженно. Как все дети, выросшие в нужде, она не верила, что богатые могут быть хорошими людьми.

– Давай посмотрим наши владения, – предложил Леонид.

Он не морочил Даше голову. Он действительно настроился на самые серьезные отношения. Мысленно он уже отрезал себя от Тани. Все равно настоящей любви между ним никогда не будет. Он не простит ей тех, с кем она по его заданию наставила ему рога. А она не простит ему, что он вынудил ее это сделать. И вообще, больно уж подлая баба. Царьков не мог простить ей подлости, в которые сам же и впутывал.

– Пойдем, я покажу тебе сауну.

Даша решительно отказалась:

– Ладно, тогда примерь вот это, – Царьков извлек из багажника «джипа» пакет. – Хватит тебе ходить, как монашке.

В пакете оказалось яркое летнее платье. Но Даша осталась равнодушна.

– Может, хватит? – осторожно спросил Леонид. – Ну, сколько можно, Дашенька?

Девушка молча глотала слезы.

– Вы обещали мне работу, – сказала она.

Ну, обещал. И что? Обещал, потому что думал, что она играет с ним в обычную игру. Мол, ей не нужен спонсор, это ее унижает. Но если она всерьез надеется получить у него работу, то это унижает его.

– Ты будешь растить наших детей, руководить нашим домом. Это и будет твоей работой.

В спокойном, душевном тоне Царькова, можно было уловить скрытое раздражение. «Какого черта ломается?», – думал он. Если бы не хотела иметь с ним ничего общего, не приехала бы сюда. Он готов положить к ее ногам все, что имеет. У него намерения серьезней некуда. Она должна это чувствовать. Если же чувствует и, тем не менее, так себя ведет, значит, ломается, хочет подороже себя продать.

Даша еще раз поднесла к глазам бинокль. Двое загорали на берегу возле начинающегося леса. Мужчина и женщина. Лицо мужчины показалось ей знакомым. Ну, конечно же, это Пашка Радаев. С кем это он? Неужели с Анной? Точно, это она.

– Кого ты там увидела? – Царьков взял у Даши бинокль. – О, знакомые лица!

Леонид краем глаза видел выражение лица Даши. Э, да у тебя, девочка, вместительное сердце! С одним на мотоцикле катаешься, с другим на «джипе», а о третьем тайно вздыхаешь?

– Откуда ты его знаешь?

– Он раньше бывал у нас, – коротко пояснила Даша, не вдаваясь в подробности.

– Но ты ведь и ее знаешь, – сказал Царьков. – Она тоже у вас бывает?

– Да, – сказала Даша.

– Ладно, не будем им мешать, – Леонид тонко улыбнулся. – Давай лучше чем-нибудь полакомимся.

Он достал из багажника пакеты с фруктами и сладостями.

– Вы обещали мне работу, – настойчиво повторила Даша.

– Будет тебе работа, – сдерживая раздражение, пообещал Царьков. – Все у тебя, Дашенька, будет!

Павел и Анна ждали Булькина. Никита задерживался. Солнце пекло, как раскаленная сковородка. Сам бог велел искупаться, но у Павла были обычные, не купальные плавки.

Он отошел метров за тридцать, и там разделся. У него была крепкая, ладная фигура. Раздеваясь, Анна испытывала легкую досаду. Мог бы взглянуть в ее сторону. Она ошибалась. Павел боковым зрением увидел все, что можно бы-

ло увидеть. Классная женщина, что там говорить. Ему стало совсем жарко. Он бросился в воду и заплыл подальше. Его снесло течением. Он вышел на берег метрах в ста от того места, где купалась Анна. Здесь кто-то ловил рыбу на закидные удочки. Только странное дело. Удочки стояли, а рыболова не было. Может, пошел в кусты по нужде?

«Эх, поудить бы!» Павел мечтал об этом весь срок. Сейчас рыболов выйдет из кустов, и он попросит у него удочку. Он поймает рыбу и придет к Анне с добычей. Но время шло, а на берег никто не выходил. Павел не знал, что думать. Такого не бывает, чтобы рыболов оставил удочки и уехал. Тут одно из двух: либо с рыболовом что-то случилось, и он не может вернуться к удочкам. Либо он сидит сейчас в кустах, потому что не хочет показываться на глаза.

Павел вернулся к Ланцевой. Женщина лежала на большом полотенце, прикрыв глаза носовым платком. Когда-то он уже видел похожие линии. У матери. От этих линий что-то происходило в мозгах его друзей. Они поголовно влюблялись в его мать, как в девушку. Ее возраст не имел для них никакого значения.

– Павлик, расскажи о себе, – попросила Анна. – Знаешь, что меня больше всего интересует? Как ты там сохранился? Как тебе это удалось?

Радаев задумался. Придется говорить о матери. Все лучшее в нем – от нее.

– У тебя, насколько я знаю, мама была очень хорошая, –

словно читая его мысли, сказала Анна. – Томилины от нее в восторге.

– Я ее не достоин, – хрипло выговорил Павел. – Она умерла из-за меня.

– Томилины считают, что твоя мама умерла из-за Цепневой.

– Я на пару с этой тварью ее доконал.

Анна поняла, что надо иначе спросить, иначе Павел не разговорится.

– Психологи утверждают, что действие, совершенное на наших глазах, имеет тенденцию к повторению нами самим. Извини за язык, но я цитирую. Иными словами...

– Я понял, – перебил ее Радаев. – Это как заражение. Наверно, что-то в этом роде и произошло. Сначала у меня на человека рука не подымалась. Но когда связался с толпой, столько раз пришлось видеть, как бьют... Короче, стало в порядке вещей: ты бьешь, тебя бьют.

– Ты замечал, что у тебя меняется психика?

– Конечно. Я в колонии убедился – все преступники истерики. От этого мне труднее всего было избавиться. У меня отец истерик. Он когда психовал, садился на спинку стула и начинал руками размахивать. У него даже походка истерическая, танцующая. И у меня такая была. Я долго избавлялся.

«Получается, он изменил свою природу, – отметила Анна. – Это само по себе удивительно». Ей хотелось задать следующий вопрос, самый деликатный. Наконец, она решилась:

– Скажи, а отношение к женщинам тебе не пришлось изменить?

Конечно, пришлось. Спасибо Нуркенову, дал такую возможность. И судьбе спасибо.

... На четвертом году отсидки его перевели в плановый отдел столярного производства. Заболел вольный чертежник. Временно заменить его проще было каким-нибудь зэком. Там же, в этом отделе, работала экономистом Марина. Были и другие вольняшки. А Павел к тому времени совсем одичал, отвык от нормального человеческого общества. Слова путного сказать не мог. Но когда смотрел на Марину, то слов и не требовалось. Конечно, сказывалось, что давно не видел девушек. Даже если бы Марина была так себе, все равно он должен был смотреть на нее, как на красавицу. Но она была красива. Поразительно красива для такого некрасивого места, как колония. Он влюбился. Не шло сюда никакое другое слово. Он шел на работу в производственную зону, как на праздник, и уходил с таким чувством, будто в жизни происходит перерыв до завтрашнего утра. Он молил бога, чтобы грипп у чертежника дал осложнение. Молитва отчасти помогла. После болезни вольняшка взял отпуск. Впереди был еще месяц счастливой лихорадки.

Все в этом отделе работали в одной комнате, каждый был под присмотром остальных. Но когда уже мало было языка взглядов, Марина первая подбросила Павлу записку со словами «Если хочешь, можешь мне написать».

Он писал, придя с работы, до самого отбоя, сам удивляясь, откуда берутся у него такие слова, такая нежность. Первое ответное письмо Марины он читал и перечитывал, пока не запомнил наизусть. Письма девушки были незатейливы. Но других ему и не требовалось. Главное, что в них тоже была нежность.

А потом, через две недели, как и следовало ожидать, вольняшки начали что-то замечать. Начали следить. И, естественно, выследили. Письмо Марины было перехвачено и передано оперу. Опер собирался поставить девушке условие: или она выдает ему все письма Радаева, или ее немедленно увольняют. Если выдаст, ни ей, ни Радаеву ничего не будет. Конечно, неопытная девушка должна была поверить.

Вмешался Нуркенов. Он пошел к начальнику колонии и попросил никого не трогать: ни Марину, ни Радаева. Пусть все идет, как идет до возвращения из отпуска чертежника. Начальник вызвал опера. Трое тюремщиков целый час решали, что делать. Пришли к мнению – пусть будет так, как предлагает Нуркенов.

Это было сделано ради Радаева. А Марина через две недели была уволена. Ее просто обязаны были уволить – за связь с заключенным.

Ее уволили внезапно. У Радаева не осталось адреса, по которому он мог бы продолжить переписку с ней. И она ему больше не написала, ей запретили. «У парня впереди еще шесть с лишним лет. За это время ты и замуж выйдешь и

детей нарожаешь. Шесть лет – большой срок», – сказал ей на прощанье опер. В сущности, он был прав.

Опер деликатно не сказал Марине, что и Радаев будет другим, когда выйдет. Та любовь, которая между ними вспыхнула, только в неволе и может гореть. Но эту мысль девушке подсказали другие вольняшки из планового отдела.

Марина исчезла из жизни заключенного Радаева, сыграв свою роль. Теперь он мысленно уже не называл женщин бабами и не морщился при слове «любовь»...

Радаеву решил сменить тему.

– Лучше расскажите, как вам удалось меня освободить.

Он знал, что ходатайства, даже самого сильного, мало. С бумагой нужно ходить по кабинетам, ее нужно правильно озвучить. Он понимал, что ходатайства администрации колонии и администрации области, конечно, сыграли свою роль, но все равно его освобождение почти целиком зависело от этой женщины.

Ланцева рассмеялась теплым смехом.

– Верховный суд, Павлик, это обычное бюрократическое учреждение. Твое дело было поручено обыкновенному чиновнику. Он, как принято говорить, готовил вопрос. От него одного зависело практически все.

Анна вспомнила, какими глазами смотрел на нее этот толстый дядька с короткими ногами и руками. Как поначалу подзревал, что она имеет какую-то свою корысть. Как пытался бить клинья... Нет, эти подробности ни к чему.

– Хочешь пить? Возьми у меня в сумке.

Павел открыл упаковку с персиковым соком, протянул.

Анна сняла с глаз платок, посмотрела ему в глаза:

– Пей первый. Пей все, оставь мне только глоток.

– Нет, сначала вы.

Они смотрели не в глаза друг другу. Смотрели на губы.

«Он сейчас думает, поцеловать меня или не стоит торопиться», – мелькнуло у Анны. Все молодые такие дурачки. Не знают, что женщина чаще всего жаждет отдаться тогда же, когда мужчина хочет ее взять. В начальный период зарождения чувства. Только умело это скрывает. Неопытный. Они все, молодые, останавливаются в неволе в развитии, приобретают там только негативный опыт».

Булыкина задерживал полковник Шокин. Начальник требовал хоть какого-то плюса в работе. Нельзя месяцами работать без результатов.

– Я не узнаю тебя, Булыкин, ты ж майора на два года раньше срока получил. За дело, за быстрые результаты, а тут топчешься на месте.

– Вообще-то, мне майора за Чечню дали, – уточнил Никита. – Товарищ полковник, я не очень понимаю, что вы считаете результатом.

Он, конечно, другое хотел сказать. «Убийный отдел, где черт знает, сколько людей, до сих пор не раскрыл, кто убил Кузина, Ваню Томилина, майора Макарова. А чего ты хочешь, полковник, от двух сотрудников, меня и лейтенанта

Тыцких? Для нас практически любая задача невыполнима. И ты отлично это понимаешь. Но почему-то считаешь допустимым, чтобы решением задачи занимались только мы двое».

– Не понимаешь?! – вспучился Шокин.

«Да, не понимаю. Задача формулируется неконкретно. Нейтрализация группировок, то есть банд. В смысле, чтобы не убивали друг друга? Или как-то еще? А если подростки, предположим, не дерутся, а только употребляют наркотики? Это как? Лучше?»

– Эй, ты где? – Шокин сбавил тон. – По-моему, ты меня не слушаешь.

– Нет, я весь внимание, – встрепенулся Булыкин. – Вы сказали, что в случае оперативной необходимости на мой отдел будет работать все управление.

Полковник брезгливо поморщился:

– Но ты же не создаешь этой оперативной необходимости. Ты слепой и глухой. Ты не знаешь, что происходит в группировках.

– Нет уже группировок, товарищ полковник, – возразил Булыкин. – Одна осталась. Грифы всех под себя подмяли.

– Тем более. Значит, есть недовольные. Что ж не играешь на противоречиях? Что мешает?

– Страх, товарищ полковник.

– Страх? – удивился Шокин. – Ты боишься грифов?

Булыкин прикрыл глаза. У него от таких слов мгновенно повышалось давление, начинало пылать лицо, звенело в

ушах.

– Не я, товарищ полковник. Люди боятся грифов. И подростки, и взрослые, и родители, и учителя. И ничего с этим не поделаешь. Помните, как говорил Геббельс? Страх парализует все. Так и тут.

– Геббельс, – передразнил полковник. – Ты мне еще Гитлера процитируй. Надо уметь с людьми работать, чтобы они тебе поверили, тогда и страха не будет.

«Демагог, – зло подумал Булыкин. – Тебя бы на мое место».

– Давай, предлагай что-нибудь. Другие отделы озадачим. Я понимаю, вам вдвоем трудно, – сказал Шокин.

Никита высказал соображение. Уголовники любят фотографироваться и сниматься на видео. Найденные у них при обыске снимки и любительские фильмы часто помогают многое понять. Поэтому чего тянуть? Надо заняться этим делом. Места сборищ группировщиков известны. Осталось найти для сотрудников подходящие позиции, снабдить аппаратурой с телеобъективами и – снимать.

Булыкин хотел еще что-то сказать в поддержку своего предложения, но полковник прервал его:

– Не надо мне жевать, у меня нормальные зубы, – он для убедительности даже рот приоткрыл. – Давай дальше. Что еще в голове?

– Прессинг. Нужно выдергивать грифов по малейшему поводу и держать у нас в конторе часами. Закон этого не за-

прещает. Нужно постоянно нарушать их планы, держать в нервном напряжении. Не они должны держать нас в напряге, а мы их.

Шокин поморщился. Мысль неплохая, но только как бы самим не надорваться.

– Ну, вызвал без видимого повода. И о чем будешь спрашивать?

– Ни о чем.

– Как ни о чем?

– Так. Они ж потом будут друг у друга интересоваться. За чем вызывали? Какие вопросы задавали? А ничего не спрашивали. Как ничего? Так не бывает! Важно посеять взаимное недоверие, товарищ полковник.

– Экий ты коварный. Ладно, попробуй, – разрешил Шокин. – А теперь слушай сюда. На тебя есть сигнал. Неосторожно дружишь. Ты же знаешь, где таджики, там и наркотики.

Никита сразу понял, к чему он клонит.

– У меня приятельские отношения только с Ланцевой, а она – не таджичка.

– На таджика с русской женой, которые живут у нее, как раз поступает информация.

– Я знаю, – согласился Никита, – таджик иногда помогает браткам. – Но попробуй им не помочь. Он боится за жену и сына. Ему не раз угрожали.

– Я тебя предупредил, – насупясь, проговорил Шокин.

Булыкин оставил свой «жигуленок» рядом с «опелем» Ланцевой и спустился к реке. Увидев Анну и Павла, пьющих сок из одной упаковки, остановился. Хотелось развернуться и уехать. Но дело... К черту эмоции. Не время. Они должны говорить о деле.

Но разговор о деле не вязался. На Анну что-то нашло. Она говорила разные глупости. Ни с того ни сего стала экзаменовывать Булыкина. Помнит ли он кодекс любви по Стендалю?

Никите пришлось признаться, что даже не открывал Стендаля.

Анна с надеждой посмотрела на Павла.

– Мне мать подсовывала, заставляла запоминать, – неожиданно сказал он. – Там, кажется, тридцать условий. Первое: никто не может быть влюбленным одновременно в двоих. Второе: любовь всегда должна либо возрастать, либо уменьшаться. И третье: никто не может любить, если не поощряется в любви. Больше ничего не помню.

Анна смотрела на Радаева такими глазами, что Булыкин понял: в эту минуту он проиграл эту женщину окончательно.

– Ладно, мальчики, – Ланцева стала серьезной. – Давайте о деле. Давайте рассуждать. Почему вы так мало рассуждаете? Это же такой кайф – слушать мужчину, который думает вслух.

– Рулевой, говоришь? – задумчиво произнес Булыкин, выслушав Радаева.

Он почему-то подумал о Пичугине. Неужели это он? Но тут же отверг это предположение. Не станет киллер рулить. Не его это ампула. И кто сказал, что он еще в Поволжье, если это был он?

Еще интересней было сообщение Радаева о мужике, который вербует зэков на денежную работу. Если договориться с колониjsкими операми, этого кадровика можно довольно легко выпasti. Так Булыкин и решил называть этого мужика – Кадровик.

Для первого дня совместной работы совсем неплохо. Никита повеселел. Достал из сумки коробку с клубникой, принялся угощать Анну.

«А рыболова все нет», – думал Павел.

Они позагорали еще немного и поехали обратно в город. За поворотом дороги Павел попросил Анну остановить машину.

– Мне надо кое-что посмотреть.

– Смотри, я подожду, – сказала Анна.

– Нет, вам лучше уехать.

– Слушай, сыщик, а где ты думаешь ночевать? Тебе нельзя возвращаться в гостиницу.

– Под кустом, – пошутил Радаев. – Езжайте, не ждите меня.

Сделав крюк, он незаметно подошел к тому месту, где стояли удочки.

На этот раз рыболов был на месте. Радаев почему-то не

удивился, узнав его.

Антон Чесноков сматывал удочки. Радаев затаился в кустах. Где-то примерно здесь мог сидеть, наблюдая за ним, и Антон. Скорее всего, он что-то делал в Топельнике, а когда вышел и увидел его, Радаева, то решил не показываться на глаза.

Антон смотал удочки и поднялся на холм. Там его ждали «Жигули». Кто за рулем, рассмотреть было невозможно. Машина покатила в город, поднимая клубы пыли.

Радаев вышел из леса на проселочную дорогу, ведущую в город. Послышался звук мотора. Павел оглянулся. Иномарка промчалась мимо, но тут же резко затормозила и сдала назад.

Таня смотрела на Павла, не веря глазам. Может, ей показалось? Или обозналась? Нет, это он, только другой, заметно возмужавший, лучше прежнего.

Она только что выследила Царькова. Оказывается, Ленчик втихаря построил себе новую дачку. И какую! Просто зашибись. Она думала, он путается с журналисткой, а он, оказывается, завел себе молоденькую девушку. Не иначе как решил начать жизнь с чистого листа.

И вот третье открытие – Павлик. Как он мог здесь оказаться? Ведь он отбывает срок.

Таня вышла из машины с удивлением и страхом, совсем не уверенная, что Павел так же рад встрече, как она.

– Вот это встреча! С ума упасть! Ты как здесь? – выдохнула Таня.

– Выпустили. А ты будто не знаешь? Мы уже встречались с Ленчиком.

– Он мне ничего не говорил.

Таня подумала, что это судьба. Павел появляется в тот момент, когда Царьков бросает ее. Но если Павел знает, что она его предала, вместе им не быть. Поэтому она искала в его глазах ответ на свой вопрос: знает или не знает? Ответа не было. Павел был как под анестезией – полная бесчувственность.

– Я в город. Давай садись, – Таню лихорадило.

А чего не сесть, до города все-таки километров шесть. Радаев оглядел салон, щиток приборов. Крутая тачка.

– Любит тебя муж, Танюха.

– Он мне не муж, ты же знаешь.

– Он тебе лет десять как не муж.

– Семь лет! – воскликнула Таня. – Жуть! Как у тебя со здоровьем? Язва? У Ленчика тоже язва, на диете сидит. Это все нервы, Павлик. Нервы надо беречь. Нервные клетки не восстанавливаются.

Если она изменилась, то только внешне. Она уже не походила на подростка, фигура стала женственной, черты лица мягче. Что же касается разговора, то Волга у Тани по-прежнему на каждом шагу впадала в Каспийское море, а лошади кушали овес.

А вот в постели, чертовка, хороша. В постели – рабыня. Не просто так он запал на нее. Правда, застав их за сладким занятием, Ленчик сказал ему, что это никак не отразится на их отношениях. И действительно, вел себя так, будто ничего не произошло. Мол, вот он какой благородный. Как высоко ставит их мужскую дружбу. Никакая баба не способна сделать их врагами. А что при этом чувствовал Павел, который наставил рога своему старшему другу? Последней тварью он себя чувствовал.

– Надо отметить твое возвращение, – сказала Таня. – Квартиру свою я не продала, на всякий случай. Сделала евроремонт, у меня там красиво. Тебе понравится.

Что-то подсказывало Радаеву, что однажды именно из-за нее у него возникли серьезные неприятности. Но теперь, когда он сам вел расследование, Таня могла стать источником полезной информации. Чего не захватить, тем более, что сама зазывает?

– А Квас сейчас где? – спросил Радаев. Так они между собой звали Царькова.

Таня горько усмехнулась:

– Сказал, что на охоте с Шокиным, сволочь.

– Какая охота в июле? А почему сволочь?

– Плевали они на законы. Директор заповедника с ними в бане парится каждую пятницу. Но сегодня Ленчик точно не на охоте. Поэтому и сволочь.

Таня не стала говорить, с кем только что увидела Царько-

ва.

– Ленчику сейчас не до меня, – сказала она туманно, и глаза ее тоже затуманились.

Когда-то Павел на эти глаза и расцвел. Пришел в парикмахерскую, сел в кресло, посмотрел на себя в зеркало. Захотелось сплюнуть: до чего ж плюгав, шея тонкая, уши торчат, срамота. И тут Таня подходит, смотрит на него в зеркало.

– Как стричь будем?

– Уши оставим.

– Голову моем?

– Можно.

Руки у нее были ласковые. А тело – жаркое, привораживающее. Он это ощутил, когда она стала стричь его, то и дело прижимаясь.

Напоследок зазывно посмотрела:

– Обрастай, парнишечка.

Квартиру точно было не узнать. Зеркальные потолки, паркет, белые двери. Павел, как ни старался, не мог скрыть восхищения.

Таня обрадовано засуетилась:

– Лезь в джакузи, я мигом что-нибудь приготовлю.

Павел лежал в душистой пене, разглядывал дорогую сантехнику и батарею дорогой косметики. Правильно подмечено, тянет человека на место преступления. Сколько раз он мылся в этой ванне и всякий раз думал: «А что если сейчас придет Квас, вот будет потеха!»

– Тебе потереть спину? – Таня стояла в дверях ванной уже переодетая в халатик с глубоким вырезом.

– Потри, – согласился Павел, поняв, что это только предлог. – Только ты взмокнешь.

– Мне раздеться?

Это была женская коронка Тани. Что касается секса, она была очень предупредительна.

Глаза ее широко открылись, она часто задышала, освобождаясь от платья и забираясь в джакузи.

«Она, конечно, дрянь, но она лучше той клюшки из кафе», – мелькнуло у Павла, прежде чем он перестал вообще о чем-то думать...

Потом они вкусно ели. Радаев раздумывал: если холодильник забит разными деликатесами, значит, Таня действительно живет здесь и почти наверняка кого-то принимает, а к Царькову только ездит в гости. Мало ей одного мужика. Организм требует двоих, а может даже троих.

В перерыве между холодными закусками и разогретой в микроволновке осетриной они снова устроили любовь. Только на этот раз на широченной тахте. И Танька горячим шепотом клялась, что всегда любила только его, Павла.

– Я тебе писала. Почему не ответил?

Было дело. Даже фотографию свою в письмо вложила. С надписью «на бесткарыстную память». Фотографию эту Павел вернул на тот адрес, который указала Таня: главпочтамт, до востребования.

В какой-то момент, когда они лежали в очередном опустошении, Радаев вернулся к мысли: если Танька кого-то здесь принимает, то должны быть другие приметы помимо забытого едой холодильника. Что держит мужик у бабы? Туалетные принадлежности, прежде всего.

Он пошел в ванную. По пути заглянул в ящик для обуви. Ну, вот, что и требовалось доказать. Тапки сорок четвертого размера. А у Царькова сорок второй.

В туалете его ждало другое открытие. Стопка кроссвордов и ручка. Кто-то любит разгадывать слова, сидя на унитазах. Подозревать в этом Таню смешно. К тому же все ответы написаны крупными печатными буквами. Это не ее рука. Взгляд Павла уперся в вопрос: знаменитый афинский оратор, покончивший с собой? В ответе написано – Демосфен.

Таня встретила его вопросом, который давно вертелся у нее на языке:

– Ты не держишь зла на Ленчика?

Радаев промолчал. Царьков не советовал ему брать банк. Правда, начал отговаривать после того, как замысел был запущен, и остановить его и Степку не мог никто, даже Царьков. Да и кто он такой был в то время, Ленчик Царьков? Старший охранник в только что открывшемся банке Рогова. И сам банк был не совсем банк, а только отделение большого банка «Феникс». Все были семь лет назад не те, что сейчас, не того калибра.

Не дождавшись ответа, Таня пошла на кухню. Хотела еще

что-нибудь приготовить. Надо отдать ей должное, она любила кормить. Павел обратил внимание на стопку фотоальбомов. Один был со старыми семейными фотографиями, другой совсем новый. Он начал с нового. И сразу же увидел Таню вместе с Антоном Чесноковым. Вот они на пляже. Вот в какой-то компании. Вот в кафе. Лица сияют. Павла кольнула досада. Ну, правильно: Антон – парень хоть куда. Антон – это, можно сказать, он, Радаев, каким он был семь лет назад. Любит Танька молоденьких.

Старый альбом Павел пролистал машинально, без интереса. Потом вернулся к середине: его внимание привлекла фотография – Таня на чьей-то свадьбе. Невеста – похоже, родственница. Сходство с Таней несомненное. Родной сестры у Тани нет. Значит, двоюродная сестра. Точно, она говорила, что у нее есть двоюродная сестра! И он где-то ее видел! Ха, не где-то, а в банке! Это кассирша. Точно она!

Фотография этой девушки встречалась в альбоме не раз. Павел взял одну и положил в карман.

Прощаясь, спросил с иронией:

– А ты откуда знаешь, кто такой Демосфен?

Глаза Тани озадаченно замерли. Но она быстро нашлась. Подставила губы для поцелуя. Губы у нее морщились, когда она вытягивала. И целовалась она странно, не закрывая глаз.

– Какой фен, Павлик, ты о чем?

Кодацкий вызвал Ланцеву и устроил ей разнос.

– Кто тебе поручал идти в музыкальную школу? Кто тебя уполномочивал? Ну и что мне теперь с этой телегой делать? – редактор потряс листком бумаги. – Цепнева обвиняет тебя в злоупотреблении служебным положением, требует оставить ее школу в покое, а тебя – строго наказать

Анна отвечала хладнокровно:

– А чего она вдруг так разволновалась? Может, что-то за собой чувствует? Понимаешь, Игорь, в этой школе непролазная грязь, и с этим нужно что-то делать.

... Ланцева провела расследование, встречалась с преподавателями. И с теми, кто сейчас работает, и с теми, кто выдвинут из школы Цепневой, нисколько не жалея, что занялась этим делом. Если разгрести грязь в городе, то начинать надо с музыкальной школы.

То, что по бухгалтерским документам проходят «мертвые души», *здоровая часть коллектива* (так Цепнева называла своих сторонников) знала давно, поскольку каждому давали расписываться в ведомости за несуществующих работников. Таким образом, каждый из *здоровой части коллектива* участвовал в подделке подписей и таким образом садился на крючок. До поры до времени не знала о «мертвых душах» только *свора* – так Цепнева называла своих противников. Им в ведомости давали увидеть только ту строку, где нужно было поставить свою подпись.

Что могут прятать бухгалтер и кассир? Прежде всего, суммы заработной платы.

Самые преданные Цепневой преподаватели получали немислимое количество часов, отработать которые, пусть хоть пар валит из ноздрей, было практически невозможно. Работали на 3-4 ставки, тогда как две ставки – это предел. Соответственной была и зарплата. Человек получал в два три раза больше, чем фактически заработал. Плюс к тому *здоровая часть коллектива* имела разряды, не соответствовавшие педагогической квалификации. Таким образом, государство ежегодно платило за фиктивную отработку и завышенную квалификацию сотни тысяч рублей.

Но были еще «мертвые души». Разного рода техническими работниками (вахтерами, дворниками, уборщицами) числились надежные люди – родственники преданных Цепневой преподавателей. На них выписывалась не только зарплата, но даже премии за якобы хорошую работу. Тогда как преподавателям из *своры*, как бы хорошо они ни работали, премии, как правило, не выписывались. Таким образом, из бюджета государства ежегодно изымались еще сотни тысяч рублей.

Цепневу подстраховывал ее заместитель по безопасности, бывший кагэбэшник с юридическим образованием, знавший обо всех ее махинациях, дававший советы, как обходить закон и как защищаться от *своры*.

Это он консультировал Цепневу, когда Радаева (ее называли *детонатором*) дважды пыталась вывести ее на чистую воду. Но советы помощника не всегда давали нужный ре-

зультат. И тогда Цепнева шла напролом. Просила следователя показать ей протокол показаний педагога-свидетеля, ловким движением опытной уголовницы комкала этот протокол и заталкивала в рот. Угрожала прокурору города Иванову, поддерживавшего против нее обвинение в злоупотреблениях служебным положением, что продаст машину и наймет ребят, которые займутся его детьми. Не без участия Цепневой ведомости на зарплату странным образом исчезли из центральной бухгалтерии города...

Ланцева пыталась понять, почему преподаватели терпят Цепневу? Неужели все вместе с ней исподлились? Ей объяснили. Если есть в человеке какая-то пакостная черта, Цепнева обязательно ее нащупает, вытащит и найдет применение. Возьмем, например, самую распространенную черту – бездарность. Большинство преподавателей – люди средних способностей. При другом директоре они могли бы больше работать над собой и превзошли бы себя. Но только не при Цепневе, поскольку она сама бездарна. На фоне даже двумя пальцами собачий вальс не сыграет. Поет мимо нот. Закончила где-то в Средней Азии Кулек – институт культуры. Чему ее там могли научить? Только руководить художественной самодеятельностью. Она даже служебные бумаги составлять не умеет, за нее секретарь все делает.

В хорошей музыкальной школе каждый преподаватель оценивается по выступлениям его учеников на всевозможных конкурсах. Цепневой конкурсы были не нужны. Ей нуж-

но было, чтобы преподаватели получали незаработанные деньги и делились с ней. Больше ничего.

Она делала все для того, чтобы способные ученики не развивали свои дарования. Лучших из них, чьи способности выявлялись при поступлении в школу, передавала *своим* преподавателям, как правило, бездарным. Она потому и Радаеву гнобила, что та, несмотря на все запреты и помехи, ездила на конкурсы и привозила первые места.

– Где она училась в Средней Азии? – спросила Ланцева.

Ей назвали город. Оставшиеся в Душабе знакомые узнали: в названном институте культуры студентка Цепнева Ираида Егоровна никогда не училась.

Анна обратилась в отдел кадров администрации города. Попросила разрешения взглянуть на диплом Цепневой. Долго искали. Выяснилось, что диплом странным образом исчез ...

Выслушав Ланцеву, Кодацкий принялся рассуждать о последствиях. Если даже газета выступит с разоблачительной статьей, Цепнева тут же подаст в суд. Нет, он не враг себе, чтобы печатать такой материал. Их агентству помогает Рогов, лучший приятель Цепневой. А она помогла Рогову стать банкиром. Нет, Рогов не даст ее в обиду.

– Ты соображаешь, куда меня толкаешь? – воскликнул Кодацкий. – Это для нас равносильно самоубийству.

– По-твоему, мы должны закрывать глаза на то, что она

вытворяет? – спросила Анна. – Зачем тогда мы вообще существуем?

– Мы существуем для того, чтобы хорошо существовать, – с серьезным лицом отчеканил Кодацкий. И проникновенно продолжал. – Анята, тебя взяли на работу, дали приличную зарплату, совершенно бесплатно – двухкомнатную квартиру. Тебе этого мало? Тебе надо еще правды и справедливости? Где нет грязи? Она везде и всюду сверху донизу. Где только можно прикарманить денежки, их прикарманивают. Везде одним выписывают больше, а другим меньше. Везде есть недовольные. Ну и что? Всюду будем совать свой нос? Чего молчишь?

– А чего говорить? У начальства – как на допросе. Все, что ни скажешь, будет против тебя. У меня совсем другая отправная точка. Если ты не помогаешь людям добиваться справедливости, то ты не журналист, а жалкий писака, получающий деньги за удовольствие видеть свои статейки. Смерть педагога Марии Ивановны Радаевой от сердечного приступа произошла через две минуты после разговора с директором Ираидой Егоровной Цепневой. Четверо свидетелей, хотя в таких случаях хватает и двух, в один голос утверждают, что Цепнева крыла отборным матом и всячески оскорбляла Радаеву, причем делала это преднамеренно. Она отлично видела, что Радаева находится в прединфарктном состоянии. Я этого дела, Игорь, так не оставлю. Все можно простить, кроме смерти. Я уж не говорю о том, что Цепнева

растлила все вокруг себя. А ты говоришь, не трогай ее. Ее место в тюрьме, а не в кресле директора школы. Неужели ты не понимаешь, что, защищая ее, ты предаешь нашу профессию?

Выпалив эти слова на одном дыхании, Анна подавила стон. «Господи, что я несу? Кому я все это говорю?»

– Ладно, – сказал Кодацкий. – Не понимаешь меня, будешь говорить с Лещевым. Не поймешь Лещева, найдутся другие люди, которые втолкуют тебе, что так в нашем городе вести себя нельзя. Это пока еще не твой город, ясно тебе?

– А страна? – спросила Анна.

– Страна, может быть, твоя. А вот город... Извини, – Кодацкий развел руками.

Лещев вызвал Ланцеву, велел секретарше принести кофе, открыл коробку конфет «Коркунов». «У Кодацкого был кнут, здесь будет пряник?» – подумала Анна.

– Ну, что у тебя с Цепневой? – мягко начал мэр. – Подумаешь, матом кроет. Какие мы нежные. Сейчас все кроют. Я тоже крою. Ну, давай меня снимем. Легче тебе от этого станет?

– То есть вы считаете, что «мертвые души» – это нормально? – спросила Ланцева.

Лещев покосился на ее сумку.

– Ты меня случаем не пишешь?

Анна вытряхнула содержимое сумки. Мобильник, помада, блокнот, ручка, кошелек, удостоверение.

– Если хотите, отключу мобильник.

Лещев отмахнулся: не надо. Но Ланцева все же отключила. Приготовилась выслушать ответ на свой вопрос. Но мэр либо уже забыл, либо сделал вид, что забыл. Пришлось напомнить.

– Итак, Николай Федорович, вы считаете, что мертвые души и фиктивные часы – это нормально?

– Анна, это несерьезный разговор. Можно предполагать все, что угодно. Но доказать, что преподаватели делятся с Цепневой практически невозможно. Давать показания против самих себя они не будут. Честное слово, я не хочу, чтобы ты выглядела смешно.

Ланцева решила сыграть наив:

– А я думала, вы меня поддержите, КРУ к Цепневой пришлете. Все-таки ее художества и на мэрию тень бросают. Или вы так не считаете?

– Присылали к ней КРУ. И уголовное дело возбуждали. И суд пару раз был. А чем заканчивался? Состав преступления суд оба раза не нашел.

– Николай Федорович, не передергивайте! Контрольно-ревизионное управление финансовые нарушения находило. Но их требовалось подкрепить свидетельскими показаниями педагогов, которые имели к этим нарушениям непосредственное отношение. Естественно, педагоги отказывались подтверждать. Кому охота давать показания против самих себя? Но уличить Цепневу могли и другие педагоги, ко-

торые не имели к нарушениям прямого отношения.

– И что же не уличили? – весело подхватил Лещев.

– Объяснение очень простое, Николай Федорович, – на время следствия вы ни разу не отстраняли Цепневу от руководства школой. Хотя обязаны были сделать это. Она давила на свидетелей, заставляла давать показания в ее пользу. Но сейчас двое педагогов, которые раньше лжесвидетельствовали, готовы в этом признаться.

Мэр застыл с раскрытым ртом. Но быстро нашелся:

– Так ведь тут, наверное, срок давности действует!

Мэр выгораживал Цепневу откровенно, даже не пытаясь это замаскировать. Анна поняла, что не добьется от него поддержки. Под суд директрису он не подведет.

– Хорошо, – сказала она, – тогда увольте ее.

Уволить?! Лещев вспомнил, как однажды пригрозил Цепневой увольнением. В ответ директриса повернулась к нему задом, сделала срамное движение, будто задирает юбку, и прошипела:

– Вы меня из школы только ногами вперед вынесете, понял, Колян?

Лещев понизил голос, будто их кто-то мог услышать.

– Уволить можно, но только после моих перевыборов. Мне надо спокойно переизбраться. Если тронуть ее раньше, она меня с грязью смешает. Это ж такая злюка, как у овчарки, во рту черно, – закончил градоначальник.

Вернувшись в агентство, Ланцева стала просматривать отснятые телесюжеты, но поймала себя на том, что ничего не видит и не слышит. Лещев не сказал ни одного плохого слова, голоса не повысил, а будто танком прошел. «Это одна банда, – думала Анна, – И действуют они, как вооруженная до зубов банда, а я пытаюсь что-то сделать голыми руками. Но я не сдамся. Я только сделаю вид, что смирилась. Они у меня еще получают».

Дверь неожиданно распахнулась, на пороге стояли двое незнакомых молодых мужиков и с ними Леонид Царьков.

– Принимай, Аннушка, обнову.

Мужики начали распаковывать и собирать стильную офисную мебель. Леонид давно обещал сделать подарок. Уже стало казаться, что просто шутил. И вот, надо же, сдержал слово. Черная мебель – это стильно. Совсем другой вид у кабинета.

У Кодацкого меняли весь интерьер. Редактор ошалел от неожиданно свалившегося счастья:

– Ну, Леня! Нет слов.

– Мы кто? – задумчиво сказал Царьков. – Мы, ребята, друзья. А друзья должны друг другу помогать. Только не думайте, что вы мне теперь должны.

– Нет, – с жаром возразил Кодацкий, – с нас причитается. – Аннушка, надо о «Спарте» репортаж сделать.

– Вот повалят к нам пацаны, тогда и напишем, – отвечал Царьков. – Аннушка, ты бы просто так зашла, глянула одним

глазом. Такого нигде нет. Ноу-хау! Можешь Булыкина своего взять. У меня ни от кого секретов нет. Одно дело делаем.

Ланцева достала сигареты:

– Тогда, может быть, и Радаева взять?

Леонид щелкнул зажигалкой:

– Возьми. Нормальный был пацан, из хорошей семьи. Не знаю, что его не подвиги потянуло.

– Вы случаем, не вместе Спартой увлекались? – спросила Анна.

– Что значит вместе? Я постарше его буду, лет на семь, наверное. Нас тренер увлек. Это помогало ему держать дисциплину. Спартанцы ведь не пили, не курили...

– А ты, Леня, оказывается, романтик, – посмеиваясь, сказала Ланцева. – Если мне не изменяет память, самого знаменитого спартанского царя тоже звали Леонидом. Знаешь, у меня есть одна теория. Я думаю, человек строит миф насчет себя, исходя из своей внешности или имени. У тебя не тот случай?

Царьков присел и похлопал по новому столу ладонью. Так делают борцы, когда противник берет их на невыносимый болевой прием.

– Пощади, Аннушка, твои вопросы не для моего ума. Какой миф? – И неожиданно сменил тему. – Ты, я слышал, за Цепневу взялась. Давно пора. Эта маразматичка слишком заседлась. Я целиком на твоей стороне. Хочешь, я дам Цепневой отступных, пусть только уйдет без скандала?

– Сколько дашь? – спросила Анна.

– Ну, сколько? – Царьков замялся. – Сто – мало. Двести? Мало. Триста? Тоже мало. Власть для Цепневой дороже денег. Но, думаю, если полмиллиона предложить, задумается.

– Ты готов выложить пятьсот тысяч?! – ахнула Ланцева.

На лице Царькова было написано, что ради нее на все готов.

Оставшись одна, Анна залюбовалась новой мебелью. Красивая. Правда, пахнет корыстью. «Взятка, натуральная взятка», – думала она, поглаживая компьютерный стол. Но что с этим поделаешь. Откажешься – только врага себе наживешь. И – не его одного. И станут тебе врагами все друзья твоего врага.

Стала переключать бумаги из старого письменного стола в новый. Компьютер просигналил, что поступило новое сообщение. Текст был короткий. «Осмотрите мебель, в древесине иногда заводятся «жучки». Подпись неизвестного доброжелателя отсутствовала.

Анна не успела ничего подумать по этому поводу. В дверях неожиданно возник Булыкин.

– О, какая обнова!

– Подарок Царькова.

– Необыкновенной доброты наш меценат. Знаешь, – признался Булыкин, – я иногда думаю, откуда у него столько денег? Неужели на одних лекарствах зарабатывает? Или с него

за благотворительность налогов меньше берут?

Анна приложила палец к губам и показала электронное сообщение

Булыкин написал на листке бумаги: «Почитай что-нибудь вслух». Чтобы проверить мебель, ему требовалось время.

Анна стала читать вышедшую накануне в московской молодежке статью:

– «Средняя зарплата в Поволжье – 5 тысяч. Но такую работу еще нужно найти, – говорит Свищева, мать троих детей, живущая на Локомотивной улице. – Заплатишь за квартиру, электроэнергию, телефон... Что на жизнь остается? Картошку возем из деревни, макароны и тушенку закупаем оптом на рынке. Младший джинсы просит, а у меня до зарплаты 200 рублей на неделю осталось. Он рад бы подработать, но куда его в 14 лет возьмут?» Где подросткам делать карьеру? – спрашивает автор статьи. И отвечает – только в группировках».

– «Москва разбухает от денег, – продолжала читать Анна. – Но стоит отъехать от столицы сто километров, и вы попадете в полунищую провинцию, схожую с Поволжским регионом. Наверно, федеральный центр спохватится, когда волна подросткового беспредела докатит до Подмосковья. Но будет уже поздно».

Булыкин нашел довольно увесистого «жука» граммов 60, не меньше. Однажды ему уже приходилось видеть что-то подобное. ТСМ-0310, предела дальности приема не существу-

ет, батареек не требует, управляется автоматически и никак не влияет на нормальную работу телефона.

Извлекать не стал. Пусть те, кто установил, думают, что их номер удался.

Никита знаком показал: надо выйти в коридор.

Подошли к окну, закурили. Ланцева нервничала.

– Ну и как мне теперь себя вести? Все время фильтровать базар? Что, вообще думаешь?

– А что тут думать? – отозвался майор. – Ты под колпаком у Царькова.

– А Лещев, как думаешь, имеет к этому отношение?

– Едва ли. Ему самому надо «жуков» поискать, и в кабинете, и в машине. Я слышал, его снимать собираются. Ты как? За него или против?

– Такие, как Лещев – наш обычный выбор, – отвечала Анна. – Нам же не приходится выбирать между хорошим и лучшим. Мы обычно выбираем лучшее из зол. А ты не мог бы сам поискать у него «жуков»?

Царьков пожал плечами. А почему нет? Если есть возможность оказать услугу мэру, почему не оказать? Если уволят, поможет с работой.

Булыкин раздумывал, как выйти на Кадровика. Может, обратиться к колониjsким операм? Они напрямую заинтересованы. Если Кадровик предлагал освободившимся зэкам заняться распространением наркоты, то зелье никак не обой-

дет стороной колонию. Но опера могли зашевелиться только в том случае, если сами не причастны к этому «бизнесу».

Зря сомневался. Оказалось, опера уже заметили странного мужика с военной выправкой. Время от времени отирается возле зоны. Кто такой? Мужик представился агентом по найму рабочей силы для дорожного строительства. Удостоверение, вроде, не липовое. И организация такая в справочнике значилась. Операм бы позвонить и справиться, работает у них некий Гридасов Анатолий. А они даже фамилию не записали.

Пообещали Булыкину: как только этот тип появится, они организуют ему сопровождение. Попробуют установить, на чем ездит, с кем встречается, где живет.

Позвонили через день. Сообщили марку машины – «Тойота-Камри», номер. Никита примчался, разглядел Кадровика. Рост выше среднего, прическа бобриком, белые джинсы, голубая тенниска, дорогие часы, лица не разглядеть – солнцезащитные очки. Гаишники проверили его водительское удостоверение и сообщили по рации: Гридасов Анатолий Васильевич.

Вести Гридасова было трудно. Он хитро перестраивался, включал поворотники, делал вид, что собирается свернуть, а несся по прямой. Проезжал на красный свет, нарушал скоростной режим, летел по встречке. Чтобы не выдать себя, Никите пришлось отстать.

Подъехал к «Спарте», поставил свой «жигуль» у ворот. И

оторопел. Рядом с «Опелем» Ланцевой и «Жигулями» Гоши стояла «Тойота-Камри», которую он только что выслеживал.

Бригада турок заканчивала ремонт «Спарты». Гастарбайтеры выносили строительный мусор, мыли окна.

Двухэтажное здание было отделано желтым сайдингом. В больших витражах – фигуры атлетически сложенных спартанцев. Паркет, новая мебель. Зал для дискотеки, комнаты для занятий каратэ и кикбоксингом.

Царьков водил гостей по зданию и говорил без умолку. Тренеры подобраны, инвентарь закуплен, осталось завезти. Набор в секции заканчивается, занятия будут бесплатными. Уже записалось больше трехсот ребят. И это только начало. Через полгода охват увеличится в три-пять раз...

Едва завидев гостей, подростки, если они сидели, вскакивали и застывали в стойке «смирно». Причем, делали это с видимым удовольствием.

Анна спросила Царькова:

– Интересно, как это вам удается?

– Очень просто, – ответил Леонид. – Мы говорим: когда вы станете взрослыми, перед вами будут вставать точно так же.

Анна отметила: подростки ходят с опущенными глазами. А взрослых мужчин в «Спарте» гораздо больше, чем можно было ожидать.

У Царькова и на этот счет были пояснения:

– Подростки у нас ни в одном помещении не предоставле-

ны самим себе. А то, что в глаза не смотрят... Они ж сегодня наглые, высокомерные, это надо выдавливать.

«Наверно, он мог бы стать хорошим педагогом», – подумала Анна. Царьков прочел ее взгляд:

– Не могу без ежедневного общения с детьми. Они ко мне тянутся, я – к ним.

Прозвучало, как в интервью, но чувствовалось, что Царьков говорит искренне, Хотя в его словах было еще что-то, о чем можно было только догадываться. «Ему нравится быть с детьми, он для них кумир, – думала Анна. – А быть кумиром – эта обладать властью. Ему нравится власть».

В спортивном зале шел поединок по кикбоксингу, больше похожий на жестокую драку. Страсти спортсменов разжигал сам тренер, молодой мужчина с грубым лицом, жующий жвачку. Покрикивал, чтобы удары наносились в полную силу.

– Готовите к соревнованиям? – поинтересовалась Анна.

– С кем нам соревноваться? – высокомерно ответил тренер. – Спартанцы не участвовали в олимпийских играх. Они готовили не атлетов, а воинов.

Царьков не упустил случая сесть на свой конек:

– Другие греки, Аннушка, шли на бой под дикий рев труб. А спартанцы – под свист свирели. Шли, как на пир, их боевой пыл приходилось не разжигать, а умирять.

– Спартанцы шли в бой под звуки флейты, – поправила Ланцева. – Хотя, возможно, у них были и свирели. А где у

вас секут розгами? – неожиданно спросила она. – Вы должны сечь раз в год просто так и учить воровать.

– Мы внедряем только приемлемые наказания, которые существовали в «Спарте», – сказал Царьков.

В сторонке сидел на низкой скамейке пацан лет четырнадцати (это был Свищ), почему-то в женском платье.

– Наказан за трусость во время учебного боя, – коротко пояснил тренер.

Перед тем как пойти в «Спарту», Анна прочла самые интересные книги о Древней Греции. Теперь ей было понятно, почему спортивные костюмы у ребят красного цвета. Так одевались, идя в бой, спартанцы. Чтобы не видно было ран и крови.

А это что такое? На стене странный лозунг «Бей на смерть!»

– Это просто ошибка. Художник перепутал слово бей со словом бой, – спокойно объяснил Царьков.

По его знаку охранник снял лозунг и с демонстративным видом порвал на части.

– В какую сумму обходится тебе «Спарта»? – поинтересовалась Ланцева.

Леонид ответил с обиженным видом:

– Причем тут деньги? Я достаточно зарабатываю, могу себе позволить. Если со мной что-нибудь случится, центр будет носить мое имя. Я на это очень рассчитываю.

Царьков сегодня что-то нервничал. Когда сели выпить ко-

фе, попросил подать ему кефир. Сказал, что врачи нашли у него язву двенадцатиперстной кишки. Язва в этом возрасте может быть только в двух случаях. Либо человек неправильно питался, либо получал в неслабых стрессах кувалдой по голове.

– Нервы? – спросил Никита.

Царьков объяснил наследственностью. Мать, царство ей небесное, страдала такой же язвой.

Они спустились со второго этажа в вестибюль. Отчего-то беспорядочно сновали, не поднимая глаз, подростки. Некоторые здоровались по второму или даже третьему разу. Многих Булыкин знал в лицо. Что за хоровод? Мелькнули братья Чесноковы. Несли какую-то большую коробку. Антон был бледен, обычно очень уверенный в себе Руслан выглядел растерянным.

– Чесноковы у меня в активе, – пояснил Царьков, голос его подрагивал. – Очень исполнительные, ребята. Два раза повторять не нужно.

– А можно с ними поговорить? – спросила Анна.

По лицу Царькова пробежала растерянность. Чесноки, услышав ее слова, ускорили шаг и исчезли из виду. Когда заторопились, то стало видно, что коробка, которую они несли, очень тяжелая.

– Я хотела только спросить, как им здесь. Куда же они рванули? Верните их! – чувствуя странное волнение, воскликнула Анна.

Ей вдруг показалось, что это не простая коробка, в ней что-то есть. Она поискала глазами Булыкина. Тот в это время говорил о чем-то с тренером. Гоша глазел по сторонам.

Анна подошла к Булыкину, сказала вполголоса:

– Ты видел Чесноковых? Они несли коробку.

Никита все видел, только не придал значения.

– Они вынесли коробку во двор и погрузили в машину с мусором. А ты что подумала?

– В коробке не может быть тело человека?

– С чего ты взяла?

Булыкин задал этот вопрос по инерции, а сам уже понял – возможно, Анна права. С этой коробкой что-то не так. Что в ней, такой большой, может быть? Почему так странно вели себя Чесноки? Никита до сих пор ходил по зданию, искал глазами Гридасова. Его нигде нет. А «Тойота-Камри» стоит возле ворот. Где же сам Кадровик? Куда он, черт побери, пропал?

Теперь не оставалось ничего другого, как следить за его машиной. Разговаривая с Царьковым в вестибюле, Никита встал так, чтобы видеть ворота «Спарты». Машина с мусором отъехала, а братья Чесноковы нырнули в «Тойоту-Камри», иномарка рванула с места и скрылась из виду.

Булыкин сделал вид, что ничего не замечает. Куда братья могли так рвануть? Догоняют мусорку? Он может, конечно, сесть в свои «Жигули» и броситься вдогонку, но толку?

Царьков предупредит Чесноков по мобильнику.

Нет, надо изображать из себя недотепу и дослушать, что скажет на прощанье Царьков. Вот, он уже не дергается, успокаивается. Благодарит за внимание. Просит заходить еще. Он всегда рад.

Булыкин бывал раньше в этом особняке, когда там был универмаг. Чего-то не хватало сейчас его глазу, когда он стоял в вестибюле, готовый выйти на улицу. Вот! Раньше у самого входа вниз вела лестница. В подвальном помещении был обувной отдел. Оттуда пахло кожей и обувным кремом. Сейчас лестницы нет. Будто ее и никогда не было. Вместо двери, ведущей к лестнице, стена. Странно. Как можно отказать от подвального помещения. Или вход в подвал теперь в другом месте?

«Нужно зайти в БТИ, изучить планировку здания», – решил Булыкин.

Но прежде он направился в поликлинику. Попросил амбулаторную карту пациента Царькова. Надо же! Действительно, лечит язву двенадцатиперстной кишки.

Попросил амбулаторные карты его родителей. Люди еще не очень старые, оба работают. Каждую осень отец лечится от гипертонии, у матери большие почки. Но язвой никто не страдает.

А главное, мама-то жива!

Дверь кабинета Ланцевой была полуоткрыта. В приемную вошла пожилая женщина и стала жаловаться на милицию.

Не хотят искать ее сына.

Булыкин не посвятил Анну, что занимается Кадровиком. Они хоть и одно дело делают, но не всем же делиться. Поэтому она наострила уши, не потому что фамилия Гридасова о чем-то ей говорила, а просто так. Естественная реакция журналиста на странную пропажу человека.

– А что с вашим сыном? Сколько ему лет? – спросила секретарша Вика.

– Он с 75-го года, живет отдельно, мы часто созваниваемся, а тут на звонки не отвечает.

– Взрослый мужчина, может, у кого загостился? А чего вы от нас-то хотите? – спросила Вика.

– Можно дать объявление, в газете и по телевидению? Текст я составила.

Вика прочла вслух:

– 4 июля ушел из дома и не вернулся Гридасов Анатолий Васильевич, 75 года рождения, высокий плотный стройный шатен, прическа короткая.

– А на работу звонили?

– Он временно не работает. Год как демобилизовался из армии. Он бывший офицер.

– Хорошо. Я сейчас.

Вика скрылась в кабинете. Ее не было минут пять. Кодацкий говорил с кем-то по телефону. Потом появилась.

– Мы опубликуем ваше объявление.

– Сколько я должна? – спросила женщина.

– У нас объявления бесплатные.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Ланцева вышла в коридор и позвонила по мобильнику Булыкину.

– Никита. Женщина разыскивает сына. Гридасов Анатолий, 75-го года рождения.

У Никиты сильно забилося сердце. Он ругал себя последними словами. Нет, он больше не будет ничего таить от этой женщины.

– Исчез, говоришь? А ты как сегодня завтракала, плотно?

– Хочешь меня покормить? Где?

Они приехали в ресторан, заняли столик у окна. Скужающая официантка тут же подошла к ним. Посетителей было не густо. Ланцева заглянула в меню, увидела безбожные цены и поставила условие:

– Рассчитываемся по-товарищески.

Булыкин развел руками. Он знал, что возражать бессмысленно.

Заказ был скромный, без спиртного. Официантка ушла с оскорбленным видом.

Булыкин попросил показать ему сумочку.

– Тогда надо проверить и машину, – шепнула Ланцева.

– Проверим и машину. А сейчас – сумочку.

Осмотр показал, что они могут разговаривать спокойно.

Никита придвинулся поближе. Если за ними наблюдают,

пусть думают, что они шепчутся о сердечных делах.

Он рассказал все, что знал о Кадровике-Гридасове, о его странном исчезновении в «Спарте», о его машине, которую неизвестно куда угнали Чесноки.

Анна выпила залпом бокал минералки:

– У меня эта коробка из головы не выходит. Неужели в нее могло поместиться тело мужика?

Булыкин объяснил: даже остывшее тело можно сложить, как угодно. Достаточно размять суставы. Вспомнил случай: тело взрослого человека поместилось в коробке из-под небольшой стиральной машины.

– Теперь к вам поступит объявление от милиции, – сказал он. – Обнаружен труп с такими-то признаками. На трупе присутствует такая-то одежда. Просим установить личность трупа. Хотя, скорее всего, Гридасова уже не найдут. Пропал же семь лет назад Гриша Федоров. И – с концами. Но мы можем что-то узнать от матери Гридасова. Я сам этим займусь. Давай за твою интуицию, – Булыкин поднял фужер с томатным соком.

– Как говорит Гоша, за чуйку! – подхватила Анна.

– Ох, этот Гоша! – Булыкин поморщился.

– А тебе не показалось кое-что странным? Царьков и наш Гоша сделали вид, что не знают друг друга. А нам самом деле, по-моему, хорошо знакомы.

– Гоша – засланный казачок, это однозначно, – подтвердил Никита. – Вообще, безрадостная картина получается. На

нашем месте опергруппа должна работать.

– А чего Шокину не доложишь? Пусть даст людей.

Никиту передернуло:

Ланцева с грустью проговорила:

– Господи, что творится? Почему я не еврейка?

– Ну, знаешь! – не поддержал ее иронию Булыкин. – В этом Израиле тоже черт знает, что творится. – Ну, ладно, что мы все о деле. Послушай этот аромат.

Никита достал из кармана коробочку с дорогими духами.

– «Сислей», – прочла Анна. – Однако, у тебя вкус. А про то, что аромат не нюхают, а слушают, откуда знаешь?

– Нравится? – спросил Никита.

– Ничего.

– Вот и душись.

– Ой, все испортил! Ну, кто говорит душись? А правда, что даже если кости человека сожжены до дотла, от них все равно остаются мельчайшие частицы? Это я к тому, что человек не может исчезнуть бесследно.

Никита разочарованно вздохнул. Нет, эту женщину невозможно переключить на лирический лад.

– Для того, чтобы полностью сжечь человеческое тело, Аннушка, нужно несколько кубометров дров. Неэффективный это способ сокрытия трупа.

Они вышли из ресторана и сели в машину. Булыкин повернул ключ зажигания и тронул с места. Но Ланцева движением руки попросила его остановиться. Она кого-то увидела.

Из остановившегося неподалеку шикарного белого «Лексуса-купе» вышла яркая высокая блондинка. Вся в белом, белая даже оправа солнцезащитных очков. В шаге позади нее шел парнишка, видимо, охранник. Хотя для охранника выглядел неубедительно. Роста не хватает, мышечной массы.

– Какие люди в нашей Пырловке! – удивилась Анна. – Знаешь, это кто? Заварзина!

В мозгу Булькину тут же щелкнуло: в таком случае, не Пичугин ли ее спутник? Особые приметы – неизменная бейсболка и черные очки. А тут – только очки. И вообще не похож на жуткого киллера. По виду совсем пацан.

– Ты уверена, что это Заварзина?

– Ну, не на сто процентов, – отвечала Ланцева. – Я ее вживую не видела. Только на экране, на фотографиях.

Заварзина (если это была она) и ее спутник скрылись в дверях ресторана. «Ну и что делать?» – лихорадочно сообщал Булькин.

– Аня, тебе придется поймать частного.

– Ну, вот, – с иронией отозвалась Ланцева. – Ненадолго же хватило твоей галантности.

Никита усмехнулся:

– Поражаюсь замечательным людям нашего уголовного мира. Хотят, чтобы их не поймали, но при этом не желают ни в чем себе отказывать. Если бы не этот двухместный «Лексус», мы бы их не заметили. Аннушка, ты приносишь удачу.

– Не пугай меня, – отозвалась Ланцева. – Удачи рано или

поздно заканчиваются. А я, между прочим, не на «Лексус» обратила внимание. У этой Заварзиной внешность леди. В нашей Пырловке такие не водятся. А в чем, собственно, дело? Чего она так тебя взволновала?

– Не она, а этот тип в очках. Это, Аннушка, некто Пичугин. Как тебе фамилия?

– Птичья фамилия. И что?

– Это киллер особого разряда, штучной подготовки. Отирается у нас с апреля.

Брови у Ланцевой поползли вверх, глаза округлились:

– Слушай, – воскликнула она, – а Ваню Томила и Макарова – не он?

– В том-то и дело, что по почерку – он!

– А чего молчал?

– Я думал, он свалил.

У Булыкина зазвонил мобильник. Это был Гоша:

– Командир, на вас смотрит видеочамера ресторана. Между прочим, у «Спарты» тоже скрытые видюшники по всему периметру. А вы не могли бы сейчас уехать?

Булыкина вскипел: блин, бывший гопник, непутевый мент и раздолбай Гоша отдает ему распоряжение! Отводит удар от киллера Пичугина? А как еще понимать? Только так.

– Командир, нам приказано активизировать работу, я – активизирую, – пояснил помощник. – Только чего нам толкаться, мешать друг другу? Некорректно это.

«Если отводит угрозу от киллера, я уже не смогу поме-

шать, – подумал Никита. – Лучше показать, что Пичугин меня не интересует».

– Частник отменяется, Аннушка, – сказал он, включая зажигание.

– За Пичугиным следить не будем?

– Отменяется. Гоша запрещает.

Свищ бродил по микрорайону, искал, на ком бы сорвать злость. Еще лучше было бы чем-то отличиться. Чтобы в «Спарте» поняли, как его недооценили. Увидев на автостоянке бухого сторожа, Свищ сообразил, что это именно то, что ему нужно.

. Тренер устроил ему спарринг с Мировухой. Так звали тяжеловеса «Спарты». А это все равно, что устроить драку слона и Моськи. Мировуха имел коричневый пояс по кикбоксингу, забивал до полусмерти самых накачанных грифов. Он бил Свища не в полную силу, но все равно это были удары молотом. Естественно, Свищ стал искать пятый угол. Тренер обвинил его в трусости и велел надеть женское платье. Так наказывали в Спарте. Отказаться было невозможно. Откажешься – совсем выгонят, за неподчинение старшему. А жить на улице одному – разве жизнь?

Свищ был пацан с гонором и амбициями. В будущем он видел себя рядом с Русланом, по правую или левую руку, это неважно. Надо только подрасти и подкачаться. А потом он сменит Руслана, когда того посадят или отвезут на кладби-

ще. Свищ знал, что у него те же перспективы, но это не пугало, а только вдохновляло его. Он был карьерный пацан.

Лешка Барминов принимал на автостоянке очередного клиента, едва держась на ногах. Он был пьян, как сто китайцев. Свищ подошел и сказал, что стоянка без того полная. Надо делиться. Иными словами, надо отказать клиенту под предлогом, что все свободные места заняты. Пусть ставит машину возле подъезда и платит Свищу.

– Исчезни, – отмахнулся Лешка.

– Пожалеешь, – пригрозил Свищ.

– Исчезни! – рявкнул Лешка.

За три года отсидки он потерял чувство реальности. Он жил старым представлением, что младшие должны знать свое место. Он не придавал значение словам брата Славки, когда тот сказал ему, что грифы окончательно поработили бармалеев. Не знал, что самый плюгавый гриф может запросто наехать на самого крутого бармалея, и тот должен уйти в сторону, если не хочет, чтобы ему пересчитали зубы.

Лешка сдал смену и пошел на неверных ногах домой. Путь ему преградил сквер со стелой в честь павших героев и вечный огонь. Лешка нарвал на газоне гвоздик и положил на плиты. Отдал честь. В глубине души он был большой патриот. Если бы его не посадили за хулиганку, а отправили служить, он бы не подгадил. Он бы доказал, что за родину он горой.

Он постоял немного, потом сел прямо на плиты, у газовой-

го пламени. Горелка издавала легкий гул. Лешку тут же смо-рило газом. Если бы мимо шли люди, они бы что-то сделали. Но в сквере было пусто. Один только Свищ стоял в кустах и соображал, что лучше сделать: поджарить лоха со стоян-ки или дать ему надышаться газа. Свищ подошел к Лешке и пнул его в живот. Лешка даже не шелохнулся. Свищ наступил ему на голову. Никакой реакции.

Свищ огляделся – никого. Перевернул лоха на живот и подтянул ближе к огню. Еще раз оглянулся и положил лицом прямо в огонь. Думал, лох заорет от боли и мигом придет в себя. Но пьяный в лоскуты Лешка сделал два-три судорож-ных глотательных движений и затих. Противно запахло жа-ренным мясом.

Свищ скрылся в кустах.

Прохожие заметили неладно, когда на Лешке загорелась одежда. Его оттащили от огня поздновато, лица у него прак-тически уже не было. Приехала «скорая». Тело положили на носилки и укрыли с головой.

Вскрытие обнаружило в организме пострадавшего запре-дельную степень алкогольного опьянения. Горожане сходи-лись во мнении – ужрался, скотина. Свищ похвастал среди грифов, что это его рук дело.

– Ладно тебе звездеть, – сказал ему Руслан.

– Падлой буду, я его зажарил, – поклялся Свищ.

– За что?

– Делиться не хотел. Грубил. Я все-таки гриф, А он кто?

Руслану почувствовал замешательство. В этом возрасте он бы такое не смог. Он жесток, но не до такой степени. «Подрастет и когда-нибудь меня поджарит», – подумал он о Свище.

Бюро технической инвентаризации размещалось в цокольном этаже старинного особняка. Булыкин припарковался напротив. Сновали люди. Можно представить, что там внутри: забиты все коридоры. БТИ без очередей – не БТИ.

Внутренний голос подсказывал Никите – не лезь напролом. Эта шарашка и раньше-то жила на подношениях и взятках. А сейчас... Стоит тебе проявить интерес к планировке, об этом тут же станет известно Царькову.

Нужно было придумать благовидный предлог. А пока неплохо бы заглянуть в кабинеты. Не может быть, чтобы не встретилось ни одного знакомого лица.

Побродив по БТИ, Никита заметил двух чиновниц. Одна проходила по делу об изнасиловании в качестве потерпевшей. Давно это было, но она узнала Булыкина и даже поздоровалась. Наверно, вспомнила, что опер беседовал тактично и сочувственно. Другая сделала вид, что видит Булыкина впервые. Будто не проходила свидетельницей по делу об ограблении банка «Феникс».

Булыкин подошел поближе:

– Не узнаете?

– Ой, простите, – бухгалтерша покраснела

– Сменили профессию?

– Не совсем.

– А чем здесь занимаетесь?

– Ой, я обыкновенный техник. Обмериваю, обсчитываю.

В смысле, вычисляю. А вам что-нибудь надо?

Булыкин посмотрел женщине в глаза.

– Дачу покупать собираюсь. Хочу узнать, какие требуются документы.

Соврал неудачно. Документы требуются не покупателю, а тому, кто продает.

– Ну и как здесь? – он сделал характерный жест пальцами: в смысле, как платят.

– Мне хватает. И – никакого риска.

Никита огляделся по сторонам и спросил, немного ерничая:

– У меня до сих пор не выходит из головы, почему вы тогда не нажали тревожную кнопочку? Ведь кнопочка, как показал следственный эксперимент, у вас под ногой была, а?

Бухгалтерша тоже огляделась и ответила в тон:

– А вы знаете, когда рядом убивают, то тут не до героизма.

Чего вы хотите, я все-таки женщина.

– Кстати, а где сейчас работает ваша напарница, кассирша? – спросил Никита, прикидываясь шлангом.

– Как? – сильно покраснев, выдохнула бухгалтерша. – Разве вы не знаете? Утонула. Заплыла и... То ли ногу свело, то ли...

– И когда это было? – продолжал прикидываться Булы-

кин.

– Через месяц примерно после того случая, – бухгалтерша имела в виду налет.

Надо было брать эту тетку тепленькую, пока она трепещет от страха. Потом придет в себя, и тогда ее уже ничем не проймешь.

– Покажите мне план здания особняка, где раньше был универмаг, – потребовал Никита.

Судя по его тону, любые возражения были неуместны.

– Не могу, не имею права, – пролепетала бухгалтерша.

– Я посмотрю этот план здесь, и вы тут же положите его в сейф.

– Я не могу. План не в моем сейфе. Мне его не дадут. Мне скажут: для кого? И тут же позвонят Царькову.

– А ты сама можешь взглянуть на этот план?

Бухгалтерша ответила после короткого раздумья:

– Скажите, что вам нужно, и я постараюсь это сделать.

– Мне нужно знать, есть ли в плане подвал.

– Хорошо, я постараюсь.

«А что, если она сейчас позвонит Царькову? – думал Булыкин, уходя от из БТИ. – А что будет, то будет».

Разговор с Гридасовой вначале шел через цепочку. Женщина наотрез отказалась открыть дверь. Какая еще милиция? К ней только вчера приходили. Снова, что ли?

– Вы телевизор смотрите? Я подростками занимаюсь. Меня часто показывают. Вспомнили? Как вас зовут? – ласково

говорил Булькин.

– Валентина Петровна.

Гридасова то ли узнала, то ли ответила на мягкое обращение – сняла цепочку, открыла дверь. Это была крупная женщина с властным лицом.

– Что случилось, Валентина Петровна?

Гридасова подняла глаза, в которых стояла боль:

– Я уже никому не верю.

Из прихожей была видна маленькая кухонька. Старенькие шкафы, старенький стол. Видна была и комнатка: старый гарнитур, старый палас. Все куплено еще в советское время. Хорош Кадровик, не удосужился поправить материальное положение матери.

– Сын жил не с вами, Валентина Петровна?

Женщина кивнула.

«Ну, конечно, разве мог он жить в таком убожестве».

– Вы часто отчитывали сына, что он неправильно живет. А он вам говорил, что только сейчас начал жить нормально, так? У вас были вторые ключи от квартиры сына. У вас их забрали, так?

Гридасова молча кивала.

На кухонном столе фотоальбом. Ну, правильно. Чем еще может заниматься мать, потерявшая сына? Что ей теперь жить, если не прошлым?

Из глаз Гридасовой покатались слезы:

– Они забрали все фотографии Толи.

Она имела в виду современные фотографии. Но были, наверное, ранние. Почему были? Они-то как раз и должны остаться.

– Валентина Петровна, неужели ни одной современной фотографии не осталось?

Гридасова достала из серванта снимок сына в форме. Что же ему не служилось? Шалопайская физиономия Анатолия Гридасова говорила о том, что воинская служба – не для него. Зачем тогда пошел в военное училище? Ладно, не это сейчас важно.

– Вы знаете, где жил Анатолий?

Гридасова развела руками. Ну, правильно, зачем ей знать. Но и ему, Булькину, тоже не так важно. Квартира уже подчищена.

На подоконнике – стопка учебников русского языка и литературы. Не иначе, как Валентина Петровна педагог, занимается репетиторством.

– Те, кто к вам приходил, показали удостоверения? Или вы им поверили на слово?

– Кому сегодня можно верить на слово? Один был в форме, – сказала Гридасова. – Две маленькие звездочки. Другой в штатском.

– Этот, с двумя маленькими звездочками, небритый?

– Да, странно как-то, в форме и со щетиной. Неужели вам это разрешают?

– Мода, Валентина Петровна.

Гридасова самолюбиво поджала губы:

– Этот модник мог бы повежливей разговаривать со старшими.

Булькин попросил:

– Валентина Петровна, если этот модник снова появится, не говорите, что я был. Мы с ним в салочки играем.

Зазвонил мобильник. В трубке был голос бухгалтерши:

– Чертеж здания заменен, и подвал на нем не обозначен.

«Ай, да Царьков! – воскликнул про себя Никита. – Что же у него в подвале? Как это узнать?»

– Как вы можете так работать? Неужели самим не противно? Вас так не любит народ! – сказала на прощанье Гридасова.

Никита озадаченно почесал в затылке.

– А помните, что говорили в советское время порядочным людям, которые не хотели вступать в партию?

– Помню. Вступайте, и партия будет лучше.

– Вступили?

– Не вступила.

– Не жалеете?

– Жалею.

– Ну, вот, сейчас в милиции примерно такая же ситуация. Не идут порядочные люди. Ничего больше не скажете, Валентина Петровна?

Гридасова несколько секунд колебалась, потом шепотом сообщила:

– У сына в коробке из-под обуви хранились паспорта на машины и ключи. Я как-то нечаянно увидела. Спрашиваю, зачем это тебе? Занимаюсь, говорит, перепродажей машин. Знаете, дети о стариках думают, что они совсем из ума выжили.

– Где эта коробка?

– Изъяли.

«Ну и что происходит? – думал Булыкин. – А то, что тут организация, и Гоша играет в ней не последнюю роль. А его раздолбайское поведение – всего лишь маска. А я суечусь (или суетюсь?), как мама на перроне, поезд все время уходит из-под носа. Я даже приблизительно не знаю, сколько людей в этой организации».

Сделав этот оскорбительный для себя вывод, он по совершенному наитию спросил:

– Валентина Павловна, а вы случаем не считали, сколько было связок ключей?

– Коробка была полна полнешенька.

«Сотни две ребят в этой организации. Это только тех, у кого машины, – подумал Булыкин. – А нас трое. Ха-ха!»

Работать дальше бок о бок с Гошей Булыкин не мог. Впрочем, и работы совместной не было. Помощник то развлекался с компьютером, то ошивался непонятно где. Все мог решить откровенный разговор. Но если предположить, что помощник – оборотень, подобная разборка была бы, как мертвому припарки.

И все же Никита не выдержал:

– Ну и что означает твой вчерашний звонок? Как это все понимать? Да прекрати ты жевать эту гадость!

Гоша выплюнул в корзину жвачку и мрачно смотрел прямо перед собой. Тяжко вздохнул:

– Я, конечно, понимаю, командир, ваши чувства, но...

– Что но? – взорвался Никита. – Если ты сейчас же не внесешь ясность, топай к Шокину и проси, чтобы тебя перевели в другой отдел.

– Объяснение будет позже, командир, потерпите еще немного.

– Хватит с меня. Лопнуло мое терпение.

Зазвонил телефон. Гоша первым схватил трубку.

– Давай-ка я буду снимать, – процедил Булыкин.

Гоша развел руками: мол, как скажешь, командир.

Никита ждал звонка. Ребята из ДПС должны были задерживать Чесноковых. Просто так, для профилактики. Братья ездили за город каждое утро. А ближе к вечеру ездили еще раз. И все в то же место – в лесной массив Топельник. Вести за ними наблюдение, оставаясь при этом незамеченным, было практически невозможно. Все подъезды к лесу – как на ладони. Ребята из ДПС должны были осмотреть машину. Вдруг братья что-то возят?

Сегодня утром на выезде из города дорожно-постовая служба не зафиксировала Чесноковых. Похоже, изменили маршрут. Нужно ждать вечера. И вот на часах восемнадцать

ноль ноль, а ДПС молчит.

Звонок раздался в 18.20. Милиционер говорил со сдерживаемым волнением:

– Надо бы вам приехать, товарищ майор. Тут такое дело. Они не дают осматривать машину. Взятку предлагают. Сто тысяч, десять процентов от суммы. У них с собой миллион, товарищ майор, – в голосе милиционера звучало большое уважение.

Булыкин сказал, что сейчас приедет, и стал убирать со стола в сейф бумаги.

Выйдя из кабинета, он постоял несколько мгновений в коридоре, возле приоткрытой двери. Гоша разговаривал с кем-то по мобильнику и одновременно спешно отключал компьютер. Судя по выражению лица, он был полон рвения.

Никита спустился вниз. Он только сел за руль и включил зажигание, как зазвонил мобильник. Секретарша Шокина срочно просила зайти.

Булыкин взвился:

– Скажите, что я буду через полчаса.

– Полковник велел зайти немедленно, – проскрипела секретарша.

– У меня давление. Я только что выпил таблетку, мне нужно придти в себя, – соврал Никита, рассчитывая за полчаса управиться.

– Майор, ты где? – зарокотал в трубке голос полковника. – В машине? Я тебя вижу, – Шокин стоял у окна. – Сейчас

пришлю к тебе нашего медика.

Никита готов был, скрипя сердце, подчиниться. В конце концов, двадцать-тридцать минут, которые он потратит на Шокина, ничего не решат. Дэпээсники не отпустят Чесноковых. Но из управления выбежал Гоша и бросился к своему «жигуленку».

Булыкину отключил связь с полковником и выскочил из машины наперерез Гоше:

– Ты куда?

– У меня приказ.

– Какой приказ?

– Командир, есть начальники повыше вас.

Булыкин бросился к своей машине. Но Гоша на секунду опередил его – выдернул ключ из замка зажигания.

– Ты что, охренел? Ты что творишь? – заорал Булыкин.

– Для вашего же блага, командир.

У Гоши были странные глаза. Никакой обычной вялости, только решимость. Никита понял, что не справится. Ключа ему не вырвать.

– Потом поговорим, командир, – Гоша побежал к своему «жигуленку».

Булыкин поднялся к Шокину. Секретарша сказала, что начальник занят, у него совещание. Велел ждать.

Булыкин опустился на стул. Ясно, он должен быть на глазах. Перед глазами забегали мухи. Кажется, у него, в самом деле, подскочило давление. Секретарша накапала корвалолу.

Нет, это ему уже не поможет.

Все было у секретарши: и от давления, и от сосудистого криза, и от инфаркта. Работать под началом полковника Шокина было непросто.

Вместо обычного вдувания Никиту ждала через полчаса форменная трепанация черепа.

– Майор, что ты себе позволяешь? – ревел полковник. – Тебе что, служить надоело? Хочешь машины на стоянке охранять? Где твой рапорт? Ты, кажется, рапорт писал? Где он?

– А вы что себе позволяете? – тихо спросил Булыкин.

Спросил и почувствовал, как екнуло сердце. Немудрено – за 23 года службы ни разу не давал начальству отпора. Ни в каком виде. Субординация сидела на нем, как кожа. И вот не выдержал, сорвался.

Но полковник Шокин, этот хам из хамов, неожиданно поперхнулся:

– Ты что имеешь в виду? – в глазах его стояла растерянность.

«Что имею, то и введу», – грубо подумал Булыкин. Он уже не испытывал страха. Только недоумевал: чего же так испугался начальник?

– Будет вам рапорт, – не спрашивая разрешения, Никита вышел из кабинета

Постовой ДПС, совсем молодой парень с двойным подбо-

родком, толстыми ляжками и походкой пингвина, сообщивший Булыкину о задержании братьев Чесноковых, наотрез отказался говорить об этом случае.

– Это все ваши игры, а мы люди маленькие, нам лучше держаться подальше, – пробормотал он, посматривая по сторонам.

Ясно, Гоша с ним уже поработал. Почти наверняка постовому и его напарнику хорошо заплатили. Может, не обещанные сто тысяч, поменьше. Но – не обидели.

Никиту трясло от злости, но ответил он спокойно, без враждебности, тоном старшего товарища:

– Ты меня к этим играм не приплетай. Ты только подумай, какую работу могут делать сопляки, если у них с собой миллион?

– Это не наш профиль, – милиционер сплюнул на мостовую. Слюна была тягучая, похмельная. Половину полученных вчера от Чесноковых денег он и его напарник оставили в ресторане.

– Кто велел отпустить Чесноков? Небритый?

– Мне пора, – постовой взглянул на часы. – Служба.

Никита недобро на него посмотрел:

– Скажу-ка я тебе пару высоких слов. Служат, парень, закону. А если не закону, то это не служба. Это по-другому называется. – И добавил более понятные слова. – Зря ты так со мной, парень. Еще не раз пересечемся. Мало ли что, вдруг пригожусь.

Постовой боязливо огляделся.

– У них была карта. Схема какая-то. Значки, цифры. Они за эту карту больше мандражили, чем за деньги. Все, товарищ майор, больше ничего не могу сообщить, при всем желании.

Никита задумался.

– А ты не мог бы эту карту воспроизвести?

– Нет, при всем желании, – постовой категорически помотал головой. – У меня зрительная память хреновая. Но если что-нибудь всплывет, обязательно звякну.

– Ты вспомнишь. У тебя просто нет другого выхода. Это останется между нами, – напирал Булыкин.

– По-моему, это – карта Топельника, – сказал постовой. – Самолет, когда летит из Москвы, делает там круг. Очертания те же. Топельник пересекает высоковольтная линия. И на карте она обозначена.

Отношения Царькова с Лещевым стали прохладными. С Олегом они вообще теперь не здоровались.

– Что-то мы стали плохо друг друга видеть, – саркастически заметил Царьков

Олег ничего не ответил. Он ненавидел помощника своего отца. Он часами колесил по городу, следил за его передвижениями. Теперь у него всегда была при себе видеокамера. Зачем – он не мог объяснить самому себе. Чтобы потом предъявить запись Даше? Глупо.

Охрана Царькова заметила слезку, но только посмеива-

лась над парнем и называла его в женском роде – Отеллой.

Сегодня Олега ждал еще один неприятный сюрприз. На центральном рынке открылся аптечный киоск под вывеской «Дашенька».

На глазах у Олега Царьков подвез Дашу и с интересом следил за выражением ее лица. Увидев вывеску, девушка вздрогнула и растерянно посмотрела по сторонам. Ей вдруг показалось, что над ней смеются.

– Ты чего? Не нравится? – озадаченно спросил Царьков.

– Снимите сейчас же, пожалуйста, – прошептала Даша.

Царьков кивнул своим ребятам. Те принялись снимать вывеску.

– Спасибо, – сказала Даша.

Киоск был на два продавца и оборудован по последнему слову.

– Будешь старшей, считай, что это твое владение, – сказал Царьков.

Даша не знала, что на это сказать. Она совсем запуталась.

Олег ждал у подъезда дома. Он с облегчением отметил, что сегодня Даша смотрит на него гораздо приветливей. Зашли в квартиру, сели пить чай.

– Мне плохо, – призналась Даша. – Я совсем не знаю, как дальше жить.

– Я тоже, – сказал Олег.

Они проговорили допоздна и тепло попрощались. Чувствуя себя на седьмом небе, Олег сел за руль и дал по газам.

Обычно он выезжал на улицу одним и тем же маршрутом. Это хорошо знали те, кто готовил ему пакость. Когда он увидел перед глазами в свете фар какую-то полоску, было уже поздно. Он упал вместе с мотоциклом, чувствуя, как под ворот рубашки стекает кровь.

Он тут же вскочил и увидел толстую проволоку. Один ее конец валялся на асфальте, другой был прикручен к дереву. Ему повезло. Если бы проволока была прикручена чуть выше и если бы ехал чуть быстрее, рана на горле могла оказаться смертельной.

Кодацкий проводил планерку. В отличие от Ланцевой, он считал работу информагентства профессиональной.

«Нигде столько не говорят о своем профессионализме, как в провинциальной прессе, – думала Анна. – Что за страсть такая? Комплекс, видно, играет. Серость муниципальной журналистики непоправима, как родовая травма».

Заиграл мобильник, Анна обрадовалась. Был повод выйти в коридор. Звонил Максим:

– Мама, к тебе какие-то дядьки приходили. Я дал твой телефон. Они тебе звонили?

– Никто не звонил. А что за дядьки? – Анну охватило нехорошее предчувствие.

– Наши земляки из Таджикистана.

Странно, кто бы это мог быть? Все близкие знакомые Анны давно жили в России.

– Русские или таджики?

– Русские.

Если к тебе приходят домой в твое отсутствие, а потом не звонят, хотя имеют твой телефон, в этом нет ничего хорошего.

Ланцева тут же набрала Булькина. Никита не отвечал. Он был в это время на планерке у Шокина. Анна позвонила Радаеву.

– Не волнуйся, – сказал Павел, впервые обращаясь на «ТЫ».

Через полчаса он был в квартире Ланцевой. Прошел на кухню, попросил у мальчика чаю.

– Сколько их было, Максим?

– Двое.

– Что они делали, когда вошли?

Максим сказал, что сначала спросили, как его зовут. Потом стояли в прихожей и говорили, что им нужна мама. Они были всего несколько минут. Ни в кухню, ни в комнаты не проходили.

– А в туалет никто не просился?

– Один заходил в туалет, – припомнил мальчик. – А потом в ванную, руки помыл.

Радаев зашел в туалет. Открыл дверцу, закрывающую трубы канализации. Люди обычно используют эту нишу в качестве кладовой. Чего здесь только не было. Банки, склянки, коробки. Павел запустил руку вниз и стал шарить. Пусто.

Осмотрел ванную. Здесь, кажется, тоже все чисто.

Вернулся в туалет. Еще раз осмотрел нишу. Внимание привлёк баллончик для фиксации волос. Анна волосы не фиксирует. Оля? Насчет Оли он был не уверен. Но он знал, что наркоторговцы используют баллончики с аэрозолями в качестве контейнеров.

В дверь неожиданно позвонили. Павел положил баллончик в карман. Кто бы это мог быть? Радаев посмотрел в глазок. По ту сторону двери стоял Гоша. Рядом еще двое, лиц не разобрать.

– Это он приходил? – прошептал Павел.

Максим посмотрел в глазок:

– Нет.

– Откройте, милиция! – это был голос Гоши.

Павел бросился к окну. Внизу газон. Земля – не асфальт, но четвертый этаж – это примерно двенадцать метров, высокомерно. Он неминуемо подвернет ногу и далеко не уйдет. Можно, конечно, просто выбросить баллончик в окно и остаться в квартире. Нет, баллончик могут найти, с отпечатками его пальцев.

Рядом балкон соседей. Там тихо. А если там засада? Если засада, с ним не стали бы играть в прятки.

Ему повезло. Понятых взяли как раз из этой квартиры. Чета пенсионеров, боязливо преглядываясь, уже стояла на лестничной площадке

Максим открыл дверь. Радаев в это время перелезал на

другой балкон. Он успел заметить, как из подъехавшего «Опеля» выскочила Ланцева и вбежала в подъезд.

Голос лейтенанта Тыцких звучал официально, словно раньше они не встречались.

– Гражданка Ланцева, вы можете добровольно заявить о нахождении в вашей квартире запрещенных предметов и веществ. Добровольная выдача приравнивается к явке с повинной

– Каких, к черту, предметов? Каких веществ? – вскричала Анна. Она была вне себя от ярости.

– Не надо изображать невинность. Оружие, наркотики.

– Ну да, а еще станок для печатания денег.

– Ведите себя корректно, – потребовал лейтенант. – Итак?

Ланцева ответила нервно, обращаясь к понятным и чеканя каждое слово:

– В квартире может оказаться какой-то предмет или какое-то вещество, поскольку час назад здесь, в отсутствие взрослых, побывали двое мужчин, назвавшихся моими знакомыми из Таджикистана. Никаких знакомых я не ждала. Это провокация. В квартире можно найти только то, что могли принести и подложить эти мужчины. А теперь прошу показать ордер на обыск. Вы же с обыском пришли, не так ли?

Тыцких вынул из кармана бумагу. Анна понятия не имела, как выглядит ордер на обыск. Знала только, что требуется подпись прокурора и, разумеется, печать прокуратуры.

Бумага, кажется, была подлинной.

Гоша распорядился:

– Приступаем. Прошу понятых следить за каждым нашим движением. Чтобы потом никто не сказал, что мы что-то подложили. Начнем с кухни, ванны и туалета.

Поскольку туалет был у входной двери, начали с него. Один из ментов, недолго думая, полез в нишу. Вышел с озадаченным видом и что-то шепнул лейтенанту.

Гоша полез в нишу самолично. Но и он не находил того, что должен был обнаружить. Он вышел в коридор и устался на Максима.

– Кто-нибудь еще приходил?

– Нет.

Гоша потрепал Максима по щеке:

– Умный мальчик.

Гоша вышел на лестничную площадку и вполголоса доложил Корытину обстановку. Корытин велел перевернуть все вверх дном, но найти баллончик. Начался обыск, больше похожий на погром.

Пришел с работы Фархад.

– А, травматолог! – развязно встретил его Гоша. – Как тебя, Фархад? Короче, Федя. Может, ты нам подскажешь, Федя, где тут у вас тайничок с наркотой?

Фархад оглядел устроенный ментами кавардак и неожиданно сказал:

– Я не Федя, я – Фархад. Но я больше русский, чем вы.

Гоша деланно расхохотался.

– Я получил образование в России, – запальчиво продолжал Фархад, – я думаю по-русски, я говорю по-русски без акцента, я разговариваю во сне по-русски, у меня русская жена. Если бы я что-то за собой чувствовал, какую-то вину, я бы так с вами не разговаривал. Но я чист, и все мы в этой квартире чисты. А вы хотите нас замарать.

Глаза у Гоши стали совсем нехорошими:

– Ох, некорректно ведешь себя, Федор. Знаешь, что бывает за оскорбление личности милиционера при исполнении им служебного долга?

Фархад вскипел:

– Какого долга? Это вы нанесли нам оскорбление, устроили тут погром. Уйдете и не извинитесь, а я должен отвечать за то, что меня это возмущает? Соседи подтвердят, что я даже на «ты» вас ни разу не назвал.

Гоша издевательски расшаркался:

– Ах, извините, Федя, извините.

Рулевой проводил экстренное совещание. Обстановку докладывал Коротин:

– Лично я ничего не понимаю. Это мог сделать только щенок Ланцевой, больше никому. Но как он мог догадаться?

Рулевой осадил своего зама:

– Ну, детский сад, честное слово! Ясен пень: пока вы телились, в квартире кто-то побывал. Надо было сразу ехать с обыском. Кто промедлил?

Коротин задумался. Нет, Гоша поехал тут же, как только

ему было сказано. Куда и зачем ехать, он узнал в последний момент.

– Мент мог сделать вид, что не нашел вещества или перепрятать? – спросил Рулевой.

Корытин покачал головой. Нет, помимо мента в квартире все перерыли двое его ребят.

– Если это сделал не мент и не пацан, тогда кто? Дух святой? – раздраженно спросил Рулевой.

Сам подумал: «Фамилия этого духа святого Радаев. Это он провернул, больше некому». Поймал себя на том, что втайне восхищается бывшим другом.

– Что теперь делать с Ланцевой? – спросил Корытин.

В подтексте его вопрос означал, что журналистку надо убрать. Тогда и Булыкин даст задний ход, и Радаев поскорее свалит из города.

В принципе Рулевой был не против акции. Кого-то из троих надо убрать. Для устрашения остальных двоих. Но Ланцеву ему было жалко. Если они уберут Булыкина, поднимется обязательная при убийстве мента шумиха. Остается Радаев.

– Его предупредили? Предупредили. Пусть пеняет на себя, – сказал Рулевой.

– Кому поручим? – спросил Корытин. – Пичугину?

– Поручи кого-нибудь из наших, – велел Рулевой. – А Пичугин пусть присмотрит. Только сделать это нужно быстро. Желательно прямо сегодня.

Пичугин был в маске, в руках малокалиберная винтовка, голос его звучал приглушенно:

– В обойме у тебя пять патронов, – инструктировал он Пикинеса. – Но я бы тебе советовал уложить его одним выстрелом, чтобы не оставлять на месте гильз. По пуле менты не определяют, из чего ты стрелял. Пуля от мелкашки сплющивается, понимаешь? Могут определить только по гильзе. Не оставишь гильзу – они не определяют даже точку, с которой ты стрелял. Звук у этой красавицы минимальный, как удар бича. Ты был в цирке на аттракционе со зверями?

Отморозок покачал шишковатой головой с многочисленными шрамами. Нет, не был он в цирке.

Пичугин презрительно скривился:

– Тебя бы самого там показывать. Не вздумай, урод, перед акцией обдолбаться.

Он уже ненавидел всех в организации Рулевого: и грифов и старших. И особенно Корятина, считая, что именно тот вынудил его убить пацана на школьном дворе. Решение принималось второпях, он не соглашался ни в какую. Тогда Корятин нашел подход – сказал, что пацан – стукачок, и если собранная им информация попадет в руки ментов, то не поздоровится и ему, Пичугину. Будто пацан и его заснял.

Но когда, перед тем, как нанести удар, он увидел лицо и глаза пацана, то мгновенно понял, что совершает самую большую мерзость в своей жизни. Однако рука уже была занесена. Замахнулся – бей, выхватил ствол – стреляй – это

было вбито в рефлекс.

Что-то подсказывало Пичугину, что и на этот раз его используют с тухлой целью. Он только для порядка страшал Пикиненса, а в душе желал, чтобы тот промахнулся.

Радаев подошел к гостинице, когда уже смеркалось. Входная дверь была закрыта, он нажал кнопку звонка. Пикинес спустил курок, щелкнул выстрел, пуля с противным визгом пролетела возле уха. Павел оглянулся, ожидая увидеть стрелявшего, но улица была пуста. В этот момент раздался второй выстрел. Пуля обожгла щеку. Черт! Павел почувствовал себя дичью на чьей-то охоте.

Стреляли, скорее всего, из строящегося дома напротив, укрытого зеленой сеткой. Если добежать до забора, можно выбраться из зоны обстрела.

У забора Павел взял наизготовку кусок кабеля, с которым не расставался. Ну, тварь, держись!

Пикинес сам выдал себя, свою позицию. У отморозка сдали нервы. Вместо того, чтобы дождаться, когда Радаев на него выйдет, и прикончить его с близкого расстояния, он испугался, что снова промажет. А ведь в обойме было еще три патрона, один-то мог достичь цели. Сказалась истеричность природы Пикиненса. Он оставил винтовку и бросился бежать. Ему нужно было успеть, потому что из дома был только один выход. Он споткнулся, упал, Радаев бросился на шум

В Пикинесе было много лишнего веса. Он плохо бегал. Радаев настиг его и врезал кабелем по затылку. Пикинес опро-

кинулся на спину и заорал, пытаясь привлечь внимание Шурупа. Но Шуруп предпочел отсидеться в машине.

– Из чего стрелял? – отдышавшись, спросил Павел.

– Из мелкашки.

– Поднимайся, покажешь.

Пикинес показал, откуда стрелял. Винтовка была там. Коротенькая, ладная, с обоймой. Просто загляденье.

– Я ее возьму, не возражаешь? – сказал Радаев. – А то у меня жизнь становится какая-то беспокойная. Да, и еще вот что. – Он вынул из кармана тридцать тысяч. – Отдашь, сам знаешь кому. И не дай тебе бог прикарманить!

«Ну и что теперь делать? – думал Радаев, отпустив Пикинеса. Возвращаться в гостиницу нельзя. Что там гостиница, в городе больше оставаться нельзя».

Он набрал Булыкина.

Они приехали в деревню. Никита пожарил картошку, открыл банку соленых огурцы. Предложил выпить, у него была бутылка водки, но Павел отказался.

– Правильно, – согласился Булыкин.

Павел с тоской посматривал на винтовку. Жаль было расставаться. Он даже процитировал старика из фильма «Ворошиловский стрелок»:

– Жизнь тяжелая пошла, нельзя сейчас без инструмента.

– Пусть пока будет у тебя под рукой, – неожиданно сказал Никита. – Потом решим, что с этим инструментом делать. Поживешь пока здесь, только соседу не показывайся.

Твердость Анны имела свои границы. Обыск раздавил ее. Если бы она была одна, ей было бы легче держать себя в руках. Ее ослаблял страх за сына.

Первое, о чем она подумала, когда стала приходить в себя: был ли ордер настоящим? Ответ на этот вопрос мог бы сразу поставить многие вещи на свои места.

Она посадила Максима в машину и поехала в прокуратуру. Там ее знали. Она не раз брала интервью у прокурора Иванова. Но его, как назло, не было. Он уже несколько дней находился в командировке. Что ж, кое-что уже ясно. Не он подписывал ордер.

Анна пошла к первому заместителю Петрову. Но тот тоже с утра был в отъезде.

– А Сидоров у себя? – с нервным смехом спросила Анна.

– Какой Сидоров? – удивилась секретарша.

– Есть же у вас Иванов и Петров, должен быть и Сидоров.

– Шутите?

На самом деле Анна была на грани истерики. На Булыкина у нее не было ни малейшей надежды. Кто бы ему самому помог разобраться с Гошей и Шокиным.

Что же делать? Все бросить и уехать? Но куда? Их нигде никто не ждет. Тогда на кого же опереться в этом городе? Оставался Лещев.

Войдя к Лещеву, Анна села за приставной столик и протянула написанную заранее записку «*У вас могут быть «жучки».* Я этого не боюсь. Для меня даже хорошо, если нас бу-

дут слушать. Но вы это учитывайте».

Лещев удивленно поднял брови, побарабанил пальцами по столу. Спросил обычным тоном:

– Что у тебя?

Ланцева рассказала о том, что произошло в ее квартире.

Лещев внимательно выслушал и спросил:

– А ты уверена в своих квартирантах?

– Уверена. Они никогда, ни при каких обстоятельствах не стали бы марать себя.

– И чего ты от меня хочешь? – спросил мэр. – Я не могу приказать Шокину. У нас не муниципальная милиция. Я ему не начальник. Мне только странно, что наркотиками занимаются его сотрудники. У нас, по-моему, есть Наркоконтроль.

Решив разобраться с этим прямо сейчас, Лещев нажал кнопку селекторной связи.

Объяснение Шокина звучало достаточно убедительно. Вместо Макарова, царство ему небесное, назначили совсем молодого парня, который явно не справляется. А в городе отмечается рост наркомании. Помогать Наркоконтролю его попросил лично губернатор, которого эта проблема очень тревожит. К тому же РУБОП всегда занимался борьбой с наркотиками. А лейтенант Тыцких вчерашним приказом переведен именно в это подразделение.

Шокин посоветовал Лещеву не впадать в гипноз по поводу интеллигентности мигрантов из Таджикистана. Кто только не попадает на продаже зелья. Употреблять наркотики

сейчас даже престижно. А распространять – очень денежно.

– Но ничего не найдено. Получается, сигнал ложный? – сказал мэр.

– Могли перепрятать. Какой-то темный эпизод, будем разбираться, – сказал Шокин.

– И что же, Ланцевой, так и жить – под подозрением?

– Надо жить, не навлекая на себя подозрения, – жестко посоветовал Шокин.

Положив трубку, Лещев развел руками. Мол, ничем помочь не может. Анну охватило состояние полной безнадежности. «Человек у нас может чувствовать себя уверенно только в связке, только в команде, в группе, в банде, – думала она, – Попала в беду – никто тебе не поможет, если ты одна».

Но все переменилось в считанные секунды. Вошла секретарша. Сказала, что по телевизору выступает Рогов. Мэр схватил пульт. Он предчувствовал! Он давно ждал удара с этой стороны!

Рогов сидел в своем роскошном кабинете на фоне государственного флага. Все-таки глава комитета областной Думы. Скромно сообщал, что готов принести себя в жертву и баллотироваться в мэры родного города.

– Сколько можно спокойно смотреть на безобразия в Поволжье? – говорил он, отдуваясь после обильного обеда. – Надо с этим кончать. Банды, наркотики, злоупотребления властью. Жалобы граждан идут потоком. На все это надо как-то реагировать.

– Вы уверены, что при вашем руководстве станет лучше? – спросил Кодацкий.

Рогов потупил глаза:

– Знаете, мне ведь ничего не надо, у меня все есть. Кстати, должен сразу сказать, что, как и в настоящее время, финансовой деятельностью я заниматься не буду, не имею права.

– Если у вас все есть, тогда тем более, зачем вам власть?

Лещев и Ланцева переглянулись. Ай да Кодацкий! Как же он решился задать такой коварный вопрос? Но чувствовалось, что смелость редактора была заранее согласована, и Рогов был готов к этому вопросу.

– За людей обидно, за земляков моих, – сказал он, снова подавляя отрыжку, – Кроме того, человек так устроен, ему всегда чего-то не хватает. И когда у него есть все, то ему не хватает... – Рогов сделал паузу.

– Власти? – совсем расшалившись, подсказал Кодацкий.

– Я бы назвал это служением людям, – глумливо потупив глаза, уточнил Рогов.

Интервью закончилось. Лещев отключил телевизор и несколько секунд сидел, опустив голову и барабаня пальцами по столу. Потом открыл рот, хотел что-то сказать, но взглянул на записку, потом на часы и предложил:

– Поехали, пообедаем.

Когда шли по коридору, Анна предупредила Лещева, что в машине тоже может быть «жучок». Перебрасываясь ничего не значащими фразами, подъехали к гостинице, где обычно

останавливались чиновники, командированные из области и Москвы. Там у мэра был зал, где он устраивал застолья.

Анна рассказала, каким образом прослушка обнаружилась в ее кабинете. Лещев не удивился, что это дело рук Царькова. Если принять во внимание сегодняшнее заявление банкира, то установка «жучков» – часть будущей избирательной компании.

– Если у вас некому осмотреть кабинет, это может сделать Булыкин, – сказала Анна.

– Надо сделать очень аккуратно, – согласился Лещев, раздумывая, какую еще каверзу могут придумать его враги.

Никогда еще его положение не было таким шатким. «Мне конец», – думал Лещев. Он знал правила игры. Все решает не бюллетень, а местная элита, ее административный ресурс. Он к этой элите раньше принадлежал только отчасти. Он протырился во власть случайно. Теперь это недоразумение местная элита решила исправить.

Ланцева прервала невеселые размышления мэра:

– О чем молчим, Николай Федорович?

– Если тебе предложат место в их команде, не отказывайся. Иначе вместе со мной попадешь под гусеницы. В сложившейся ситуации тебе лучше не трепыхаться.

– То есть вы и без меня с ними справитесь?

– Я уйду в сторону. Отосплюсь, а осенью поеду на кабанов.

Отведу душу.

«Ну, правильно, – подумала Анна, – эти хищники – на

твое место, а ты – на охоту – зло срывать на несчастных животных. Раньше на охоту с женами ездили», – отчего-то, со всем не к месту вспомнила Анна.

Она даже не предполагала, что Лещев просто блефовал. В глубине души он и не думал сдаваться.

Анна приехала в деревню к Булыкину. Чтобы поднять настроение, пожарили шашлыки. Жарили во дворе, а ели в доме. Чтобы сосед не увидел Радаева.

Сосед отреагировал на запах – забрался на забор. Увидел Ланцеву – отреагировал на нее. Голос у него был лающий:

– О, новую бабу себе завел!

– Тебе чего? – спросил Булыкин.

– Одолжи столярник до четверга.

Булыкин выручал алкаша много раз, не требуя отдачи долгов. Надеялся, что сосед будет убавлять громкость песен. Но алкаш не знал, что такое благодарность.

Послать бы его сейчас подальше. Но что-то подсказывало Никите – нельзя! Эту тварь лучше не злить.

Алкаш зажал столярник в кулаке и любопытствовал:

– А чего жрете не во дворе? А, понимаю! Интим.

Сначала решали, стоит ли бросаться на амбразуру. Кому нужен их героизм? Хотя отступать тоже не хотелось. Стыдно и позорно.

– Давай сделаем вид, что испугались, – предложила Булыкину Анна. – У меня в кабинете «жучок». Можно разыграть

сцену. Я скажу, что жизнь дороже. А ты со мной согласишься. На время затихнем.

– Чисто женская хитрость, – подумав, оценил Никита. – Не пройдет.

– Тогда что предлагаешь?

– Если у нас совет, то пусть сначала младший что-нибудь скажет.

Павел молча поедая шашлык. Он уже решил про себя: если Ланцева и Булыкин выйдут из игры, пусть даже на время, он прижмет где-нибудь Пикинеса и вышибет из него правду о смерти Вани Томилина. А потом линчует тварь, которая лишила жизни мальчика. Убийца должен быть убит. Любой другой исход будет несправедлив.

– Что скажешь, Павел? – спросила Анна.

– Нельзя останавливаться. Им ведь того и надо, чтобы мы остановились.

– Кому им? – спросил Булыкин. – С кем мы имеем дело?

– По-моему, эта местная наркомафия.

– А конкретней? На кого конкретно думаешь?

Радаев пожал плечами. Он мог бы сказать, ему уже все было ясно, но что-то его останавливало. Булыкин решил ему помочь.

– Знаешь, а ведь наша опергруппа приехала в банк не просто так. В дежурную часть поступил сигнал. Это был мужской голос. Не догадываешься, чей? Бухгалтер и кассир сказали, что не могли видеть, брал ты деньги или не брал. А ты

утверждал, что к бабкам не прикасался. И это правда. Даже если бы ты взял, то не смог бы унести. Кто же унес деньги? Не тот ли, кто позвонил в дежурную часть? Мы вчера были с Анной в «Спарте», и я вспомнил этот голос. Легкое такое нарушение дикции... Давай, Павел, колись: кто был третий?

– Наверное, Квас, – сказал Радаев

Глава третья

– Почему наверное? – спросил Булыкин.

– Потому что я не уверен, что это был он.

– Кто такой Квас?

– Так мы звали Царькова. Он не выговаривал «эл». Он говорил «классно», а получалось «квасно». Сейчас это почти незаметно. Наверно, с логопедом занимался.

– Как возникла идея взять банк? Кто был инициатором?

– Тогда только входили в моду поборы с автовладельцев.

Но меня и Степку Чеснокова эта мелочевка не увлекала. Мы хотели создать свой бизнес: автомастерскую, автомойку. Нужен был стартовый капитал. Все, кто желал тогда разбогатеть, брали кредиты в банке. Но вдруг бизнес не выгорит? Из каких шишей расплачиваться? И тут этот банк, взять его ничего не стоило. Квас как-то сказал, что может договориться с охранником, он ему не откажет. Но сам участвовать не будет. Мол, ему это ни к чему, Рогов даст ему по дружбе любовью кредит.

– А Царьков чем тогда занимался? – спросила Анна.

– Он был охранником у Рогова.

– Теперь восстановим картину. Вы со Степкой входите в банк. Ты отбираешь ствол у охранника. Что было дальше?

– Степка заорал на кассиршу. Она отдала ключи, он открыл сейф.

– А ты в это время что делал?

– Я подошел к окну. Вижу, кто-то подходит к банку, женщина какая-то. Отвлекся на секунду и тут – бах, выстрел! Оглядываюсь – Степка валится лицом вниз. А охранник на меня ствол наводит. Я ему: ты что, урод, творишь? Я был ошарашен. Ствол-то его у меня.

– Ага, вот именно, – Булыкин пристально посмотрел Радаеву в глаза. – Но ты не ответил на мой вопрос. Кто был инициатором?

Павел нехотя сказал:

– Я привык считать себя виноватым. Чего я буду на кого-то клепать?

Булыкин поморщился:

– Брось. По-моему, у тебя другое было на уме.

Никита предполагал, что Радаев хотел взыскать с Царькова за моральный ущерб, что было бы с его стороны вполне логично. Даром он, что ли, семь лет парился?

Момент был скользкий, мужчины могли серьезно поссориться.

– Ребята, по-моему, вам обоим нужно говорить яснее, – сказала Анна. – Лично я ничего не понимаю.

– Я чего тут неясного? – язвительно проговорил Никита. – Идея разоружить охранника принадлежит Царькову. У охранника вдруг оказался запасной ствол. Возникает вопрос, кто же пристрелил охранника, если не Радаев? Ответ, по-моему, ясен.

– Как же Царьков мог выйти из банка с деньгами незамеченным? – спросила Анна.

Булыкин объяснил:

– Очень просто. В банке был черный выход во двор. Нам потом доказывали, что этим ходом не пользовались. Действительно, дверь была закрыта изнутри. Висел навесной замок. Но в эту дверь Царьков мог выйти, а потом ее закрыли изнутри. Думаю, это сделала кассирша.

– Почему именно она? Почему не бухгалтерша? – спросила Ланцева.

– Потому что кассирша не дожила до суда, утонула. А бухгалтерша, даже если что-то видела, на суде твердила только одно – она упала на пол и встала только, когда появилась милиция. Она уже никогда ничего не скажет.

– В смысле? Ты говоришь о ней как о мертвой.

– Ее запугали до смерти.

Радаев вынул из кармана фотографию и протянул Булыкину.

– Это случаем не кассирша?

Никита пригляделся. Округлое лицо, чуть вздернутый нос, тонковатые губы, выпирающий подбородок, блудливый взгляд. Знакомое лицо.

– Где взял?

– Из альбома Тани Андреевой, подруги Кваса.

– Похожи, – сказал Булыкин.

Теперь все сходилось. Кассиром в банк взяли своего че-

ловека. И этот свой человек давал потом наводки на клиентов, снимавших со счетов крупные суммы. Кассирша могла стать ключевым свидетелем, и поэтому на всякий случай от нее избавились до суда.

Анна сказала:

– Ребята, у нас каждый действует сам по себе. Наверное, это плохо, но иначе, наверное, уже не получится. Тогда давайте просто наметим, с чем мы имеем дело, и что делать дальше. Давай, Никита, ты все-таки профессионал.

– Миллион в багажнике у Чесноков, карта, значки, номера... Карта – схема местности, значки и номера – тайники. Идет торговля наркотой. Чесноки постоянно ездят в сторону Топельника. Но как там незаметно пошарить – ума не приложу. Надо думать.

Пока Булькин анализировал ситуацию, Радаев составил для себя план действий. Нужно встретиться с Таней и вызвать ее на откровенность. Она должна сказать, что было тогда на самом деле, в банке. А еще надо понять, действительно ли она встречается с Антоном Чесноковым. Если это так, то Таня может знать, чем он сейчас занимается. Ну и, если Булькину трудно разгадать тайну Топельника, то это сделает он.

– Мы забыли про киллера с птичьей фамилией, – сказала Анна.

– Павел, – предупредил Булькин, – этот парнишка очень опасен. Доказательств у меня нет, но я нутром чую – это он

убил Макарова и Ваня Томилина голыми руками

– Отлично, – медленно проговорил Радаев.

Помолчали. Каждый с тревогой понимал, что закрутка нарастает.

– Хорошо кавказцам, – вдруг заметил Булыкин. – Надоело терпеть беспредел – ушли в горы и начали херачить.

Слова были серьезные, а тон как бы шуточный.

Радаев отреагировал коротким смешком. Мысленно он уже ушел, только не в горы, а в лес. В Топельник.

Булыкин занимался поисками «жучков» в кабинете Лещева. Мэр нервно ходил из угла в угол, прокручивая в памяти свои разговоры. Главное, чего он боялся, не сказал ли что-нибудь лишнее о губернаторе. Нет, это исключено. У него правило: как бы тебя не прижимало и не унижало начальство, сцепи зубы и молчи. Даже дома при жене не ругай.

В деловых разговорах тоже выбирал выражения. А если нужно было посекретничать, то включал громче телевизор или встречался в бане, на охоте, на рыбалке. Ему бы, конспиратору, в разведке работать.

Что же касается финансовых дел, то тут Николай Федорович вообще проявлял чудеса осторожности. Никогда ничего никому не предлагал. Только как бы нехотя реагировал на заманчивые предложения, и далеко не всегда положительно. Далеко не всегда. Не наглел, не жадничал. Соблюдал меру.

Булыкин нашел длинноволновый приемник-передатчик ТСМ-0396Е, улавливающий даже шепот и скрытно подсо-

единенный к электросети, скорее всего, во время ремонта.

Они выехали за город, где можно было без посторонних глаз осмотреть машину. Самые откровенные разговоры мэр мог вести именно в машине, а не в кабинете. Булыкину пришлось повозиться. «Жучок» затаился на панелью приборов.

Лещев достал из багажника бутылку коньяка и два полиэтиленовых стаканчика.

– Давай, майор, расслабимся.

Булыкин отказался.

– Обратно поведу я, а вы пейте.

– Твою мать! – выругался мэр, наливая в стаканчик. – Твою мать! – повторил он. – Что происходит, майор?

– А что происходит? Как жили в дерьме, так и живем. Только дерьма стало еще больше. Такой дружбы котов и мышей, как у нас, наверно, нигде нет.

– А я, по-твоему, кто?

– Вам видней, – отозвался Булыкин, посматривая по сторонам. Разговор этот был ему в тягость.

– В чем-то ямышь – это точно, – согласился мэр. – А в чем-то кот. Должен быть котом, но – не получается. Знаешь, чьи дачи там строятся? – Лещев кивнул на холм в излучине Волги. – Моего помощника Царькова, твоего начальника Шокина и нашего будущего мэра Рогова. Забор в забор.

Булыкин усмехнулся:

– Вы же сами, наверное, участки им выделили.

– Сам, – признал Лещев.

Царьков не раз уговаривал его взять участок на этом холме, рядышком с собой. Брал на себя все расходы. Он, Лещев, затянул с ответом. И Царьков перестал предлагать.

Лещев налил себе еще. Никита следил за его движениями. Он знал, что мэр может выпить хоть тазик. Но сейчас он взвинчен. Еще не хватало, чтобы его развезло. Возиться с ним...

Мэр сел прямо на землю. Замер с опущенной головой. Задумался о губернаторе. Валерий, Валерик... Как можно жить с таким именем? Мужик до мозга костей, Лещев любил находить что-то немужицкое в начальнике. Раньше презирал Сапрыгина за его безукоризненные костюмы и галстуки. А потом стал обезьянничать. Только те же костюмы сидели на нем мешком, брюки морщились гармошкой, зад провисал, вязь галстуков он так и не освоил. А уж о физиономии и говорить нечего. У Сапрыгина всегда такой цвет лица, будто он только что вышел от визажиста. И стрижется он каждую неделю. А у Лещева будка, как у полярника. Красная, обветренная, толстые губы высушены, нижняя губа висит вареником. Эх!

Никак не мог простить Лещев Сапрыгину и своего холуйства. Раньше он таким вкрадчивым и прогибучим не был. Конечно, не ради себя прогибается. Ради любимого города, ради людей. А все равно обидно.

Но больше всего не мог простить Лещев неблагодарно-

сти. Привез губернатору лосенка, детеныша убитой лосихи, двухмесячного, пугливого и потерянного, все-таки сирота. Сапрыгин глядел на него с нежностью, в темя целовал, из бутылочки молоком поил, а его, Лещева, даже слова теплого не удостоил. Обычно ведь как. Я тебе подарочек, ты – мне. Это даже в психологии описано – правило взаимного обмена. Плевал губернатор на это правило. Эх!

Лещев вылил в стаканчик остатки коньяка и выпил мелкими глотками, роняя желтые капли на зеленый галстук.

Корытин правильно рассудил, что скрываться у Ланцевой или Томилиных Радаев не будет. Остается Булыкин. Грифы сели майору на хвост. Слежку вели по всем правилам, передавая его от одной машины наблюдения к другой. После работы мент ехал ночевать не домой к жене, а в деревню. Только покупал при этом многовато продуктов.

Захватить Радаева, если он скрывается у Булыкина, не представляло труда. Достаточно просто взломать дверь или влезть в окно. Дверь деревянная, окна без решеток. Но грифы не забывали, в чьих руках теперь мелкашка.

Корытин поручил следить за дачей Пикинесу и Шурупу. Не кончили враз Радаева, пусть теперь сами исправляют свой промах.

Пикинес и Шуруп вначале все сделали правильно. Заглянули к соседу. Начали выспрашивать, не живет ли кто-нибудь у Булыкина. Алкаш сразу понял, что в качестве информатора может неплохо заработать. Сказал, что никого из по-

сторонних не видел, но если увидит, то может сообщить. Пикинес и Шуруп похвалили: правильно соображаешь. Дали денег, пообещали хорошую премию, подарили мобильник, велели в случае чего звонить и укатили на рыбалку.

Денег дали зря – алкаш теперь не просыхал. Приехав на другой день и увидев его в полном ауте, Пикинес и Шуруп пустили в ход все, что попало под руку. Радаев принял шум экзекуции за драку алкашей и включил мобильник, позвонил Тане.

– Ой, а я тебя набираю, набираю. Ты где? – судя по голосу, Таня была в подавленном состоянии. – Ты можешь приехать? Мне срочно нужна твоя помощь. Я пропадаю, Павлик.

– Приеду, как стемнеет, – пообещал Радаев.

Он отключил связь и задумался: замануха или действительно что-то случилось? Он отключил связь, но не сам мобильник, а Таня набрала его снова. Хотела сказать, сколько раз он должен позвонить в дверь. Она никому не открывает, боится.

У Пикинеса был звериный слух. Он расслышал звонок мобильного. Но вломиться в дом Булыкина грифы не решились. Позвонили Корутину, пока тот соображал и согласовывал с Царьковым, сумерки сгустились, и Радаев, не дождавись Булыкина, благополучно слинял с дачи.

Таня открыла по условному звонку. Прическа в беспорядке. Никакой косметики. Похоже, слегка поддтая. Зареванная, но опухший только один глаз. Таня – это Таня. Она все-

гда одним глазом плачет, а другим смеется.

Свет в квартире не горел. Сели у окна, где посветлее. В полумраке Таня выглядела старше. Павел не задавал вопросов. Сама расскажет.

– По-моему, Ленчик хочет от меня избавиться, – Таня всхлипнула. – Или утону, или выпрыгну из окна, что-то в этом роде.

– Давай по порядку, – предложил Павел.

– Я устарела. Ленчика потянуло на свежатинку. У нас завелась Даша.

Сердце у Павла екнуло. Хотя... мало ли сейчас Даш. Ему хотелось спросить фамилию, но он промолчал. Стало страшно. Этого только не хватало, чтобы Даша спуталась с убийцей брата. А в том, что Квас имеет к смерти Вани Томилина самое непосредственное отношение, Павел уже не сомневался.

Он не стал ничего выяснять, только спросил:

– У тебя точные сведения?

– Я эту Дашу своими глазами видела. Помнишь, где мы встретились? Я их тогда до самой дачи проводила. Я ему потом все высказала. А он так на меня посмотрел, будто приговорил.

...Как всякой женщине, Тане хотелось определенности. Все-таки уже девять лет вместе, пора бы оформить отношения. Обидно: замужние подруги посматривают свысока. Если у тебя есть все, но нет мужа, ты все равно – ноль без палочки.

Царьков начал говорить то, что говорят все мужчины, которым брак ни к чему. Тане бы остановиться. А она начала его разоблачать. Мол, не дура, понимает, для чего он ей Антона подсунул.

Это была коронка Царькова: отдать любимую женщину в знак особого расположения и мужской дружбы, вызвать тем самым к себе полное, абсолютное доверие, а потом этим воспользоваться.

Хотя нет, была еще одна коронка. Подать идею, пообещать легкий успех, а потом, когда уже трудно остановиться, не потеряв лица, начать отговаривать. Чтобы создалось впечатление, что это как бы не его идея. И что он был не за, а против преступления. Это Таня тоже видела и слышала перед тем, как Павел и Степка пошли на банк....

– Ну и зачем? – спросил Царьков, посмеиваясь.

– Просто так ты меня не подсовываешь. Значит, нужен тебе Антон.

Она хотела добавить, что нужен точно так же, как нужен был когда-то Радаев. Но Царьков ее и без пояснений понял. Глаза его сузились.

– Ты говори, да не заговаривайся.

Это означало, что Таня не ошиблась

Антону Царьков доверил сбор денег у старших и перевозку ежедневных доходов в банк Рогова. А недавно выяснилось, что руки у Антона не только чистые, но и твердые. Узнав, что Гридасов привел к «Спарте» Булыкина, Царьков

пришел в бешенство. Этот раздобай их погубит, с ним надо кончать, причем, быстро и решительно. По приказу Корытина Антон с Русланом держали Гридасову руки и ноги, когда тот задыхался в накинутах ему на голову полиэтиленовом мешке.

... Павел слушал плохо. Он ждал, когда Таня закончит, чтобы спросить, что же на самом деле произошло тогда, семь лет назад, в банке.

Но в дверь позвонили.

– Посмотри в глазок, меня ноги не слушаются, – прошептала Таня.

Осторожно ступая, Радаев подошел к входной двери. Снова звонок, потом другой, третий. И знакомый голос:

– Таня, открой! Я знаю, ты дома.

Антон Чесноков позвонил еще несколько раз. В глазок было видно, что рядом на лестничной площадке – никого.

Павел вернулся.

– Антон? – спросила Таня. – Я так и знала, что Ленчик поручит убрать меня Антону.

«Антон занял мое место, – думал Павел. – Интересно, что сказал Тане Квас, когда подставлял меня под пулю. Что нужно было сказать ей, чтобы она предала меня?».

Таня словно прочла его мысли.

– Прости меня, Павлик, – прошептала она. – Квас запудрил мне мозги. Он всем пудрит, всех опутывает, и все ему сходит с рук. А ты все ему простил? Неужели простил?

Радаев начал понимать, зачем она позвала его. Ну, конечно же! Самый простой способ спастись от Царькова – покончить с ним раз и навсегда. Его, Радаева, руками.

Когда требовалось, Павел мог быть хитрым.

Он спросил:

– Считаешь, не надо прощать?

– Ну, не знаю, – с ненавистью прошептала Таня. – Если бы я была мужиком... Павлик, эта сволочь даже дачу строит по-хитрому, на холме. Все подходы, как на ладони. А внизу, в Топельнике у него, знаешь, что? Тайники. Но сам он там не бывает, вообще, к веществу даже не прикасается.

Радаев слушал внимательно. Он побывал однажды с пацанами в этом Топельнике. Деревья там большую часть весны и лета стоят в воде, почва болотистая. Решили пройти краем леса, но углубились, потеряли ориентир, бродили полдня, думали, уже не выйдут. Обидно было погибнуть: все-таки не глушь, город рядом, шоссе рядом, слышно, как идут машины.

Павел не забывал, с кем разговаривает. На всякий случай разыграл равнодушие:

– Черт с ними, тайниками.

– А ты разве на Булыкина не работаешь?

Зря Таня так спросила. Сама поняла, что зря. Поэтому сказала иначе:

– Говорят, тебя не просто так освободили.

– Я должен сделать так чтобы пацаны перестали мочить

друг друга, – сказал Павел. – А с чего ты взяла, что Квас веществом торгует?

Таня усмехнулась:

– Он даже держит адвокатшу для отмазки ребят. Платит ей пятьдесят штук в месяц. Шокину тоже не хило перепадает. Сто пятьдесят!

Шокину? Это уже серьезно. Очень серьезно.

– Откуда такие сведения?

– Я знаю, что говорю, можешь не сомневаться, – сказала Таня.

Снова звонок в дверь и снова голос Антона.

– Позвони ему, – предложил Павел. – Скажи, что ты здесь, но ни за что не откроешь. Можешь заодно и про Степку сказать.

– Павлик, спрячь меня где-нибудь, – будто не слыша, просила Таня. Торговалась, шла на обмен.

Конечно, он ей поможет. Надо только сообщить Булькину. Пусть он ее где-нибудь спрячет. От ее показаний будет многое зависеть.

– Мы поможем тебе, но ты сейчас позвонишь Антону и скажешь ему про Степку, – настаивал Павел.

Таня набрала знакомый номер. Ее объяснение было путанным. Будь Павел на месте Антона Чеснокова, он бы не поверил ни одному ее слову. Но в настоящий момент важно было, что Антон просто услышал это сообщение – кто конкретно виноват в смерти его старшего брата.

– Что он тебе сказал? – спросил Радаев, когда Таня закончила разговор.

– Спросил, отвечаю ли я за свои слова.

Павел позвонил Булыкину, обрисовал ситуацию. Сказал, про закладки в Топельнике и про Шокина. Никита согласился, что Таню надо где-то спрятать. Он сделает все, что сможет. Терять такого свидетеля нельзя. Но квартира, скорее всего, под наблюдением. Сделать это незаметно не получится.

Никита спросил адрес и велел ждать. У него голова шла кругом. Он готов был услышать о полковнике Шокине все, что угодно, только не это. Теперь все вставало на свои места. Стало окончательно ясно, что рассчитывать можно только на самого себя.

Никита позвонил Ланцевой. Обычно Анна сдержанно выслушивала самые удивительные сообщения. Но тут выдержка ей изменила.

– Какой ужас! – повторяла она, – Какой ужас! Что же делать? Может, позвонить Лещеву?

– Он пьяный в дупель, я недавно отвез его домой.

Они обсуждали другие варианты. А Радаев в это время вызванивал их, чтобы сообщить, что дверь квартиры вот-вот будет взломана.

По ту сторону двери стояли мужики в синей форме с большими белыми буквами на спинах. «Ну, Квас! Ну, молодец! –

думал Радаев. – Кто бы еще придумал вызвать МЧС? Неужели у него и там свои ребята?»

Мужики решали, как лучше поступить. То ли выбить дверь, то ли вырезать автогенном замок. Посоветовавшись, решили вырезать. Царьков дал установку – поменьше шума.

Павел велел Тане подать голос.

– Эй, что там происходит? – громко спросила Таня. – Сейчас же прекратите хулиганить, или я вызову милицию.

Сотрудники МЧС дрогнули и засомневались. Но среди них был человек Корытина. Он имел наказ – вскрыть квартиру во что бы то ни стало.

– Мы милицию быстрее тебя вызовем, – мужской голос звучал с угрожающей интонацией. – Давай открывай по-хорошему!

Наконец-то номер Булькина освободился. Радаев сообщил, что дело совсем плохо. Еще несколько минут, и двери квартиры будут взломаны.

– Еду, – коротко ответил Никита.

Он не знал, что к дому, где жила Таня Андреева, уже мчится лейтенант Гоша Тыцких. В форме, с удостоверением в кармане и с табельным оружием.

Шестое чувство подсказывало Булькину, что нужно не просто быстро ехать. Нужно лететь. И он летел на красные светофоры, успев связаться с Анной. Сообщил ей о создавшейся ситуации и назвал адрес Тани Андреевой.

Булыкин опередил своего бывшего помощника на полми-

нуты. Подойдя к дому, сунул правую руку в карман брюк. Изобразил, будто у него ствол. На самом деле оружие ему даже не выдавали. Не положено – с подростками работает.

В подъезде, где бестолково топтались грифы, был полумрак. Его пропустили без звука – наверное, почувствовали настрой. Лифт Никита вызывать не стал, поднялся на шестой этаж пешком.

– Что тут происходит? – заорал он на эмчээсовцев. – Кто вас вызвал? Предъявите документы!

Документы были в порядке. А вот на вопросы эмчээсовцы отказались отвечать. Понимали, что их впутали в какое-то темное дело, и рады были унести ноги.

Таня открыла дверь, Булыкин зашел в квартиру. Все! Дело сделано. Андреева под его защитой. Надо теперь звонить Лещеву, губернатору, ставить их в известность. Пусть решают, как разблокировать квартиру.

Когда Гоша подкатил к дому, эмчээсовцы уже высыпали из подъезда. Пояснили, что их прогнал какой-то мент. Гоша понял, что бывший начальник его опередил.

К дому подъехала Ланцева. Грифы преградили ей путь. Было слышно, как женщина громко сказала:

– Я же не из дому выхожу, мальчишки. Я вхожу в дом. Пожалуйста, не выпускайте меня, но дайте войти.

Ее пропустили.

– Валяй, сама свою голову суешь.

... Первое, что сделала Ланцева в квартире Тани, зашла в

ванную. Надо было привести себя в порядок.

Отметила: похоже, Царьков здесь не живет. Слишком мало мужских туалетных принадлежностей. Только самое необходимое: зубная щетка, пена для бритья, бритвенный станок, помазок, лосьон. И – только. Ну, правильно. Спартанцы не жили с женами, даже встречались с ними тайком.

Потом принялась расспрашивать Таню. Хотела установить полную картину ограбления банка. Но исповеди не получалось. Пришлось надавить. Анна сказала Тане, что с людьми, которые спасают ей жизнь, надо быть более откровенной. К тому же впереди следствие. Возвращения к событию семилетней давности все равно не избежать. Про себя думала: «Что я горожу? Какое к черту следствие? Самой бы унести отсюда ноги».

Включив в мобильнике диктофон, Ланцева ждала ответа. Выдавить удалось немного. Но это немногое давало ключ к пониманию, что на самом деле произошло. Деньги перед налетом даже не заносились в банк. Они хранились у Тани, в этой квартире. А Царьков в момент нападения был в банке, прятался в туалете. Ладони у него были оклеены пластырем. До того он собирался пилкой косметической стереть себе узоры на пальцах, но потом передумал. Как в случае горения объяснить, что у тебя кожа стерта? Он вообще очень волновался. Все-таки первый раз должен был убить человека.

– Ты хочешь сказать, что именно он застрелил охранника?

– Да, – подтвердила Таня. – После этого у него начались проблемы со здоровьем. Он часто говорил, что это божья кара.

У Булыкина был только один вопрос. Откуда у Тани сведения насчет подкупа Шокина?

– Я своими глазами видела, как Царьков давал полковнику конверты. А что там может быть, если не деньги?

– Откуда ты взяла эту цифру – сто пятьдесят тысяч? – уточнял Никита.

– Я своими ушами слышала, как Царьков сказал Гридасову и Кобытину, что Шокин обходится им в сто пятьдесят штук в месяц.

– Кстати, – сказал Никита, – куда девался Гридасов?

Таня отвела взгляд:

– После того, как пропал Гридасов, Антон очень изменился. Нервный стал, грубый, молчаливый. Я не хочу сказать, что именно он убил Гридасова, но мне кажется, он в этом участвовал. Его впутали.

У Булыкина заиграл мобильник. Незнакомый голос сказал:

– Товарищ Булыкин? Из Москвы беспокоят. Госнарконтроль. Мы в курсе ситуации. Побудьте со свидетельницей до утра, не отходите от нее ни на шаг. Завтра в первой половине дня мы ее заберем. К вам прилетят два наших сотрудника. Не надо говорить адрес, мы знаем. Спасибо, вы очень нам помогли.

На другом конце провода дали отбой.

Никита ничего не понимал. Если это звонок действительно из Москвы, как там узнали его номер? Как узнали, что тут происходит? Нет, шалите, ребята. Какая к черту Москва? Это очередная хитрость Кваса-Царькова.

Радаев ушел, как только начало светать. Осторожно прокрался мимо спящего на лестничной площадке Антона. Дальше препятствий не было.

Подремал в сквере, и в 8 утра позвонил Томилину. Сказал, что нужен бинокль.

– Нужен – бери, – сказал Станислав Викторович.

Заходить к Томилиным не хотелось. Квартира могла быть под наблюдением.

– Мне к вам нельзя.

– За Дашей должен заехать Олег. Он может передать, – предложил Томилин.

Это был самый лучший вариант.

Помятый, невыспавшийся, Радаев старался не смотреть на девушку. Его внимание привлекла болтавшаяся на плече у Олега видеокамера. Эх, как бы она пригодилась ему. Но он не умеет ею пользоваться.

– Ты, кажется, что-то задумал. Может, чем-то помочь? – сказал Олег, передавая бинокль.

Молодой Лещев нутром почуял, что Павел собирается на серьезное дело, как-то связанное с разоблачением наркоторговцев.

– Хочешь посчитаться за Ваню? – спросил Павел.

– Хочу.

– Тогда отвези Дашу и возвращайся сюда. Прихвати на всякий случай что-нибудь пожевать. Воды тоже прихвати. А камуфляж дома есть?

– Отцовский охотничий.

– Прихвати.

– Может, ружье взять? – спросил Олег.

– Возьми на всякий случай.

Они приехали на дачу к Булыкину. Там царил погром. Пикинес и Шуруп вломились в дом, поломали мебель, побили зеркала и окна, нагадили на кухонный стол.

Павел достал из тайника винтовку, надел камуфляж Никиты. Только теперь сказал Олегу, куда и зачем они едут.

– Можешь просто отвезти меня в лес, а можешь остаться там со мной. Решай.

Подъехали к Топельнику задами, по бездорожью. Олег уложил мотоцикл во впадину, забросал ветками. Стало ясно – он остается.

Отключили на всякий случай мобильники. Можно было поставить на вибраторы. Но засомневались: вдруг техника откажет? Это могло стоить жизни. Переговаривались шепотом. Двигались врозь, не теряя друг друга из виду. Если кого-то одного грифы обнаружат, другой может подстраховать. В критической ситуации решили стрелять на поражение.

– Лучше мы их, чем они нас, – сказал Радаев.

К другой стороне леса, где две недели назад Павел видел Антона, надо было пройти километра четыре.

Топельник был почти сплошь ивовый. Но изредка встречались березы с искривленными стволами. Сначала шли, проваливаясь по щиколотку. Потом наловчились ступать на нижние ветки деревьев, чтобы не оставлять следов.

Шли долго, часа два. Почва не становилась суше. Они взяли не то направление и отклонились от курса. Эта невольная ошибка спасла им жизнь.

Закладки героина в двести и более мазлов находились под круглосуточным наблюдением грифов. Потеряв время, Павел и Олег пришли, когда одни разведчики снялись, а их смена приехала, но еще не добралась до места.

Они услышали голоса и залегли в густых зарослях ивняка. Пришли двое грифов и стали вести наблюдение за подъезжающими курьерами. Курьеры забирали из тайников пакеты с героином и оставляли пакеты с деньгами.

Олег вынул из футляра видеокамеру и начал снимать

На квартире Тани зазвонил телефон. Тот же голос, что и накануне вечером, сообщил, что трое сотрудников спецназа Наркоконтроля уже час, как в воздухе. Еще примерно через час они заберут Татьяну Андрееву.

«Откуда Наркоконтролю знать ее фамилию?» – гадал Никита. Он сам узнал только этой ночью. Нет, это названивает не Москва. Это люди Царькова приедут за Андреевой. Что же делать?

У подъезда появилась целая бригада грифов. Чтобы не привлекать к себе внимания, они сидели в нескольких машинах. В подъезде, на лестничных площадках, их тоже хватало. У них был приказ схватить Андрееву, если она попробует скрыться.

Микроавтобус с пятью плечистыми мужиками явился для грифов полной неожиданностью. Никто не посмел помешать им войти в квартиру.

Мужики вынули из рюкзаков черную униформу спецназа. Привели в боевую готовность короткоствольные автоматы. Надели на головы шлемы. Трое с устрашающими криками выскочили из квартиры. Грифы покатались вниз. Самые крутые из них с геройским видом повыскакивали из машин, но спецназовцы наставили на них стволы, бесшумными выстрелами продырявили шины. Анна, Таня и Булыкин в бронежилетах, в сопровождении двух спецназовцев выбежали из подъезда и сели в микроавтобус. Машина рванула с места.

Сапрыгин был при обычном параде. Безукоризненный костюм, изящно повязанный галстук, платочек в кармашке в тон галстуку, туфли, в которые можно смотреться, тонкий аромат дорогого одеколona, часы «Лонжин», идеальный зачес седеющих волос. Был, правда, в облике Сапрыгина уловимый изъян – легкое самолюбование.

Секретарша принесла кофе, сливки, коробку шоколадных конфет. Разлила по чашкам. Растворилась за дверью.

Сапрыгин пристально рассматривал Анну:

– По-моему, вы не выпались?

Ну, не выпалась. Покалывает в глазах. И что? Это не предмет для разговора.

Губернатор неожиданно перешел на «ты»:

– Хочешь выведать, не я ли двигаю Рогова? Представь себе, я. Есть определенная связь между коррумпированностью власти и уголовной преступностью простых граждан. Люди находят себе моральное оправдание. Мэру можно, а почему нам нельзя? Конечно, это не очень симпатично, когда градоначальником становится банкир. Зато не пьяница, не бабник, и не будет брать. Никто не будет мне глаза колоть, что мэр Повожска берет.

Анна отхлебнула из чашки, отправила в рот ложечку сливок. (Ей хотелось есть, она бы с удовольствием съела сейчас что-нибудь более существенное, чем эти сливки и конфеты). Господи, что ж это он мозги ей компостирует? Какая ерунда – Рогов не будет брать! Зачем тогда ему эта должность? Конечно, он не будет соблазняться на мелочевку, как Лещев. Будет брать в разы больше, прямо из бюджета. И только ли оттуда...

– Видите ли, уважаемый Валерий Дмитриевич, – отвечала Анна. – Среди нас живет странное заблуждение, будто коррупция – это когда один дает другому деньги, а другой кладет их в карман. Это, конечно, имеет место, но не так часто, как принято думать. Гораздо чаще чиновники подкупают друг друга не деньгами, а взаимными услугами, а услуги, как вы

наверняка знаете, бывают дороже самых больших денег. Я с вами согласна: по строгим меркам, Лещев – не мэр. Но он из кожи лезет вон – хочет быть хорошим мэром. Не думаю, что Рогов будет так же стараться.

Губернатор сдержанно возмутился:

– Слушай, Анна, я понимаю, Лещев обеспечил тебя жильем. Ты благодарный человек, это вызывает у меня уважение. Но он должен уйти.

– То есть принято такое решение?

– Считай, что так, – после секундного колебания подтвердил Сапрыгин.

– А как же народное волеизъявление?

– В Поволжье живет не народ. В Поволжье живет население, – поправил губернатор.

– Ну, правильно. И вы из лучших побуждений проведете выборы так, чтобы население даже вот на столечко не почувствовало себя народом. Наш заколдованный замкнутый круг. Сокрушаемся, что народ не дорастает до настоящей демократии, а сами все делаем для того, чтобы он не рос.

Сапрыгин посмотрел на часы:

– Слушай, у меня нет времени на диспуты. Давай о деле.

– Вы знаете, Валерий Дмитриевич, что у меня дома был обыск? (Губернатор изобразил немое изумление). – Я и мои квартиранты, ребята из Таджикистана, все мы – под подозрением.

– Кто проводил обыск? Наркоконтроль?

– Нет, РУБОП. Шокин утверждает, что вы поручили РУБОПу усилить контроль за наркотой.

Губернатор покачал головой. Он только сказал Шокину, что в областной центр из Поволжска потоком пошла наркота.

– А что, твои квартиранты – таджики?

– Она – русская, Фархад – обрусевший таджик, врач, учился в Ленинграде. Я за них отвечаю.

– Обыск, как я понимаю, ничего не дал, – сказал Сапрыгин. – Иначе бы ты здесь не сидела.

– Естественно. Что-то у них не срослось.

Губернатор пристально посмотрел Ланцевой в глаза:

– «У них» – это у кого? Что вообще у вас там происходит?

Лещев докладывает, что все нормально, тихо. Вот видишь, как ему верить. Давай выкладывай.

– Это займет много времени, Валерий Дмитриевич.

– А ты – покороче. Я быстро понимаю.

Сапрыгин слушал сосредоточенно, его цепкие глаза стали холодными, почти злыми. Когда Анна рассказала о Тане Андреевой, он знаком попросил сделать паузу и набрал по правительственной связи какой-то номер. Чувствовалось, что собеседник хорошо ему знаком. Они понимали друг друга с полуслова. Речь шла о какой-то оперативной комбинации, которую теперь придется форсировать.

Положив трубку, губернатор постучал пальцами по столу и с досадой крикнул:

– Н-да, пролетаю я, однако, с Роговым.

Странно, он даже не считал нужным скрывать своих особых отношениях с банкиром. «А чего тут удивительного? – думала Анна. – Без поддержки денежных мешков губернаторами не становятся. Это не только у нас, это во всем мире так. Но почему он говорит со мной об этом, не стесняясь?»

– Давай тогда тебя двигать в мэры, что ли. Пойдешь? – неожиданно предложил Сапрыгин.

Ах, вот в чем дело!

– Валерий Дмитриевич, – отвечала Анна, пропуская вопрос мимо ушей, – вы можете узнать, был ли застрахован до налета банк Рогова? Иными словами, возместило ли государство Рогову ущерб?

– Если мне не изменяет память, а она в таких случаях мне не изменяет, Рогову был выдан солидный кредит на создание банка. А без страховки, сама понимаешь, кредиты не выдаются. Еще есть вопросы?

– Есть. Можно узнать, за что Царьков был отчислен из мединститута?

Губернатор позвонил министру здравоохранения области. Минут через десять информация была готова. Царьков был отчислен с первого курса за кражу успокоительного средства при психиатрическом лечении – наркосодержащего препарата метаквалона.

С наступлением темноты наряд гриффов оставил свою лежку и исчез. Павел и Олег долго еще боялись сделать лишнее

движение. Вдруг кто-то остался?

Ночью они очень пожалели, что не захватили репеллента. Сначала их нещадно ели комары, а к утру, что похуже, набросилась мошка.

Когда стало светать, Олег сказал:

– Надо сматываться. Если грифы придут, мы просидим здесь весь день. Какой смысл? Нужно передать отснятую кассету Булькину.

Они отсняли технологию закладки тайников и пользования ими, а заодно всех курьеров, которые приходили за мазлами. Их было не меньше полусотни.

– Иди, я тебя не держу, – хмуро сказал Радаев.

Он считал, что надо набраться терпения и посидеть в этом дьявольском лесу еще день. Если придут те же, кто приходил сегодня, значит организация Кваса ограничивается этими лицами. Если же придут другие... Если придут другие, придется посидеть здесь еще одну ночь и еще один день. Терпения у него хватит.

– Иди, – повторил он. – Только оставь камеру.

– Идти, так вместе, – сказал Олег.

Ему было не все равно, как он будет выглядеть в глазах Даши.

Павел подумал и сказал:

– Нет, ты все же иди. Только очень тебя прошу, постарайся проехать в город как можно незаметней. Если передашь кассету Булькину, считай, мы сделали большое дело. Если

тебя перехватят, нам обоим хана.

Олег скрылся в лесу.

Слышимость была отвратительная. Булыкин угадал, кто звонит, не по голосу, а по знакомому обращению:

– Командир, я не могу долго говорить и что-то объяснять. Короче, пусть Радаев быстрее уносит ноги из Топельника. Вы меня поняли, командир?

– С чего ты взял, что Радаев в Топельнике?

– Я ж говорю, долго объяснять. Разведка донесла.

– Нет у меня связи с Радаевым, – сказал Никита. – Ну, как тебе, лейтенант, на два фронта работается?

В трубке послышался циничный смех Гоши:

– Смелость, командир, должна быть изворотливой.

Никита нажал на кнопку отключения. Интересно, откуда Гоша звонил? Если не может долго говорить, значит, он в гуще событий. А где эта гуща?

Он тут же набрал Анну и сообщил ей о странном звонке Гоши. Анна сказала, что сама только что собиралась звонить. Томилин сообщил ей, что Радаев просил бинокль, а потом уехал куда-то вместе с Олегом.

«Они оба в Топельнике», – понял Булыкин. Молодцы, конечно, но это игра со смертью. Даже Гоше стало жалко ребят.

Никита поехал к Топельнику

В «Спарте» работал инструктором бывший военный разведчик, бывший преподаватель особого факультета Рязанского училища ВДВ. Он хорошо натаскал грифов. Разведчи-

ки снялись и ушли, но не все. Оставшиеся скрытно прошли за Олегом до самого края леса, где был спрятан мотоцикл.

Увидев, что попал в западню, Олег бросился бежать, но его догнали, свалили наземь, заклеили рот скочем, надели наручники и затолкали на заднее сидение автомашины.

Пичугин доложил обстановку Корытину. Тот распорядился:

– Давайте его на дачу.

Автомашина рванула с места.

Пичугин в сопровождении грифов пошел туда, где скрывался Радаев.

Царьков и Корытин ждали появления московских наркополицейских. В Москву вместе с Андреевой улетел только один из них. Остальные четверо остались.

Информация исходила от своих ребят в областном отделе Наркоконтроля. Москвичи что-то затевают. Этого следовало ожидать после того, как была вывезена Андреева.

И все же решили не дергаться, ждать развития событий и на всякий случай подстраховаться. Заманить кого-нибудь на дачу Царькова и в трудную минуту взять в заложники, чтобы обеспечить отход. Ланцева и Олег Лещев подходили для этой роли как нельзя лучше.

Царьков смотрел на видеомэгнитофоне отснятую Олегом кассету. Неплохое было бы подспорье для обвинения. Но теперь *у них* против него ничего нет. Разве что Таня. Но что она знает? Только то, что могла подслушать, подглядеть. По-

казания одного свидетеля – это не страшно. А в офисе его, и здесь, на даче – не то, что наркотиков, даже автоматического оружия нет. Он принципиальный противник огнестрела. Ствол эффективен, но и засыпаться с ним проще простого. Это он хорошо усвоил из учебников криминалистики.

Царьков набрал номер Ланцевой. Заговорил, будто ничего не происходило:

– Здравствуй, Аннушка. Ты где сейчас?

– Возвращаюсь в Поволжск, была у Сапрыгина, тебя вспоминали, какой ты у нас ярый борец за моральное здоровье молодежи.

– А до этого проводила Таню в аэропорт, да?

– Ее без меня было кому сопровождать, Леня.

– Вот так на глазах гибнет дружба, – посетовал Царьков.

– Друзья не засовывают «жучков», Леня. Ты чего хотел-то?

– Аннушка, ты, наверно, потеряла Радаева. Хочу сообщить, нашелся он, сидит у меня на даче. Не хочешь взять его еще раз на поруки?

Анну бросило в жар, стало трудно дышать. Волнение помешало ей проверить слова Царькова. Чего стоило попросить его передать трубку Павлу. Ей даже в голову не пришло позвонить Булыкину, посоветоваться.

– В заложники хочешь нас взять?

– Типа того.

– Еду, – сдавленным голосом ответила Анна.

Царьков сам встретил Анну у ворот. У него было странное выражение лица. Спокойное, почти торжественное. Движения – плавные, замедленные. Кажется, он не испытывал ни страха, ни желания нагонять страх.

– Проходи, почувствуй себя, как дома.

Под навесом перед домом стоял столик с напитками. Они подошли, сели в плетеные кресла.

– Что будешь пить? Или, может быть, мороженое?

– Нет, спасибо, я бы сразу перешла к делу, – Анна огляделась. Ей показалось, что вот-вот сюда приведут Радаева. – Знаешь, Леня, – продолжала она, стараясь выглядеть уверенной в себе, – я ехала сюда и думала: а почему бы мне не взять у Царькова интервью? Это может быть сенсацией – интервью с человеком, которого вот-вот арестуют.

– Не так, – с улыбкой поправил ее Царьков. – Интервью журналистки накануне ее гибели. Ты уже включила диктофон?

– Зачем? Это же незабываемый момент.

Царьков нехорошо улыбнулся:

– Ты уверена, что тебе еще понадобится твоя память? Ты вязалась в мужскую игру, Аннушка.

Царьков дышал размеренно и глубоко.

– Ты так спокоен, – отметила Анна.

– Власть и должна принадлежать спокойным.

Изображает бог весть что, а она должна подыгрывать. Будь ты неладен, шут гороховый!

– Ладно, царь Леонид, показывай свои владения.

Царьков жестом предложил ей первой войти во внутренний двор.

Ланцева сказала с нервным смехом:

– Знаешь, откуда эта галантность? Пещерный мужчина пропускал вперед пещерную женщину, потому что в глубине пещеры мог затаиться пещерный лев.

Внутренний двор был похож на съемочную площадку исторического фильма о Древней Греции: колонны, статуи богов, миниатюрный амфитеатр. Эллинские статуи были такими, какими их рисуют в книгах, только со зрачками.

– Древние греки рисовали зрачки красками, – пояснил Царьков. – Каждый человек на чем-нибудь помешан, – как бы оправдываясь, добавил он.

Подвел Ланцеву к овальному, увешанному бычьими шкурами проему.

– Ты хотела увидеть Радаева?

«Значит, Павел там? Что они там с ним делают?»

Собравшись с духом, Анна шагнула в проем, Царьков зашел следом. Это было помещение, похожее на пещеру. На стенах горящие факелы. Стены вылеплены из бетона в виде скальных выступов. Кругом жуткие чучела – человеческие фигуры с головами волков, медведей, быков, кабанов.

Преодолевая дрожь, Анна сыграла восхищение:

– Я, кажется, знаю, что это. У спартанцев был храм страха. Считаешь, что именно в таком виде? Я нигде не читала

описаний.

Вдоль стен стояли подростки в красных плащах. В руках бичи. Анна обомлела. Неужели будут бить?

Царьков взял ее под руку и подвел к белым полиэтиленовым креслам. Усадил и сел рядом. Анна увидела близко его профиль. Выпуклые надбровья, хищный, похожий на клюв, нос. Все, как обычно, только теперь она сопоставила черты его лица с обстановкой и догадалась, с чего могло начаться его миф насчет себя, его увлечение спартанцами. Выпуклые надбровья и нос клювом – это был их идеал мужской красоты.

– Ну и где же Радаев?

– Его ведут, – спокойно сказал Царьков, хотя внутри у него все переворачивалось.

Кажется, эта баба запала на Радаева по-настоящему. А он снова в полете. Как все повторяется в жизни!..

... В двадцать лет он влюбился в Наташку, девчонку своего друга Гришки Федорова. Гриф был не жадный. Нравится – бери, для друга ничего не жалко. Леня попытался взять и опозорился. Наташка сама разделась и легла. Она лежала, как бревно, смотрела в потолок и жевала жвачку. Ей ничего не стоило подвернуть кому угодно, если это нужно Грифу, но Ленька был совсем не в ее вкусе.

Свой позор Леня объяснил себе просто. Будь у него такая же сила над пацанами, как у Грифа, у него бы и в постели

была та же сила. Все братанки считали бы за честь спать с ним.

Царьков долго думал, как избавиться от Грифа. Перечитал все доступные учебники по криминалистике и извлек главный урок. Человек может исчезнуть бесследно. Нужно только, чтобы он верил человеку, который собирается его убить. Федоров верил своему другу. Эта ошибка стоила ему жизни.

Теперь Царьков мог занять место Грифа. Но открытая власть его не увлекала. Слишком много рисков. Куда безопасней и слаще тайная власть.

Царьков предложил грифам поставить во главе толпы Радаева, рассчитывая, что будет вертеть им, как марионеткой. Но очень скоро понял, что ошибся. Павел был равнодушен к власти. Больше того, толпа была ему чужда. Просто удивительно, как сами пацаны не чувствовали в нем чужака. Наверное, сказывалось его отвага в уличных боях. Отвага создавала Радаеву моральный авторитет. Но авторитет и власть – это часто разные вещи...

– За что тебя отчислили из мединститута? – спросила Анна.

По ее тону Царьков понял, что она что-то уже знает. Н-да, недооценил он ее. А что было делать? Мочить? Всех не перемочишь. Да и рука у него не подымалась на эту женщину.

... После школы Царьков поступил в медицинский институт, стал вращаться среди медиков. Случайно узнал, что

В Москве принято решение запретить при психиатрическом лечении успокоительное средство метаквалон. Препарат оказывал разрушительное воздействие на мозг. Но что еще важнее, мог использоваться как наркотик. При смешивании с димедролом оказывался сильнее героина.

Царьков устроился медбратом в областную психиатрическую лечебницу. Разузнал, что на складе сохранились остатки метаквалона, около килограмма. При первом удобном случае выкрал препарат, но сделал это второпях. Его быстро вычислили. Отделался легко. В милицию его не сдали, но с мединститутом пришлось расстаться. С этой потерей он смирился легко. Он уже знал, что метаквалон, запрещенный во множестве стран, до сих пор производят в Китае. Осталось найти деньги на оптовую закупку.

Деньги Царькову добыл Радаев. Схему их изъятия из банка Рогова придумать было несложно. Налет основывался на тех же принципах, что и убийство Федорова. Части этих денег Царьков нашел выгодное применение. Отправил своего школьного приятеля Корытина в Таджикистан с заданием найти среди продавцов афганского героина лохов. Такие иногда встречаются среди крестьян-таджиков, пытающихся заработать самостоятельно, не связываясь с наркобаронами. Следуя инструкции Царькова, Корытин с самого начала вел переговоры как житель Астрахани, держал в кармане паспорт с астраханской пропиской, и билет имел на поезд Астрахань – Душанбе. Расчет был на то, что таджики проверят.

Расчет оправдался.

Договорились, что продавцы привезут партию героина сами. Встречу назначили в Астрахани. Но в последний момент таджики что-то почуяли. Пришлось их убить. Перед тем как скинуть в Волгу, Корытин изъясил у своих жертв документы. Расчет был на то, что ни в России, ни в Таджикистане их искать не будут. А если найдут трупы, то зацепок – никаких. Этот расчет не оправдался. Таджики находились под наблюдением. Их вел капитан Федеральной погранслужбы Михаил Ланцев.

Они могли убить Ланцева грубо и примитивно, но Царькову хотелось проверить свое изобретение. Одна из их жертв после укола бензином слишком долго мучилась, целых 45 минут. Царькову пришло в голову, что перекись водорода будет гораздо эффективней. Он не ошибся. Ланцев умер от отека легких в считанные минуты.

...Рассказывая о себе, Царьков ни словом не упомянул Ланцева. Но стоило ему вскользь сказать об Астрахани, как Анна насторожилась. Пути этих мерзавцев и ее мужа могли пересечься, а почему нет?

Сказывалась бессонная ночь. Нещадно палило солнце. Радаева сморило. Он задремал и услышал голоса. Сна как не бывало.

Чесноки и Пичугин не считали нужным соблюдать тишину. Зачем? Их трое, а он – один.

– Эй, Радаев, выходи! – весело выкрикнул Руслан. – И не вздумай дуру валять.

Павел кляцнул затвором винтовки. Подействовало. Голос Руслана звучал уже не так решительно:

– Ну, ты чего, в натуре? Давай по-хорошему. Ты попал, понимаешь, попал.

Руслан то угрожал, то предлагал дружбу и сулил золотые горы. Отвлекал внимание. Павел то и дело оглядывался, но все же прозевал Пичугина. Тот возник, как привидение. Их разделяли несколько росших пучком стволов ивы.

Булыкин бы прав. Про этого малого никогда не подумаешь ничего плохого. Фигура подростка, светлые волосы, голубые глаза. Дьявол с лицом ангела.

– Добрый день, – ласково прошептал Пичугин.

Опять-таки: если бы Радаев не знал об этой странной манере, он бы, может, купился. Но он знал, и поэтому ответил с той же интонацией:

– Будьте любезны прилечь. Или я стреляю.

Голубые глаза Пичугина побелели.

– Ты чего, ковбой? Ты с кем так разговариваешь? А ну положи ствол. Положи, сказал!

Если бы только Радаев знал, с кем имеет дело...

Пичугин в совершенстве владел приемами отсроченной смерти. Жертва умирает от разрыва печени или селезенки, внутреннего кровотечения. Хотя научили не только этому приему. Он мог выхватить пистолет из кобуры и поразить

мишень за полторы секунды, тогда как обычно на это уходит 5-8 секунд. Пичугина готовили для специальных операций за рубежом. Но шли месяцы, годы... О нем словно забыли: ни одного задания. И зарплата – как у дворника.

Он только в Чечне понял, что из него сделали не воина, а убийцу, наносящего удары исподтишка и оставляющего своих жертв умирать от мучительной смерти.

Каждый крупный наркокартель имеет чистильщика, устраняющего в своей среде стукачей и кидал. Пичугин подходил для этой роли как нельзя лучше. Трудно сказать, как о нем узнали. Но однажды к нему набилась на знакомство редкая красотка. Что она в нем нашла? Зря он гадал. Просто ей было хорошо заплачено. А потом к нему подошли и предложили интересную мужскую работу. Он сразу понял, зачем понадобился, и не стал размышлять о моральной стороне дела.

Пичугин сделал шаг в сторону, пытаясь обойти иву. Радаев выстрелил. Пуля прошла в сантиметре от ноги ликвидатора.

– Руслан, – сказал Чесноку Пичугин, – обойди ковбоя с другой стороны.

– Руслан, – предупредил Радаев, – у меня в обойме еще четыре патрона.

Антон придержал брата рукой – не надо идти. Но Руслану море было по колено.

Павел выстрелил ему в ногу. Чеснок взвыл от боли и раз-

разился ругательствами. Пуля пошла вскользь, только сильно ободрала кожу. Руслан орал больше от злости. Привыкший наводить страх, он не ожидал встретить такой отпор.

Этот выстрел навскидку был сигналом для Пичугина. Он должен был окончательно понять, что не надо лезть на рожон. Но киллера подвела самонадеянность. Он сделал еще один шаг. В следующее мгновение пуля попала ему в правое предплечье.

Кровь била ярко-красными прерывистыми струйками, выбрасывалась толчками, в ритме пульса. Пичугин сорвал с себя рубашку и туго обмотал плечо.

– Ну, погоди, – яростно прорычал он.

Он еще не понимал, что рана очень опасная, в условиях леса практически смертельная. Пуля перебила артерию, которая пропускает 30 литров в минуту, а в нем, как во всяком человеке, всего 5 литров. Остановить кровотечение можно было только с помощью хирурга.

Через пару минут Пичугин понял, что дело плохо. Рубашка быстро намокала кровью, закружилась голова. Сказывалась быстрая кровопотеря.

– Мне нужно в «скорую», – завопил он, обращаясь к Чеснокам. – Тащите меня!

Куда там. Братьям Чесноковым было не до него.

Задыхаясь от ужаса, ликвидатор пригрозил Радаеву:

– Ты ответишь за меня, тварь!

Павла трясло. Он понимал, что ему теперь грозит новый

срок. Что ж, он хотел убить убийцу, и он это сделал. А теперь будь что будет.

Пикинес и Шуруп (морды у отморозков отрешенные, оба под наркотиком) ввели Олега Лещева.

– Отец бил тебя? – спросил Царьков.

– Нет.

– Тогда тебе будет трудно. У нас из-за тебя неприятности, Олег. Придется принести тебя в жертву, чтобы умиловать богов. Но у тебя есть шанс. Если не издашь ни звука, останешься жить.

Движением головы Царьков дал знак. Пикинес и Шуруп заставили Олега опуститься на колени. В руках у них появились ивовые прутья.

Отморозки начали экзекуцию. Они били сильно, со вкусом. Олег скрипел зубами. Его стоны были похожи на кряхтенье.

– Сын отвечает за отца? – спросила Анна.

Царьков смотрел полными злобы глазами:

– Мэр с мозгами и моралью жуликоватого сантехника. Пьяница, бабник, матерщинник, хам, подхалим, взяточник, убийца животных. Я его с потрохами покупал, а он брал мои деньги с таким видом, будто делает мне одолжение. Я вижу, как он решает вопросы. Я бы решал намного лучше. Он на себя смотрит через увеличительное стекло. Будь его воля, он бы, дурила, и в губернаторы полез. Свирепая страсть властолюбия. Вот кто наркоман!

Анна поняла, что должна как-то отвлечь внимание Царькова от Олега.

– Кого еще будем пороть? – спросила она. – Между прочим, все твои проблемы начались с меня.

– Это точно, – согласился Царьков. – Интересно, что ты в нем нашла, в Радаеве?

– Характер. Характер, Леня! Да прекрати ты это! Хватит! Царьков жестом велел подвести к нему Олега. На парне не было живого места.

– Считай, хорошо отделался. Позвони отцу, скажи ему, что ты лучше его. Звони!

Олег вынул из кармана мобильник и послал вызов.

– Ты где? – Николай Федорович старался говорить спокойно.

Парень растерянно смотрел на Царькова. Тот разрешил:

– Можешь сказать.

– Я у твоего помощника на даче.

– Что ты там делаешь?

– Меня приносят в жертву.

Лещев велел сыну передать мобильник Царькову.

– Леня, ты чего творишь?

– Долго объяснять, Федорыч. Лучше приезжай. Ты мне нужен.

Царьков отключил мобильник и повернулся к Анне:

– О чем еще хочешь спросить?

– Скольких ты убил?

Царьков саркастически расхохотался:

– Мадам, это дело сугубо добровольное. Я никого насильно не заставляю. Да и кого жалеть? Наглый, примитивный молодняк не уважает ни возраст, ни образование, ни талант, ни-че-го. Знаешь, я вообще не люблю людей. За что их любить? По отношению к власти – бараны, а по отношению другу к другу – козлы. А если страна состоит из баранов и козлов, то какой в жизни смысл? Мораль – болтовня. Даже смерть – совсем не то, что принято думать. И рай – не то. И ад. Знаешь, что на самом деле происходит в аду? Души самых больших грешников мучают души менее грешные. То же самое, что и на этом свете. Так что я устроюсь там не так уж плохо.

Ланцева прервала его разглагольствования:

– Ладно, давай о главном – я зачем сюда приехала?

Царьков набрал номер Пичугина, и был очень удивлен, когда услышал другой голос.

– Хм, Радаев?!

– Это я, Квас, – подтвердил Павел.

– Везет тебе, однако.

– Есть немного.

– Жаль, что ты не со мной.

– Я был с тобой, Квас.

– Может, начнем с начала? Анна у меня. Сидит, ждет тебя.

«Он заманил Анну», – догадался Павел.

– Ты где, Квас?

– На даче.

– Иду.

– Жду, а теперь передай трубу Пичугину.

– Нет, Квас, теперь все вопросы только ко мне. Пичугин больше никого не убьет, Квас.

– А Чесноки? Надеюсь, их ты не уделал?

– Антон цел.

– А Руслан?

– Царапина.

– Это хорошо. Это хорошо, что Антон цел, – сказал Царьков.

Никому из грифов он не верил так, как Антону. Именно ему он поручил убрать Радаева. Пичугин должен был только помочь, все остальное должен был сделать именно Антон. Но Пичугин, похоже, действительно выведен из игры. Профи называется, сосиска недоделанная. Только справится ли Антон в одиночку? Это вопрос.

Царьков выключил мобильник и несколько секунд обдумывал ситуацию. Как же так оплошал Пичугин? Хотя все не так уж плохо. Теперь можно все свалить на него – изобразить главой наркокартеля, отдававшего все приказы.

– Что-то случилось? – спросила Ланцева.

– Случилось. Твой Радаев убил человека.

У Анны перехватило дыхание.

– Кого? – с трудом выговорила она.

– Какого парня по фамилии Пичугин.

– Где он сейчас, Павел?

– Идет сюда.

Разговаривая с Квасом, Радаев отвлекся, перестал наблюдать за Чесноками. Антон этим воспользовался. В руках у него была двустволка Олега Лещева. Ему нужно было выполнить приказ Рулевого. Но Антона бил колотун. То ли он боялся промахнуться. То ли, после того, как узнал правду о старшем брате, не было злости.

Увидев направленное на него дуло, Павел метнулся за дерево. Грохнул выстрел. Бок обожгло, пару дробинок он реально поймал. Отполз и встал за кривой березой. Ружье двуствольное. Где твой второй выстрел, Антон? Ну, давай! А может, лучше поговорить?

– Антон, а знаешь, кто братана твоего, Степку, подставил? Не догадываешься?

– Не слушай, кончай его! – заорал Руслан.

– Не кончишь ты меня, Антон – сказал Павел. – У меня еще три патрона, а у тебя – один. Прикинь шансы. А про Рулевого – это правда. Степке – кладбище, мне семерик, а ему – двенадцать лимонов. Так он распределил.

– Кончай его! – истерично орал Руслан.

– Дурак ты, – сказал ему Антон.

Он сам подозревал, что его старший брат погиб не по какому-то недоразумению, что к этому как-то причастен Рулевой. Кто угодно мог убить Степку, только не Радаев.

– Антон, я пошел, – объявил Павел. – Меня Квас ждет, Антон, ваш Рулевой.

– Стреляй! – орал Руслан.

Антон поднял ружье, прицелился в уходящего Радаева.

– Ну! – завопил Руслан.

Антон опустил дуло. Не мог он выстрелить Радаеву в спину. Хоть убей, не мог.

Вторым рейсом из Москвы к оставшимся четверым нарколополицейским прибыло подкрепление.

Захват Царькова и его банды был назначен на 15.00. В 14.45 к даче подъехали три микроавтобуса с двумя десятками спецназовцев. Потом – Булыкин.

Шокин увидел из окна своей дачи, что происходит, и тут же позвонил Царькову, хотя понимал, что телефон его может прослушиваться.

– Я в курсе, – коротко ответил Царьков.

Шокин надел форму, вышел из дачи и стал выяснять, что тут происходит. Возмущался, почему его не поставили в известность.

Начальник московской опергруппы майор Саенко показал ордера на аресты, выданные Генеральной прокуратурой. С такими бумагами не поспоришь. Шокин предложил помощь, обещал подтянуть сотрудников.

– Мы обойдемся своими силами, – сухо отказался Саенко.

Появился Лещев. Сообщил, что его сын, судя по всему,

взят в заложники. Он, как отец, хотел бы поговорить с Царьковым.

– Хорошо, пойдете с нами, – согласился Саенко. – Только мы не исключаем пальбы.

Лещев усмехнулся:

– Подумаешь, пальба. Я на медведя ходил.

Анна все же раскрутила Царькова на интервью, обещавшего стать сенсационным. Хотя едва ли в этом была только ее заслуга. Царькову хотелось выговориться.

– Я еще в армии понял, что на наркотиках можно очень хорошо зарабатывать. Служил в Таджикистане, там травка – как у нас чай или сигареты. Но на героин там мало кто подсаживается. Я очень удивился, когда увидел, как делается героин. Предельно просто и дешево. Если бы он продавался свободно, его рыночная цена была бы не выше, чем у табака. Бешеные доходы наркобизнесу приносит, прежде всего, сам запрет на производство и продажу наркотиков. Наркоман готов платить высокую цену, потому что у наркотика нет альтернативы...

Царьков остановился. Анна терпеливо молчала.

– Ну, найдут сейчас сколько-то килограммов, – продолжал Царьков. – И что? Думаешь, конфискация что-то изменит? Уверяю тебя, уровень потребления вещества не сократится. Есть спрос – будет и предложение. Жаждающие тут же поедут в Москву, и там мгновенно узнают, что в Поволжье дефицит. Все! Через два дня здесь будет полный достаток.

Только на мое место придет куда более неприятный тип. И этот тип, как и я, полезет во власть. Ты вот четвертая власть. А мы – пятая. Все, кто этим делом занимаются, считают себя пятой властью.

– Только считают? Или являются таковой на самом деле? – спросила Анна.

Этот уточняющий вопрос был очень важный. Его нельзя было не задать.

– Это уж ты сама делай вывод. Деньги от продажи веществ идут во все сферы жизни. Вкладываются даже в борьбу с наркоманией, в наркологические исследования. Если бы не ты, через пару месяцев я бы стал членом областной комиссии по борьбе с наркотиками, а через какое-то время меня или моего человека поставили бы председателем комиссии. Такова была задача, а свои задачи мы, как правило, решаем. Решение проблем требует денег, а деньги у нас есть.

– Хочешь сказать, что вы боретесь с собой? Кто тебе поверят?

– Скажу по секрету, наркобизнес был бы убыточен только в том случае, если бы была создана система, которая изымала бы три четверти наркотиков. Но в этом случае защита от наркомании стоила бы дороже программы «звездных войн».

– К чему ты клонишь?

– Не я запускал эту заразу, Ланцева. И не только по нашей стране идет эта эпидемия. Потребление наркоты растет во всем мире, несмотря на все запреты и конфискации. И в

Голландии, где продажа легких наркотиков практически легализована, и в Иране, где за это вешают. Повторяю, не будет меня, мое место займет другой. Сколько на это понадобится времени, я уже сказал. Два-три дня.

– Зачем ты убрал Гридасова? Неужели он так мешал?

– Это чисто нервное, хотя... не только. Гридасов вел свою игру. Думаю, метил на мое место.

– К чему ты стремился?

– Есть несколько уровней власти. Я стремился к той, когда тебе предлагают, и ты только говоришь «да» или «нет».

– К какому типу преступников ты себя относишь?

– У меня страсть – быть в тени. Есть такие коллекционеры. Держат очень редкие вещи под семью замками и тайком ими любят. Что-то в этом роде.

– Ты считаешь себя нормальным?

– Знаешь, в роддоме часто выдавливают младенцев коленкой. Не исключено, что мне тоже досталось. А потом, детстве, как-то услышал: сколько ни воруй, своего не возвратишь.

– Почему ты так спокоен? Твое дача окружено, вертолета у тебя нет. На что ты рассчитываешь?

– А чего мне бояться? Я чист. Ни одного документа, ни одной улики. Таня? Бред ревнивой женщины. Я давно уже не держал в руках вещества. Даже не прикасался. За что меня можно привлечь? Даже если нас возьмут, мы всего лишь были игрушками в руках Гридасова и Пичугина, которых уже

нет.

Вошел Корытин с взволнованным лицом.

– У них – ордера Генпрокуратуры, у нас – минут пять.

Царьков повернулся к Ланцевой:

– Жаль, не договорили. Привет Радаеву, пусть не держит зла. Ты тоже не поминай лихом, Аннушка.

На лице женщины было написано изумление. Она не ожидала, что так легко отделается.

Не нужно было быть физиономистом, чтобы прочесть ее мысли.

– Убивать тебя или Радаева – какой в этом смысл? – сказал Царьков. – Чтобы сорвать зло за то, что вы меня вычислили? Это было неизбежно. Не вы, так кто-то другой. Но у вас это получилось быстро. Честно говоря, не ожидал. Вы поломали мои планы. Наверное, ты догадываешься, кем бы я был при Рогове, если бы он стал мэром. Но это не конец – для меня. Закон всегда защитит того, кто способен нанять хороших адвокатов. Но до этого, думаю, дело не дойдет. Слышишь?

Нарастал какой-то странный рокот множества моторов.

У Корытина заиграл мобильник. Ему докладывали, что спецназ грифов в количестве двухсот человек на машинах и мотоциклах подъезжает к даче.

Многие грифы были обкурены, но действовали четко. Не обращая внимания на полицейских, в считанные секунды заблокировали подъезд к даче своими машинами и мотоцик-

лами.

Майор Саенко выстрелил в воздух и заорал:

– А ну, уехали быстро! Уехали, говорю!

Гриффы ржали с дебильным видом. Они точно следовали инструкции: без грубостей и хамства сковать действия полицейских, лишить их решимости действовать жестко.

Саенко связался с Москвой, доложил обстановку. Ему сказали: поступай по своему смотрению, но не дай бог кого подстрелить, жди подкрепления, по приказу министра внутренних дел из областного центра выехал ОМОН и автобус с курсантами школы милиции.

Ждать нужно было минут сорок.

Подбежав к даче, Радаев сразу понял, для чего эта массовка. Несколько гриффов понеслись на мотоциклах вдоль забора. Куда? Что там может быть, если не черный въезд-выезд?

Радаев сбил с ног мотоциклиста (это был Свищ), стоявшего немного в стороне, и через миг сам уже был вместо него в седле. Это видел только один человек – Булыкин.

Радаев бросился догонять гриффов. Никита ринулся следом на своем стареньком «жигуленке».

Черный въезд-выезд блокировали всего двое наркополицейских. Привыкшие действовать по инструкции, они не знали, что делать, когда гриффы-мотоциклисты окружили их.

Едва видимые снаружи ворота открылись. Из них вылетел джип и понесся к шоссе. Спецназовцы схватились за автоматы, но открыть огонь не решились.

Джип летел к шоссе в сопровождении мотоциклистов.

У Булыкина было мало шансов отличиться, но он пустился вдогонку.

Джип летел, поднимая клубы пыли. Преследовать его было опасно. Перед капотом то и дело возникали мотоциклисты. Еще не хватало кого-то сбить.

В голове у Булыкина стучало: а вдруг это отвлекающий маневр? Вдруг в джипе не Царьков, а кто-то другой, а Царьков в это время скрывается другим способом?

Грифы столкнулись сами, устроили кучу малу. Булыкин едва успел затормозить. Пришлось объезжать. Было потеряно несколько секунд. Зато помех впереди стало меньше. Джип сопровождали только два мотоциклиста.

До шоссе оставались считанные метры. Дальше угнаться за ним было нереально. План отхода наверняка предусматривал пересадку в другой автомобиль. Царьков и Корятин могли уйти, исчезнуть, раствориться.

И тут произошло странное. Один из мотоциклистов начал стрелять по шинам. Из шин быстро выходил воздух, джип завилал и потерял скорость.

Булыкин притопил педаль газа до отказа, нагнал джип и начал прижимать его к краю дороги. Сидевший за рулем Корятин отчаянно сопротивлялся. Пришлось пойти на таран. Джип угодил в канаву и завалился на бок. Никита выскочил из «жигуленка». Мотоциклист, стрелявший по шинам, под-

бежал к джипу и рванул на себя дверь.

Царьков ударил мотоциклиста ногами в живот, и выскочил из джипа и побежал в сторону шоссе. Там его ждал другой джип.

Подоспел Радаев, он наехал на Царькова, сбил его с ног, вцепился мертвой хваткой. Они катались по сухой желтой земле, поднимая клубы пыли.

– В кого ты, сука, превратился! – отчаянно сопротивляясь, хрипел Царьков.

Павел не отвечал на оскорбления. Ему нужно было как-то исхитриться и провести болевой прием. Сделать это было непросто. Царьков проявлял чудеса ловкости. В какой-то миг Павел сам попал в трудное положение. Его выручил мотоциклист, стрелявший по колесам, он нацепил на Царькова один конец наручников.

Дело было сделано. Мотоциклист снял шлем и сделал глубокий вдох, ему не хватало воздуха.

Это был Гоша. Точнее, наркополицейский Георгий Тыцких, работавший в Поволжье под прикрытием.

Московские спецназовцы увезли Царькова и Коротина. Дачу уже окружали прибывшие из областного центра омоновцы. Двести грифов оказались в кольце.

Павел вместе с Булыкиным вошли во двор. Они сразу увидели Анну. Она медленно шла им навстречу. От пережитого ее плохо слушались ноги, но на лице было написано об-

легчение, а в глазах сиял восторг. Павел ускорил шаг, потом побежал к ней. Булыкин отвернулся и сел на землю. Взял горсть земли, пропустил через растопыренные пальцы. Земля была сухая, песчано-серого цвета. Не было в ней ничего интересного.

Из газет:

«В Поволжье началось слушание уголовного дела в отношении 46 членов организованного преступного сообщества (ОПС) Леонида Царькова и Вячеслава Корытина. Это был крупнейший в новейшей истории России наркокартель, состоявший в общей сложности из 198 человек.

Начальник УВД Поволжска полковник Александр Шокин сообщил нашему корреспонденту, что при расследовании дела ОПС Царькова и Корытина выявлено более 90 преступлений. Только по фактам легализации денежных средств, добытых преступным путем, возбуждено 31 уголовное дело. Всего арест наложен на имущество ориентировочной стоимостью более 45 миллионов рублей.

С 2002 по 2006 год группировка сбыла на территории Поволжска и соседних городов и областей 432 кг героина и 124 кг других наркотических средств.

Также ведется следствие в отношении более 200 так называемых «барыг», формально не являвшихся членами ОПГ, но активно занимавшихся распространением наркотиков.

На сегодняшний день материалы следствия уже состави-

ли 179 томов. Чтобы доставить арестованным в следственный изолятор Поволжска по одному экземпляру заключения, областному управлению Наркоконтроля пришлось заказать большегрузный «Камаз».

В 2000 году Царьков и Кoryтин закупили в Китае 9 тонн метаквалона и 3 тонны димедрола. По накладным груз проходил как тальк для завода резиновых изделий. Там же было закуплено оборудование для таблетирования: специальные весы, смесители, пресс-формы. Груз хранился на складе в одном из южных городов России.

Спустя месяц после ареста Царькова и Кoryтина смонтированный в другом городе России мини-завод дал первую продукцию – таблетки мандракса весом около полуграмма. Вскоре они появились в продаже на дискотеках в виде конфет.